

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

Яницкий О. Н.

**Природоохранные сети России
и их социальный капитал**

2012

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

Яницкий О. Н.

**Природоохранные сети России
и их социальный капитал**

Москва 2012

УДК 316.422
ББК 60.56
Я62

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор, Д. В. Ефременко,
 доктор социологических наук, профессор, Н. Е. Покровский

Яницкий О. Н.

Я62

Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН, Яницкий О. Н. // Официальный сайт ИС РАН - 2012. 185 стр., 27 илл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>

Книга посвящена гносеологическим и теоретическим проблемам формирования современных природоохранных сетей России и их роли в процессах накопления, воспроизводства и распространения практически ориентированного социального капитала, необходимого для охраны природы в России. Книга адресована социологам, политикам, экологам и эколокам, всем, кто заинтересован в сохранении российской природы и устойчивом развитии нашего общества. Работа выполнена по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук Российской Федерации на 2008-2012, раздел Проблемы и механизмы обеспечения экологической безопасности России, пункт 75 «Разработка концепции восстановления и активизации механизмов развития человеческого потенциала». Регистрационный № ВНИТЦ 01200952241.

ISBN 978-5-89697-215-0

УДК 316.422
ББК 60.56

ISBN 978-5-89697-215-0

© ИС РАН, 2012
 © Яницкий О. Н., 2012

Оглавление

Предисловие	6
Введение	9
Глава 1. О гносеологии анализа социального капитала в отношении охраны природы	19
1. Эпистемология	19
2. Роль традиции и культуры	24
3. Временной фактор формирования сетей	26
4. Изменения эволюционные и катастрофические	32
5. Роль инициативных групп и социальных движений в формировании сетей	32
6. Социальный статус локального знания	33
7. Заключение	37
Глава 2. Нормативная теория развития природоохранных сетей	38
1. Теория сетей как отрасль экосоциологии	38
2. Активистская направленность теории	40
3. Сеть как структура глобального экологического движения	42
4. Сеть как ответ на вызов глобального метаболизма	42
5. Зависимость сетей от социального порядка	44
6. Сети внутриорганизационные	45
7. О режимах функционирования сетей	47
8. География, социальный контекст и плотность сетей	48
9. Заключение	54
Глава 3. Социальный капитал сетей: источники и эволюция	56
1. О понятии социального капитала	56
2. Его источники	58
3. Личностные качества экоактивистов	64
4. Динамика сетей	73
5. Заключение	76
Глава 4. Динамика структуры и функций экологических НКО и накопление социального капитала	78
1. О терминологии	78
2. Зависимость структуры и функций экоНКО от контекста	79
3. О трансформации НКО в ОСД	80
4. Проблема цикла развития	82
5. Динамика экоНКО в России и странах Европейского союза	84

6.1. Структурно-функциональная организация экоНКО «Лесной попечительский совет»	93
6.2. Структурно-функциональная организация экоНКО Гринпис	103
6.3. Структура лесной программы Гринпис Россия	105
Глава 5. Локальное знание как социальный капитал	112
1. К определению понятия	112
2. О методологии анализа	114
3. Носители локального знания	116
4. Структура локального знания	118
5. Просветители и посредники	120
6. Заключение	127
Глава 6. Межличностные сети российских экоактивистов	130
1. Введение	130
2. Сетевой социальный актор и первичная эко-структура	131
3. Нормальная и мобилизационная фазы их функционирования	138
4. Структура межперсональных сетей в отчужденном контекст	143
5. Межличностные контакты и экологическая политика	145
6. Контакты формальные и неформальные	147
7. Ядро или элита?	148
8. Заключение	150
Глава 7. Мобилизационный потенциал природоохранных сетей в условиях экокатастрофы	152
1. Постановка вопроса	152
2. Мобилизационный потенциал гражданского общества	156
3. Некоторые вопросы теории	158
4. Структуры сетей в условиях мобилизации	162
5. Выводы	166
Заключение. О качественной модели сети охраны природы	169
Литература	173
Список схем	180
Список сокращений	182

Предисловие

Социальные сети – основополагающий элемент структурно-функциональной организации общества с момента его зарождения. В их основе всегда лежал контакт человека и природы или человека с другим человеком или сообществом. Сети, контакты, связи, общение, обмен и т.п. – это всего лишь разные обозначения одного и того же процесса: существования и развития общества как непрерывного процесса социального взаимодействия. Строго говоря, можно было бы и не употреблять прилагательного «социальные», так как в данном случае все эти сети суть сети социальные, независимо от того осуществляются они между людьми и организациями непосредственно или опосредованно, путем технических устройств. Более того, как я постараюсь показать, действительным предметом научного анализа должен быть «клубок» сетей on-line и off-line, создаваемый процессами взаимодейс-

твия внутри системы «общество - природа», или, точнее, внутри социобиотехнических систем разного масштаба и уровня.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, носит теоретический, но не спекулятивный характер. Она основана на анализе и обработке материалов исследований, которые мои коллеги и я вели на протяжении почти 40 лет. Методы, которыми мы пользовались, были различными, но почти всегда это были качественные методы.

Дело в том, что в отличие от работ по анализу социальных сетей, основанных, прежде всего, на анализе статистики и материалов массовых опросов, меня интересовал гуманистический, человеческий характер этих сетей. А значит, цели, ценности и мотивы их возникновения, трансформации и мобилизации. Далее – расстановка про- и контрэкологических сил, те возможности, которые предоставляются, равно как и ограничения, которые налагаются на сети охраны природы в зависимости от политического и социального контекста.

Современные работы по сетевому анализу в социологии представляют собой чаще всего синхронный (одномоментный) срез общественного бытия.

Однако мне казалось не менее важным, хотя бы в общих чертах наметить тренды, динамику развития социальных сетей, их связь с прошлым, настоящим и будущим. Меня всегда интересовала трехмерность любых форм социальной жизни общества. И в такой постановке проблемы сетей меня поддерживали мои респонденты, интервью с которыми давали мне представление о динамике социально-экологических конфликтов, в которых они принимали участие. А также развитие их самих как профессионалов и как личностей. Эти связи микро- и макрообщества, сообщества и личности защитников природы и их контрагентов во многом определили направление исследования и структуру данной книги. Вот почему я предпочитаю работать методом «изучения случая», но не как единичного события, а как развивающейся системы отношений социальных субъектов и контекста. Конфликт человека и природы вечен, значит, метод изучения его конкретных проявлений, в частности, тех же сетей охраны природы, тоже должен быть «протяженным во времени». То есть длительным наблюдением, включенным или со стороны. Но изучение природоохранных сетей – отрасль активистской социологии, потому что, в конечном счете, их структура и функции суть производные от локального или глобального социально-экологического конфликта. Моими респондентами в 99 случаях из ста были именно активисты, объединенные общими целями и ценностями.

Я хотел бы поблагодарить их всех, потому что за 40 лет наших разговоров (именно разговоров, свободного общения, а не ответов на заранее подготовленные вопросы) накапливался мой собственный социальный капитал как социолога. Вот лишь некоторые имена, которые я хотел бы упомянуть особо: К. Авилова, А. Арбачаков, А. Бакка, С. Бакка, И. Блоков, А. Букин, Ю. Л. Васильев, А. Григорьев, Ю. Дарман, А. Дубынин, Н. Дуденко, О. Енгоян, И. Жукова, С. Забелин, А. Затока, А. Зименко, В. Зубакин, Д. Кавтарадзе, А. Каюмов, А. Комарова, Е. Краснова, М. Крейншлин, С. Кричевский, Г. Кузнецов, М. Лауристин, Н. Лашинский, К. Леонтович, А. Ляпин, И. Мардарь, А. Марковский, В. Мокиевский, И. Платонова, Л. Попова, И. Русакомский, Ю. Саяпина, Н. Симакова, Е. Симонов, А. Фадин, А. Федоров, М. Хейдметс, Е. Шварц, Н. Шкляев, Ф. Штильмарк, С. Юфит, А. Яблоков, Т. Яницкая, А. Ярошенко.

Я хотел бы также поблагодарить своих коллег, отечественных и зарубежных, за чрезвычайно плодотворный обмен мнениями по проблемам экологии. Назову лишь некоторых: Д. Ефременко, В. Лупандин, А. Мозговая, Н. Покровский, Н. Реймерс, Ф. Штильмарк, И. Халий, а также Р. Пал, К. Пикванс, К. Руутс и Д. Смит (Великобритания), Т. Пал (Венгрия), У. Бек и Д. Рухт (Германия), М. Диани и М. Кастельс (Испания), Л. Ринкевичус (Литва), М. Вивьерка, Э. Претесей и А. Турэн (Франция),

Р. Данлэп и Д. Уинер (США), Т. Деелстра, Б. Кландерманс и А. Мол (Нидерланды), Р. Мэрфи и Э. Уайт (Канада), Р. Кларк и Ст. Бойден (Австралия) и многие другие. Более того, именно они, социологи, экологи, биологи, химики, токсикологи, теоретики и практики охраны природы или историко-культурного наследия, убедили меня в том, что предмет моего анализа - гуманитарный и междисциплинарный. Что отправной точкой анализа всегда является скрытый или явный конфликт, в котором природа тоже выступает как активное социальное начало. Что, в конечном счете, охрана природы была, есть и будет борьбой, скрытой и явной, борьбой с самыми разными людьми и организациями и столь же разными средствами, борьбой, в основе которой лежат различные человеческие интересы и представления о том, каким должен быть наш мир.

Я благодарю также сотрудников Сектора социально-экологических исследований Института социологии РАН С. И. Давыдову, Ю. А. Рудковскую и О. А. Усачеву за научно-техническую помощь в подготовке книги. Справочный материал книги подготовлен Ю. А. Рудковской.

Олег Яницкий, Москва, 27 мая 2012 г.

Введение

В книге рассматриваются различные аспекты структуры и функций сетей охраны природы (далее, сетей), их развитие и изменение в зависимости от состояния объекта, который именуется биотехносферой, формы и способы накопления, трансформации и расходования социального капитала этих сетей. Вслед за ведущими специалистами в инвайронментальной социологии я исхожу из того, что в современных условиях нет отдельно природы и общества (природных и социальных экосистем), а существует единый организм, именуемый биотехносферой. Хотя аналитически в отдельных случаях необходимо рассматривать действие природных и социальных сил отдельно.

Глава 1 книги посвящена эпистемологическим вопросам изучения сетей охраны природы. Эпистемологически, проблема сетей охраны природы, а вместе с ней и человеческих сообществ, - не технологическая, а прежде всего *социологическая и культурная*. В анализе сетей я исходил из нескольких основополагающих принципов функционирования социобиотехносферы: ее стабильности и развития, причем эта стабильность сохраняется как при помощи рефлексии, осуществляемой всеми институтами общества, так и посредством создания специального института охраны природы. Далее, Биосфера, продолжает жить своей собственной жизнью, частично благодаря процессам, происходящим в ней самой, частично в зависимости от космоса, частью которого она является. Эта зависимость «записана» в культуре и социальных нормах практически всех народов. Так что, даже, если бы мы не вносили никаких изменений в жизнь Биосферы, то сети наблюдения за природными процессами, а также ее защиты и реабилитации, все равно были бы необходимы.

В социобиотехносфере идет постоянный процесс обмена веществом, энергией, информацией, человеческими ресурсами и т.д., который получил название *социально-экологического метаболизма*. Следовательно, природоохранные сети, включающие накопление социального капитала,

должны быть изоморфны этим процессам, а наземная техническая инфраструктура, обеспечивающая ИТ коммуникацию, должна следовать за развитием этих сетей.

Во всяком обществе существует *два типа сетей*: (1) ориентированные на охрану природы и (2) на эксплуатацию ее ресурсов. Первые я назвал про-сетями, вторые – контр-сетями. В данной книге я исходил из теории подобия (раздел механики), согласно которой информационные сети и, в том числе, предназначенные для охраны природы, должны быть *изоморфны* процессам, происходящим в материальном мире. В общем и целом необходимо рассматривать три состояния сетей, отражающих состояние биотехносферы: «нормальное», «мобилизационное» и «катастрофическое». Соответственно, существует три основных темпо-ритма процесса реабилитации природных и социальных экосистем: *поддерживающий*, *неотложный* (скоропомощной) и *пост-катастрофный*, то есть собственно процесс реабилитации, который может продолжаться месяцы и годы.

Про-сети формируются в ходе социально-экологических конфликтов, которые порождают экологические движения, а их лидеры и организации, в свою очередь, претендуют на участие в принятии решений. Прямые действия, общественные слушания, экспертиза и массовые кампании борьбы за экологические реформы в масштабе государства или региона – это лишь разные формы борьбы за власть разума над безумием самоуничтожения.

В Главе 2 рассматриваются вопросы построения нормативной теории развития природоохранных сетей. «Нормативной» эта теория называется потому, что целевой функцией данных сетей является создание условий для поддержания устойчивости социобиотехнических систем, сохранение природы и, тем самым, – создание здоровой среды жизни для населения в соответствии с существующими правилами и нормативами. Эта теория по своей направленности относится к разряду активистских, с той только разницей, что она объединяет не только экологов, но всех тех, кто разделяет ее целевую функцию. Сегодня активистская парадигма является ключевым моментом теории сетей. Ни охрана природы, ни ее пропаганда невозможны без социального активизма. Если мы не поймем целей и мотивов драйверов хранителей природы, мы не поймем ничего.

В основе формирования природоохранных сетей лежит та или иная форма *конфликта* между производителями и потребителями благ, с одной стороны, и защитниками природных и социальных экосистем, с другой. Значит, одной из нормативных функций (задач) этой теории является сближение позиций конфликтующих сторон. Сеть является *экстерриториальной* (on-line и off-line) социальной системой, целевой функцией которой является мониторинг всей геосистемы и в случае

необходимости, концентрация информационных, научных, финансовых людских и других ресурсов в любой точке земного шара.

Как отмечалось, структура природоохранных сетей детерминирована структурой *социально-экологического метаболизма* и поэтому, в принципе, изоморфна ей по структуре. Это, однако, не означает, что данная сеть строго следует за названными процессами, что теоретически желательно, но практически невозможно. Однако это означает, что знание о процессах социально-экологического метаболизма, в том числе, знание о сбоях в них (авариях, катастрофах), является нормативной теоретической основой формирования структуры рассматриваемых сетей.

Структурно сеть представляет собой систему устойчивых, но способных к «программированию» и «переключению» связей, объединяемых вокруг нескольких «узлов». Таковыми, как правило, являются «зонтичные» экоНПО, а также виртуальные эмерджентные «узлы» коммуникации названных выше ее участников, возникающие в случае экологической или техногенной катастрофы. То есть сеть охраны природы имеет двойную структуру: on-line и off-line.

Активизм сетей охраны природы – междисциплинарный, что детерминировано биоразнообразием природы и названными выше процессами социально-экологического метаболизма. Следовательно, деятельность сетей охраны природы – многосубъектный процесс, в нем принимают участие ученые, инженеры, бизнесмены, представители властных структур и само население. Именно вследствие указанных причин требуется перманентное (ре)программирование и переключение этих сетей.

В Главе 3 рассматриваются источники и эволюция социального капитала сетей. Разделение на социальный и человеческий капитал представляется мне достаточно условным. Возможность общения с живой природой, эмоции, вызываемые этим общением, есть тоже социальный (социально-психологический) капитал индивида и группы. Социальный капитал в данной работе рассматривается как социально-активный, то есть *активистский капитал*, направленный на его использование в целях охраны природы и человеческих сообществ. Современный капитализм, создавая «острова благоденствия» для меньшинства, оставляет большинство в измененной или разрушенной природе, не способной к самовосстановлению. Для ее восстановления требуются ресурсы, которые опять же изымаются из кошельков трудящейся массы (через налоги, инфляционные механизмы, регулирование цен и т.д.). Так что *социальный капитал* – *политико-экономический феномен*, а индивид, «просто включенный в сеть», еще не владелец накопленного там социального капитала.

Основополагающими источниками социального капитала индивидов являются воспитание и образование, их инструментами – те же on-line и off-line сети. Приходя в природоохранную организацию, молодой человек уже обладает определенным капиталом знаний и навыков. Но каким именно? Экоактивист нуждается не столько в профильном, но прежде всего в системном, «гибридном» знании. Вместе с тем, для дела охраны природы особенно нужны люди, выросшие «в природе», в ней социально и культурно укорененные. Перманентно соприкасаясь с процессами социально-экологического метаболизма, эти люди знают его закономерности, риски и опасности. Можно сказать, что основу социального капитала этих людей составляет передаваемая из поколения в поколение *практическая мудрость*.

Глава 4 книги открывается сравнительным анализом понятий неправительственные организации (НПО), некоммерческие организации (НКО) и организации социального движения (ОСД). Показывается их относительность, а главное – возможность превращения одних в другие в зависимости от ситуации и роли социальных, в том числе экологических, движений в формировании социальных сетей. Возникновение инициативных групп, а затем НКО/НПО – инструмент ответа общества на его новые вызовы. В демократическом обществе, которое само выросло на почве подобных групп самоорганизации, процесс возникновения НКО/НПО – *естественный процесс*, поддерживаемый государством. В авторитарных обществах НКО/НПО суть гражданские организации, чаще всего находящиеся в состоянии конфронтации с государственными структурами.

ЭкоНКО/НПО имеют определенный цикл своего развития, в ходе которого их социальный капитал накапливается, трансформируется и расходуется. Этот цикл определяется также многими условиями: изменением возрастного состава организации, доступом к источникам ресурсов, а главное – структурой социальных и политических возможностей, продлевающих или сокращающих этот цикл. Обновление экоНКО и увеличение его социального капитала может произойти под влиянием экологической катастрофы, что вызовет приток капитала к данной организации по сетям. В случае катастроф появляются коллективные «эмерджентные акторы» (форумы, блоги, другие НКО), которые, в конечном счете, во взаимодействии с данной экоНКО, также могут увеличить ее социальный капитал, создать новые сети солидарности и взаимопомощи. В главе приводится сравнение структуры и характера развития сетей российских и европейских НКО/НПО по ряду параметров.

Глава 5 посвящена локальному знанию-действию как источнику социального капитала, циркулирующего в природоохранных сетях. Локальное знание представляет собой перманентный процесс

формирования и переформирования смыслов и практик охраны природы в контексте места и времени. Местное население рассматривается как социальный актор, участвующий в процессе накопления знания о данном месте, в формировании «культуры места», в том числе как партнер исследователей в процессе производства социального капитала. Это означает, что местное население является носителем знания и ноу-хау, существенным для разработки научных доктрин и практических рекомендаций. Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального действия: следуй за актором.

Носители локального знания придают первостепенное значение местным условиям и интересам, личностным взглядам и индивидуальному опыту, то есть тяготеют к субъективности. Возникающие «снизу» экспертные оценки отражают более широкие, нежели научное знание, характеристики местного контекста, в котором они формируются и существуют. Далее, если естественнонаучный анализ расчленяет и ранжирует, то локальное знание – интегрирует, соединяя воедино научные факты и их восприятие местным населением. Именно на основании подобных синкретических оценок местные жители или их сообщества принимают решения. Носители локального знания дают *гибридные суждения*, которые идут «поперек» фактов, продуцируемых наукой и политикой.

Непрофессионалы (аборигены, краеведы, просто наблюдательные жители) активно конструируют свой социальный капитал из обрывков популярного знания, местных обычаев, мнений членов семьи или друзей. Тест такой, локально центрированной, модели накопления социального капитала, в конечном счете, всегда практический – работает ли она для объяснения и предупреждения угроз для повседневной жизни данного сообщества. Поэтому локальное знание – не слепок с умозаключений ученых, у него есть собственный производитель, который имеет право быть услышанным. Другими словами, у этого знания есть самостоятельный гносеологический и социокультурный статус. С нормативно-практической точки зрения, локальное знание – это знание о способах поддержания некоторым микро-социальным субъектом (семьей, группой, территориальным сообществом) устойчивого *равновесия* со средой своего непосредственного обитания, включающее как знание о налагаемых на нее извне ограничениях, так и знание о ее ресурсах (возможностях) для поддержания повседневной жизнедеятельности в некотором нормальном (не-мобилизационном) режиме. Такое знание я называю нормальным локальным знанием-практикой, которое поддерживается местной сетью. Но одновременно существует тревожное локальное знание, то есть

предошущение о возможных угрозах, опасностях нарушения этого равновесия, исходящие от внешней среды.

В Главе 6 акцентируется роль межличностных связей активистов в построении сетей и накоплении социального капитала. Межличностные сети, опирающиеся на личные предпочтения и инициативы, всегда были и остаются «несущей конструкцией» всего репертуара публичных действий российских экоактивистов. Сегодня эти сети выполняют, по меньшей мере, две важные функции. Они являются одним из важнейших инструментов интеграции природоохранного движения, поддержания его идентичности. Вместе с тем, межличностные сети критически важны для воспроизводства и поддержания жизнеспособности конкретных экоНКО/НПО. Именно межличностные и семейные связи лежат также в основе создания эко-сообществ и эко-коммун в разных регионах России. Наконец, анализ межличностных связей помогает понять процессы нынешних трансформаций сетей охраны природы в целом.

Для анализа межперсональных сетей необходимы некоторые теоретические инструменты. Таковыми являются концепции «первичной эко-структуры» (далее, эко-структура) и «индивидуального ресурсного поля», предложенные мною (Яницкий, 1984; Yanitsky, 1984). Требования, предъявляемые современным, быстро изменяющимся обществом к индивиду, делают необходимым наличие некоторого «устройства», повышающего его ресурсный потенциал и возможности социального действия. Эко-структура как раз и является таким мультипликатором воспроизводственных и деятельностных потенций индивида и малой группы. Подобное умножение названных потенций осуществляется посредством концентрации универсального и глобального в местном и индивидуальном, «макро» – в «микро». По сути, речь идет о некотором специфическом социальном субъекте – *сетевом социальном акторе*, который в ходе своей деятельности формирует первичную эко-структуру как механизм, обеспечивающий этому актору одновременно постоянное и интенсивное накопление жизненных ресурсов и социального капитала и защиту от избыточного давления «внешней» социальной среды. Иными словами, поддержание некоторой нормы процесса его жизнедеятельности.

Постоянно действующими носителями идеологии охраны природы, хранителями идентичности ее защитников и спасателей, накопителями их ресурсного и социального капитала являются его *ядра* – малые сообщества его постоянных и наиболее активных членов, которые я называю «*базовыми сетевыми социальными акторами*». Такой актор всегда есть активное, деятельное начало, тогда как первичная эко-структура – это его инструмент, депозитарий и мастерская.

Под нормой жизненного процесса такого социального актора здесь понимается его способность воспроизводить свои физические и интеллектуальные потенции и осуществлять социальные действия без чрезмерного напряжения сил. Напомним, что речь идет о процессах, присущих именно активистам социальных движений, а не о простой «адаптации» населения к изменяющемуся контексту. Под стереотипом жизненного процесса я понимаю структуры повседневной активности актора, позволяющие реализовать названную выше норму. Подобно процессу материального производства, проходящему определенные фазы, процесс поддержания жизнедеятельности эоактивиста тоже имеет свои специфические фазы, реализующиеся в структурах ресурсных и коммуникативных связей. Эмпирически, данный стереотип есть устойчивый (ежедневный, недельный и др.) цикл повторяющихся взаимодействий, присущий различным членам рассматриваемого малого сообщества. Как будет показано ниже, он весьма специфичен для современных российских условий. Механизм «включения – обособления», то есть чередования контактов с социетальными структурами и дистанцирования от них, есть главная отличительная черта данного механизма. Наконец, именно посредством межперсональных связей и их ядер элита экологического движения осуществляет свою внутреннюю политику.

Глава 7 «Экокатастрофы как мобилизующий фактор» посвящена процессам мобилизации социального капитала активистов и их сетей в критических условиях природного или техногенного генезиса. Проблема состоит в том, что в своем большинстве люди не хотят признавать, что они постоянно живут в условиях опасности (всеобщего риска) и должны предпринимать что-то, чтобы защитить себя. Под мобилизационным потенциалом гражданского общества, включая его природоохранные структуры и сети, имеется в виду его способность собрать силы и средства для своевременного предупреждения экокатастрофы и/или помощи пострадавшим от нее в максимально короткие сроки. Эти сроки диктуются не только наличием социальных и материальных ресурсов, но прежде всего осознанием рискогенности среды обитания, а также характером самой катастрофы, ее (часто непредсказуемым) развитием и расширением зоны поражения, метаболизмом ее последствий.

В относительно спокойные периоды этот потенциал гражданского общества находится в состоянии «потенции к мобилизации», а иногда и вовсе как бы отсутствует (находится в спящем состоянии). С социально-культурной точки зрения, существенно, что весь период советской власти можно назвать мобилизационным в том смысле, что любой человек подвергался постоянному скрытому и явному «принуждению обстоятельствами», поскольку он не был свободен распоряжаться самим

собой, своим временем и ресурсами. В главе вводится различие между *обычным* (рутинным) и *целевым* мобилизационным состоянием. Мобилизационная готовность вообще и готовность к действию в специфических условиях места и времени при наличии ограниченных ресурсов – не одно и то же. Первое в нынешних условиях уже становится нормой жизненного процесса, тогда как второе предполагает тотальную мобилизацию всех имеющихся в наличии ресурсов.

Сетевой мобилизационный потенциал добровольцев (волонтеров) и их НКО/НПО в период экологических и техногенных катастроф зависит от степени демократичности общества, развитости его гражданских институтов. Чем демократичнее общество, тем плотнее его социальные сети и тем выше, как правило, ресурс безвозмездной помощи, который может быть направлен обществом пострадавшим рядовым гражданам, их сообществам, а также на восстановление привычной для них среды обитания. В главе выделяется четыре фазы мобилизационных состояний человека и сообщества. Первая – это мобилизационное состояние человека и гражданина как *социальная норма*, более того, как необходимая предпосылка для развития личности и накопления ею социального и культурного потенциала. Вторая фаза – это наличие *мобилизующего знания*, то есть знания индивида или сообщества, что они находятся в зоне повышенного риска. Третья фаза – это *готовность к мобилизации*, когда уже не только отдельный индивид, но и его сообщество, знают, что экокатастрофа неотвратимо надвигается. На этом этапе происходит частичная или полная мобилизация *доступных* ресурсов, актуализируются информационные связи и запасники ресурсов. Я называю это *групповой* мобилизацией или солидарной готовностью к действию. Наконец, четвертая фаза – это *мобилизационное действие* уже как таковое, когда катастрофа уже свершилась (или идет), и требуется весь комплекс усилий, о которых речь шла выше. Но отличие этой, последней стадии в том, что мобилизоваться могут не только люди, непосредственно затронутые катастрофой, но и все те, которые затронуты ею *морально*, кто мотивирован к добровольному участию в ликвидации катастроф самим фактом их существования. То есть ареал мобилизации сил и ресурсов благодаря интернету резко расширяется.

В «Заключении» подводятся итоги исследования, делаются некоторые общие выводы и выдвигаются некоторые гипотезы. Существует два пути решения экологического вопроса: «радикальный» и эволюционный. Суть «радикального» пути состоит в изменении способа производства, главными целями которого становятся сбережение населения, повышение качества его жизни и сохранение природных экосистем. Качество жизни человека и поддержание природных экосистем становятся в этом случае главными

критериями функционирования общественного производства. Это, по сути, и есть кардинальное решение задачи устойчивости социобиотехнической системы мира. Теоретически это означает, что: (1) сеть охраны природы должна быть в данном случае глобальной; (2) что ее целями должны быть «инвентаризация» больших и малых нарушенных экосистем, мониторинг восстановительных работ и участие в реализации (обсуждение, пропаганда, обучение, оценка) альтернативных укладов жизни; (3) в случае радикального изменения способа производства эта сеть перестает быть альтернативой существующим отраслевым системам охраны природы и мониторинга геосистем и социально-экологического метаболизма планеты – она становится и их интегральной частью.

Эволюционный путь решения экологического вопроса состоит в постепенной экологизации общественного производства и образа жизни, который уже частично реализуется в индустриально развитых странах, прежде всего, под давлением ухудшения качества жизни и угрозы малых и больших техногенных катастроф, неизбежных при современном способе производства. В странах с традиционным укладом жизни, зависимых от индустриально развитых стран, экологизация их общественного производства и образа жизни населения всецело зависит от внешних условий. Как правило, экологизация жизни в первых происходит за счет де-экологизации жизни в последних, потому что ресурсы для улучшения качества жизни в первых изымаются у последних. Это не противоречит многочисленным фактам локальной экологизации в странах с развивающейся и даже стагнирующей экономикой, экологизации, которая осуществляется местными сообществами. Однако чтобы перейти на эволюционный путь экологизации (в указанном выше смысле) жители этих стран нуждаются, в первую очередь, в освобождении от политической и экономической зависимости от «сильных мира сего», в установлении с ними партнерских отношений.

Эволюцию сетей охраны природы можно разделить на три периода: собственно природоохранный, социально-экологический и гражданский. В первый, *природоохранный период* развитие сетей и формирование их социального капитала было подчинено именно и только охране природы, часто – охране природы от людей. Во второй, *социально-экологический период*, когда ограниченность и неэффективность обозначенного выше подхода оказались очевидными, государство вынуждено было пойти на контакт с рядовыми гражданами и их организациями. Соответственно, возникли сети связи между государственными и гражданскими организациями охраны природы. Третий период, который только-только входит в силу, я бы назвал *гражданским и глобальным*. Он отмечен дальнейшим развитием и укрупнением зонтичных организаций и

скрепляющих их сетей, глобализацией сетей обмена социальным капиталом и другими ресурсами, стремлением российских активистов работать по международным стандартам и значительно большей «социализацией» движения.

В конечном счете, борьба, которую ведут эоактивисты, создавая сети охраны природы, это не только борьба за возможность жить в условиях здоровой и безопасной среды, что зафиксировано в Конституции РФ и многих других стран мира. Достижение этой цели означает также борьбу за изменение социального порядка в смысле изменения доминирующего «ресурсного» взгляда на мир на «экологический» как основы для принятия любых политических и социальных решений.

В конечном счете, если мир как структурно-функциональная система становится глобальным, то и сети охраны природы, виртуальные и «земные», также должны приобрести глобальный характер. А накапливаемый в них социальный капитал должен стать основой прогноза и вытекающих из него практических управленческих мер, ограничивающих динамику мир-системы.

Схемы, которые имеются в тексте книги, имеют самостоятельное значение в том смысле, что не являются иллюстрацией отдельных положений текста. Схемы, следуя общему замыслу, носят синкретический характер, хотя одни из них иллюстрируют микро-, а другие макроситуации, одни иллюстрируют теоретические положения книги, другие визуализируют конкретную расстановку сил вокруг некоторого социально-экологического конфликта и т.д. Я стремился, насколько это было возможно, синхронизировать их расположение в тексте с общей динамикой развития сетей охраны природы. Однако это не всегда было возможно, как, например, в случае с борьбой за спасение озера Байкал, борьбой, которая продолжается уже почти полвека.

Глава 1. О гносеологии анализа социального капитала в отношении охраны природы

1. Эпистемология

Эпистемологически, я исхожу из нескольких основополагающих принципов функционирования социобиотехносферы: ее стабильности и мобильности. Эти два принципа вовсе не противоречат друг другу. Даже если бы наша планета была безлюдна, то она все равно бы изменялась: устойчивость сохраняется уже в течение многих миллионов лет благодаря ее постоянному изменению.

Далее, изменения могут быть «спокойные», эволюционные и резкие, катастрофические, о чем будет сказано ниже. Именно благодаря устойчивости (относительной неизменности) одних компонентов (участков) Биосферы и мобильности других ее систем, то есть движению потоков воздушных и водных масс, вещества, энергии, капиталов, людских масс и информации (в определенных пределах!), одновременно поддерживается и нарушается устойчивость этой сверхсложной системы, именуемой биотехносферой. Человеческое общество внесло и продолжает вносить существенные изменения в этот двуединый процесс. Биосфера, с одной стороны, благодаря своей устойчивости, выработанной ее тысячелетней эволюцией, выдерживает эти изменения. С другой стороны, она «отвечает» человеческому обществу в прямом и переносном смысле: землетрясениями, ураганами, изменением климата и многим другим.

Следующий важный момент заключается в том, что планета Земля продолжает жить своей собственной жизнью, частично благодаря процессам, происходящим в ее чреве, частично зависимой от космической системы, частью которой она является. Эта зависимость «записана» в культуре практически всех народов. Так что, даже, если бы мы не вносили никаких изменений в жизнь Биосферы, то сети наблюдения (оповещения, защиты) все равно были бы необходимы. Примеры Японии и Италии наиболее наглядны. Еще один принцип заключается в том, что эти потоки не только перемещаются, но и трансформируются, переходят один в другой.

Трансформируется всё: деньги превращаются в здания и сооружения, научные открытия в технологии, вещества в процессе своего «движения» в разных средах могут не только накапливаться, но и порождать новые соединения с совершенно новыми свойствами и т.д. В социологической литературе этот глобальный и всеобщий обмен веществом, энергией, информацией, человеческими ресурсами и т.д. получил название *социально-экологического метаболизма* (Fisher-Kowalski and Haberl, 2007). Следовательно, природоохранные сети, включающие накопление социального капитала, должны быть изоморфны процессам социально экологического метаболизма. В свою очередь, наземная техническая инфраструктура, обеспечивающая IT коммуникацию, должна следовать за развитием этих сетей.

Опять же эпистемологически, я называю свой сетевой подход экологическим в противовес повсеместно господствующему сегодня отраслевому.

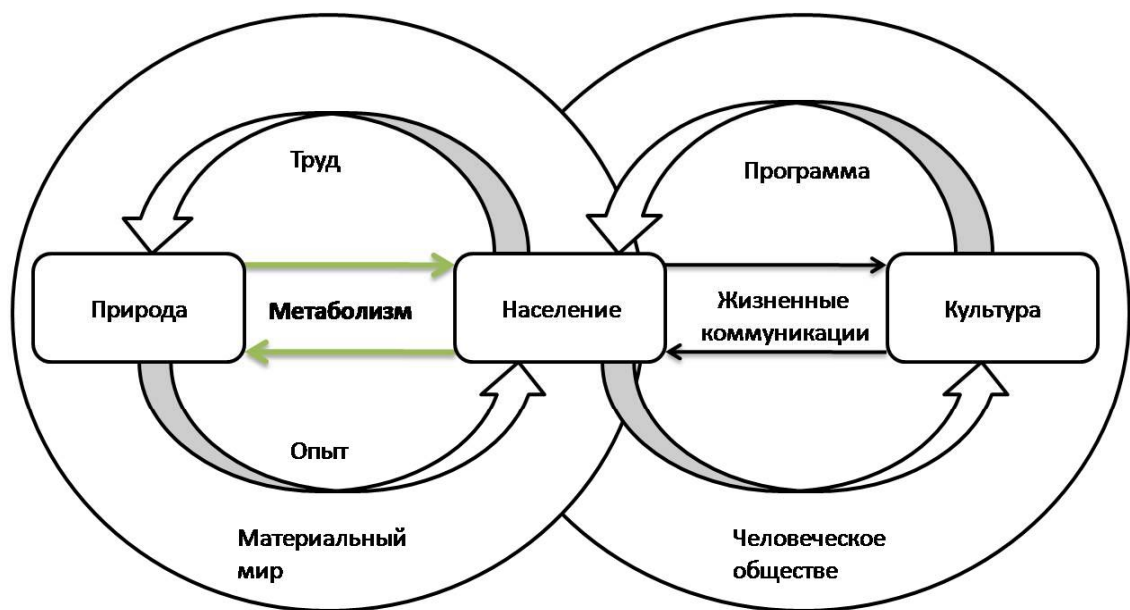

Схема 1. Интерактивная модель взаимодействия общества и природы
Источник: М. Fisher-Kowalski, 1995, с. 131

Вот как, например, определялись приоритеты экологической политики 13 лет назад: в соответствии с главным приоритетом, которым тогда считалась «экологическая безопасность», эти приоритеты «определяются по основным направлениям: экономика, право, управление, наука, образование, международное сотрудничество, а также по отдельным

отраслям (промышленность, сельское хозяйство, энергетика, транспорт, оборона и др.), и регионам». Далее, почему-то главный приоритет экологической политики (экологическая безопасность) формулировался в чисто экономических терминах как «придание всевозрастающей ценности природным ресурсам и всему природному богатству, включая здоровье страны» (Захаров, 1999: 7, 8).

Я полагаю, что этот подход ошибочен, поскольку как природные экосистемы, так и социотехнические, являются *системами* вследствие метаболической зависимости элементов, их составляющих. Поэтому взамен отраслевого подхода предлагается *кластерный*, который может быть описан на языке сетей и связей элементов этих систем. Кстати, этот подход аналогичен бассейновому, который уже давно предлагается экологами.

Основная идея проведенного исследования заключалась в том, что в социуме существует *два типа сетей*: (1) ориентированные на охрану природы и (2) на эксплуатацию ее ресурсов. Эти сети не только отражают разные взгляды на отношение природы и человека, но и разделение общества по признаку доминирующего взгляда на мир, то есть по критерию господствующих ценностей. Первые сети для краткости я назвал *про-сетями*. Те сети, которые отражают и функционируют в качестве инструмента хищнической эксплуатации природных ресурсов и уничтожения ее ландшафтов, я называю *контр-сетями*. Если первые, природоохранные сети, следуя за процессами социально-экологического метаболизма, носят *самоорганизующийся* характер, то контр-сети, следуя за планами и проектами эксплуатации природы, имеют *директивный* (вертикальный) характер, без обратной связи. Первые служат человеку и природе, вторые – интересам капитала. Первые действительно являются инструментом для производства социального капитала, используемого для охраны природы. Вторые производят социальный капитал, используемый двояко: для интенсификации эксплуатации природных ресурсов и для борьбы с индивидами и общностями, защищающими природу.

Переходя к собственно охране природы, отмечу, что устойчивость природных или социоприродных (социотехнических) экосистем сохраняется только при определенных условиях, то есть имеет определенную несущую способность. Превышение этой несущей способности означает, что она из поглотителя рисков превращается в их производителя. Значит, в идеальном случае, при всех трансформационных процессах эта устойчивость должна сохраняться. Что, в свою очередь, означает, что эпистемологически (методологически) *структура и функции сетей охраны природы должны следовать «за» этими трансформационными процессами*. В социологии социального знания есть принцип «следуй за актором» (Irwin, 2001), то есть необходимо «следовать»

(наблюдать, изучать, оповещать, предупреждать население и оказывать помощь пострадавшим) не только за социальными, но и атмосферными, технологическими и другими процессами. Включая тех, кто работает в самой сфере природопользования, занят вопросами экологической политики или трудится в тех областях человеческой деятельности, которые влияют на устойчивость отдельных природных систем и биосферы в целом. Таким образом, и с этой точки зрения, структура и функции сетей охраны природы должны следовать за всеми обозначенными выше потоками и их превращениями.

Далее, чем больше биосфера превращается в социобиотехносферу, тем больше приходится прилагать усилий и затрачивать ресурсов для ее поддержания. В противном случае, наступают сбои в ее работе, аварии и глобальные катастрофы. Значит, и с этой точки зрения, сеть мониторинга за функционированием социобиотехносферных объектов (городов, систем поселений, агротехнических и гидротехнических систем) должна становиться все более плотной по структуре и непрерывной по режиму функционирования.

Понятно, что в реальном мире «сеть» состоит не только из информационных связей и потоков, но и всей «земной» социально-организационной и технологической машины, обеспечивающей ее функционирование. Однако в данной книге я исходил из принципа «подобия» (теория подобия как раздел механики), согласно которому информационные сети и, в том числе, предназначенные для охраны природы, *изоморфны* процессам, происходящим в материальном мире. В этом изоморфизме есть своя специфика. Изоморфизм не означает, что социальные сети мониторинга, оповещения, защиты и помощи пострадавшим должны в буквальном слове повторять, идти рука об руку со всеми протекающими на планете процессами социально-экологического метаболизма. Это лишь означает, что эти процессы должны быть видимы и доступны соответствующим «наземным» службам охраны природы и спасения людей.

Почему я предпочитаю говорить именно о сетях, а не о точках, станциях и других дискретных объектах наблюдения (мониторинга), хотя, естественно, эти сети, в конечном счете, всегда имеют свои точки опоры: физические (на земле) или виртуальные в интернет-пространстве.

Во-первых, потому что сеть не разделяет, а, напротив, соединяет эти точки наблюдения и оповещения. Во-вторых, в этих сетях гораздо легче осуществляется перевод с языка одной области знания на другой. Иначе они просто не смогут взаимодействовать. При постоянном и длительном взаимодействии представителей разных областей знания нарабатываются алгоритмы такого междисциплинарного перевода, а впоследствии и

специфические междисциплинарные языки (коды, сленги). В-третьих, в процессах такого сетевого взаимодействия нарабатывается социальный капитал, который принадлежит всем ее участникам. В-четвертых, природа сама создала систему взаимозависимостей между своим различными компонентами: живыми и неживыми, стабильными и подвижными, что и получило название глобальной экосистемы. И человеку, если он хочет сохраниться как живое существо и сохранить свои социальные и технологические системы (города и иные типы социальных общностей), ничего не остается, как следовать за этими взаимозависимостями. Познавать и охранять их, учиться жить в мире со всё более неустойчивой и все менее предсказуемой социобиотехносферой, созданной им самим. В-пятых, подобно живой планете Земля, социобиотехносфера тоже «живет» собственной жизнью. Поэтому никакое, многократно отлаженное и проверенное сложное техническое сооружение (завод, ракета и ее пусковой комплекс, ГЭС или АЭС) с даже самым лучшим обслуживающим персоналом не может дать гарантии от «неожиданного» сбоя в ее работе. Специалисты тысячи раз испытывали свои создания на специальных стендах, в испытательных полетах, пусках космических ракет и т.д., но все равно эти создания периодически ломаются, взрываются или ведут себя не так, как задумал человек. Этот принципиальный момент был обозначен американским исследователем Ч. Перроу и назван им как «нормальный несчастный случай» (Perrow, 1984). Вообще, чем более сложен, искусственно созданный человеком конструкт, тем больше он требует времени и ресурсов на наблюдение за ним, его ремонт, обслуживание, модернизацию и т.д.

Но у процесса общественного производства есть другая сторона: отходы, отвалы, захоронения токсичных веществ. Как говорил У.Бек, мы живем в мире побочных эффектов (Beck, 1992). Причем производители стараются как можно быстрее, незаметнее и главное – дешевле избавиться от разного рода отходов. В условиях тоталитарного общества, коим был Советский Союз, проблема токсичных отходов стала особенно острой. В те времена, во-первых, не было никакой культуры борьбы с отходами: они часто выбрасывались буквально за забор режимного предприятия. Во-вторых, исследования стойкости этих отходов, времени их разложения и распада практически не проводились. В-третьих, мало кто думал о том, каким образом эти вещества включаются в глобальный процесс социально-экологического метаболизма. К тому же, размещались эти захоронения где угодно: на земле и под водой, закапывались в землю, формировались в виде свалок и т.д. Замечу, что в эпоху аграрных обществ, масштаб этой проблемы был на много порядков ниже, потому что отходы были в основном органического происхождения и, таким образом, практически

целиком включались в процессы социально-экологического метаболизма. Сегодня проблема отходов стала особенно острой, когда удалось сделать карты некоторых захоронений токсичных материалов. Она станет еще более острой завтра, когда начнет реализовываться план расширения Москвы на прилегающих к ней территориях, сплошь покрытых объектами военно-технического назначения и просто предприятиями, которые хранят отходы на своих территориях.

2. Роль традиции и культуры

Эпистемологически, проблема сетей охраны природы, а вместе с ней и человеческих сообществ, *не технологическая, а гносеологическая и культурная*. Казалось, что привычка периодически убирать свое жилище, выносить мусор, чистить, вытряхивать пыль и т.д. плотно укоренилась в культуре цивилизованных народов. Но, как говорят американцы, ‘Not in My Backyard’ или ‘Not in Any Backyard’. А что дальше, за пределами частного владения? Да, есть соответствующие службы, которые все уберут. А что дальше, за пределами их компетенции?

Но вот свежий пример катастрофы на АЭС Фукусима, в Японии, стране древней цивилизации. После аварии там произошло принципиальное смещение массового сознания: тревога и страх, но *не перед будущим, а перед настоящим*. Страх распространяется быстрее радиации. Да, японцы умеют сдерживаться, прятать свой страх внутри. Но эта традиция сдержанности вряд ли поможет им в будущем. Подавленные страх и горе всегда оборачиваются болезнями и психическими недугами. И в этом смысле действительно важно, чтобы эти растерянные люди могли как можно скорее включиться в созидательную работу, почувствовать себя востребованными страной. А для этого нужны сети не только спасателей, но и тех, кто будет заниматься их длительной социальной и психологической реабилитацией.

Но какое будущее выберут для себя японцы? Смогут ли отказаться от такого привычного и комфортного технократически обеспеченного образа жизни и стать на путь развития альтернативной энергетики, скромного образа жизни, обменяв часть своего мирового престижа и материального достатка на дозу спокойствия и безопасности? Это – открытый вопрос.

Землетрясения систематически фиксировались в японской литературе, начиная с 7-го века н.э. Знания о них, зафиксированные в исторической и социальной памяти, прочно вошли в культуру страны. В Японии существует наука, именуемая «сейсмической археологией», которая используется не только для прогнозирования землетрясений, но и для воспитания каждого следующего поколения. В результате население страны в течение многих поколений накапливало научное и практическое знание о том, как

адаптироваться к этим катаклизмам природы с наименьшими потерями. И существует ряд заповедей, которые актуальны и сегодня.

Например, физик, сейсмолог, эссеист и поэт Торахико Тэрада, 1878-1935 гг., (уже такое сочетание талантов в одном человеке само по себе говорит о многом) оставил знаменитое изречение: «Стихийные бедствия приходят тогда, когда о них забыли». Более того, он напрямую связывал эффективность борьбы с ними со связкой «наука–патриотизм народа»: «Постоянное принятие *общими силами народа* надлежащих научных мер против такого сильного врага, как стихийные бедствия», является «проявлением патриотизма *нации научной цивилизации* в XX веке» (Цит. по: Ремчуков, 2011: 17; выделено мною – О.Ян.). Тэрада подчеркивал, что нельзя считать стихийные бедствия «неодолимой силой», тем более, что в их последствиях во многом виноват сам человек. Размышляя о том, как уменьшить потери от стихийных бедствий, он написал: «На самом деле японцев сделали японцами не школы или министерство просвещения, а, наверное, те испытания стихийными бедствиями, которые продолжаются, начиная с эры богов и по сей день» (там же). Обучение на опыте многих поколений – вот что в этом деле самое главное.

Как пишет Идэ, после мощного землетрясения в районе Осаки, Кобэ и острова Авадзи 17 января 1995 г., в оказании помощи пострадавшим активно приняло участие большое количество японских добровольцев. Поэтому 1995 год в Японии стали называть «началом эры волонтеров, и японское законодательство, касающееся неправительственных и некоммерческих организаций, было в значительной мере усовершенствовано с тем, чтобы облегчить деятельность волонтеров» (там же). Оказывается, «нация научной цивилизации» не отрицает, а, напротив, предполагает деятельность волонтеров, то есть развитие гражданского общества.

Да, японцы выдержаны, организованы, закрыты, но стресс, порожденный этой катастрофой, очень силен. Побывавший в Японии в начале мая 2011 г. главный редактор «Независимой газеты» К. Ремчуков, так примерно характеризовал ситуацию: японцы показались мне тихими, «пришибленными», потому что мир, который они создали, оказался таким зыбким. Японцы – интраверты и перфекционисты, и потому для восстановления их былой работоспособности, их прежнего «драйва», вероятно, потребуется гораздо больше времени, чем для восстановления производства и инфраструктуры жизни. Однако помимо «драйва», нужна осторожность и предусмотрительность, которая только и может опираться на сети мониторинга, контроля, наблюдения, своевременной модернизации оборудования и т.п.

Кстати, Ремчуков отметил благодарность японцев русским за сочувствие и предложение конкретной помощи (Ремчуков, 2011), что еще раз подтверждает мою гипотезу о том, что катастрофа снижает градус отчужденности и, напротив, проявляет истинные отношения между людьми и даже народами. То есть катастрофа потенциально *расширяет возможность создания социальных сетей*, причем не обязательно именно по поводу данной катастрофы. Особенно на фоне очередного обострения политических отношений Японии и России из-за посещения Курил первыми лицами РФ.

3. Временной фактор формирования сетей

Сети охраны природы и человеческих сообществ должны рассматриваться сквозь призму течения социального времени. Полагаю, что следует обозначить несколько общезначимых методологических позиций:

(1) прежде всего, необходимо ограничение объекта исследования. Ниже обсуждаются подходы к анализу временного измерения лишь одного типа катастроф, а именно, имеющего (хотя бы поначалу) *внезапный и территориально ограниченный* характер. К ним относятся последствия землетрясений, цунами, наводнений, территориально локализованных пожаров, а также террористические акты и внезапные социальные взрывы (бунты, массовые акции протеста с применением поражающих средств). Временные характеристики типа катастроф, которые в литературе именуются *ползучими* (creeping disasters), ввиду их особой сложности здесь рассматриваются лишь частично. Понимая всю условность и ограниченность такого разделения, я, тем не менее, полагаю, что проблема времени ползучих катастроф требуют специального анализа;

(2) именно ввиду их сложности я хотел бы начать анализ проблемы времени катастроф именно с ползучих и скрытых катастроф. Исторически, их социальное время детерминировано капиталистическим способом производства, стремлением к увеличению нормы прибыли, необходимостью получения прибавочного продукта «здесь и сейчас», а также соревнованием двух систем, гонкой вооружений и т.п. процессами, связанными с нормативно-ценностными основами этого производства. Я разделяю две формы катастроф данного типа: скрытую по причине *незнания законов природы* (землетрясения, цунами, тайфуны) и скрытую по причине самого *характера капиталистического способа производства* и потребления (захоронения и свалки токсичных отходов, общее загрязнение окружающей среды выбросами промышленных предприятий, недостаточное финансирование производств с замкнутым циклом). Рано или поздно латентная фаза ползучей катастрофы переходит в открытую. Типичный

пример: периодические взрывы боеприпасов, лежащие на складах с конца второй мировой войны или захороненные в морях и океанах;

(3) катастрофы ползучего и скрытого типа отличает несколько типов социального времени: [1] *«время сокрытия»*, когда ни производитель, ни потребитель не желают обращать внимание на процесс накопления токсичных отходов; [2] *«время незнания»*, или, точнее, *«время отсутствия интереса»*, в течение которого общество и, в первую очередь, научное сообщество не изучает эти процессы; [3] *«время метаболизма»*, то есть *внутреннее и латентное* время развития катастрофы данного типа, в течение которого в захоронениях и свалках идут физико-химические процессы трансформаций с непредсказуемым результатом: одни отходы разлагаются и их рискогенность снижается, другие полностью поглощаются средой, третьи, трансформируясь, многократно увеличивают свою убийную силу; [4] время, потребное обществу для осознания опасности для него этого скрытого риска (его также можно назвать временем публичности катастрофического дискурса); [5] наконец, есть время, необходимое фундаментальной и прикладным наукам, для создания как продуктов, отходы которых или разлагаются естественным образом, или нетоксичны, и время, необходимое для разработки и внедрения систем раннего оповещения о приближении или вероятности катастроф обеих форм; [6] подчеркну, что во всех случаях фактором, детерминирующим все эти типы социального времени, является современный капиталистический способ производства и его дериват – общество потребления;

(4) все действительные проблемы общества концентрируются и проявляются в третий, наиболее *конфликтный* пост-катастрофный период, когда все возможные последствия катастрофы далеко еще не выявлены, а дезорганизованное и уставшее пострадавшее население требует скорейшей реабилитации, бизнес хочет нажиться на этом процессе, а власти стремятся скорее отрапортовать, что «все под контролем». Сегодня, через 5 месяцев после взрыва Фукусимы 5 тыс. человек числятся погибшими, 15 тыс. – пропавшими без вести, а еще 90 тыс. людей еще живут во временных убежищах (Эхо Москвы 11.08.2011. 8.15);

(5) как я уже отмечал, время протекания катастрофы это *социальное время*, то есть время реакции людей и человеческих сообществ, хотя оно может быть целиком или в значительной степени детерминировано темпоритами протекания не подвластных человеку природных процессов;

(6) говоря в общем и целом, у некоторой катастрофы всегда есть два вовлеченных в нее типа субъектов: риск-производители и риск-потребители. Первые, будучи вольными или невольными производителями катастроф, всегда заинтересованы в извлечении из катастрофических ситуаций прибыли (ассигнования на спасательные работы и технику,

реконструкцию, новое строительство и т.д.). Для них время – *экономическая категория*, потому что «время есть деньги». Для вторых, которые являются жертвами катастроф, время – *социальная*, и я даже сказал бы *экзистенциальная* категория;

(7) это *социальное время* зависит от следующих причин (обстоятельств): кто вовлечен в процесс катастрофы: все общество или же только профессионалы - политики и спасатели; как ими трактуется ее контекст: как стандартный (унифицированный) или как контекстуально-зависимый, то есть изменяющийся по ходу спасательных и восстановительных работ; каков тип социально-функциональной структуры общества, в котором случилась катастрофа: директивный (иерархический) или же диалогический (горизонтальный); какова главная цель ее участников: «закрыть вопрос» в максимально короткие сроки или же максимально реабилитировать население и природу; кто оценивает результат восстановления (реабилитации): политически ангажированные эксперты или общественное мнение; какова конечная цель этой деятельности: ликвидация непосредственных, наиболее очевидных последствий данной катастрофы или же изменение ценностных ориентиров общества с целью снижения его общей рискогенности?

(8) далее, если это время социальное, то оно неизбежно должно отражать *конфликты* между акторами, вовлеченными в предсказание катастрофы, борьбу с нею и ликвидацию ее последствий. Напомню, что катастрофы, как правило, выгодны, главным стейкхолдерам. Соответственно, как показывает анализ хода множества катастроф, каждый ее участник будет искажать картину случившегося в свою пользу (типа: «я же предупреждал, говорил, а меня не слушали» и т.п.), то есть рекламировать и оправдывать свой темпо-ритм катастрофы;

(9) у всякой катастрофы есть время объективное (астрономическое) и субъективное (собственно социальное). Именно развитие конфликта между участниками катастрофы и стремление каждого из них «сохранить лицо» будут продуцировать *собственное*, «*субъективное*», время такого конфликта, которое, как правило, оказывает существенное влияние на «объективное», то есть астрономическое, время хода катастрофы;

(10) в глобальном мире социальное время различных этапов катастрофы практически сразу приобретает локально-глобальный характер (примеры: Чернобыль, Фукусима, катастрофа на нефтедобывающей платформе в Мексиканском заливе, финансовые кризисы 2008 и 2011-12 гг.);

(11) три названные выше фазы – пред-катастрофный, собственно катастрофа и пост-катастрофный – сами по себе ничего не говорят, если не

определить, какие именно социальные силы и ресурсы были задействованы на каждой фазе, и какой социальный эффект эти усилия дали;

(12) принципиально важно, что социальное время в каждой из обозначенных фаз – это *разное время различных* социальных акторов. Так, обычно на первой, пред-катастрофной фазе преобладают время, рассчитанное публичными политиками, иногда с учетом мнения ученых и практиков-спасателей; на второй – время диктуют спасатели, государственные и/или гражданские; на третьей, в зависимости от степени демократичности режима – только государственные органы (эксперты, девелоперы), или же они находятся в тесном взаимодействии с организациями гражданского общества и пострадавшим населением;

(13) далее, в приведенной выше трехчастной схеме ничего не говорится о взаимовлиянии темпо-ритмов различных фаз катастрофы. Между тем, первая фаза имеет решающее значение. От того, какая идеология господствует в общественном сознании, какую модель катастрофы ученые и другие эксперты предложат обществу, как она будет воспринята властными структурами и общественным мнением, зависят темпо-ритмы последующих фаз;

(14) более того, в определении времени фаз катастрофы решающую роль играет *эпистемология* их анализа, то есть сам подход к их пониманию. Если катастрофа трактуется как «системный сбой», как критически предельный случай повседневной социальной рутины, то социальное время двух последующих фаз будет одним, если же катастрофа представляется как «непредвиденный случай», стечение обстоятельств – то другим. Более того, с социальной позиции «системного сбоя», у катастрофы нет ни начала, ни конца, о чем свидетельствуют периодическое повторение масштабных катастроф (как с лесными пожарами по всей России), возникновение «непредвиденных обстоятельств» (unintended consequences) и соответствующая концепция «лакун в знании» (knowledge gaps). Поэтому, в реальности, темпо-ритмы «ручного управления» катастрофами и «демократического согласования мер» никогда не могут быть одинаковыми;

(15) еще один, эпистемологически важный вопрос: какое понимание социального времени заложено в разделении времени катастроф на фазы: линейное или более сложное, с множеством сетей различной конфигурации, петель и обратных связей? Судя по приведенному выше отрывку, именно «линейное»;

(16) наконец, время первой фазы – это время «нормального» (рутинного) действия, тогда как время двух последующих фаз – это время мобилизационное. Первое руководствуется императивом «это надо сделать», тогда как второе – «мы обязаны это сделать не позже, чем...». Известно, что у врачей скорой помощи есть понятие «золотого часа», в

течение которого оказанная пострадавшему помощь является наиболее эффективной, а иногда и решающей для его жизни;

(17) для определения времени протекания катастрофы и, особенно, времени, потребного на реабилитацию населения и природы, очень важно, как *трактруется катастрофа* СМИ и зависимым от них массовым сознанием: как «информационный повод», то есть сменяющая одна другую сенсация, или же аналитически – как повод и материал для рефлексии и обучения действием по предупреждению катастрофы или борьбы с ней.

Итак, в общем и целом необходимо рассматривать три состояния актора: «нормальное», «мобилизационное» и «катастрофическое». Первое, «нормальное», предполагает, что актер действует в рамках темпо-ритмов, определяемых существующими институтами, включая институты социализации, но может при этом проявлять самостоятельность, то есть у него есть возможность выбора адаптивных и/или инновативных форм поведения, – последние предполагают *ускорение* личного или группового времени. Реабилитация в условиях «нормального случая» выступает как обязательный и повторяющийся компонент нормы и ее темпо-ритмов (перемена труда, периодический отдых, лечение и т.п.). Эмпирически эта ситуация может быть представлена периодом 1960-70 гг. в СССР.

Второе, «мобилизационное» состояние, означает, что среда жизни изменяется кардинально и достаточно быстро, но не настолько быстро, чтобы актору не оставалось возможности выбора модели (адаптивного и/или инновативного) поведения. Эмпирически она представлена, прежде всего, временем перестройки и реформ в России, идущими уже более 20 лет. В этом случае для большинства трудящегося населения реабилитация среды его обитания – подчиненный и нерегулярный процесс: она «встроена» в мобилизационный процесс и подчинена его темпо-ритмам. Хотя и здесь социальная реабилитация может выступать как, например, перемена труда, принося актору не только материальную пользу (заработок посредством той же перемены труда), но и моральное удовлетворение.

Третий, «катастрофический» тип темпо-ритма складывается в условиях частичного или полного разрушения не только привычной (обжитой) среды обитания, но и прежнего социального порядка, включая сложившиеся локальные, профессиональные и иные связи. В этой ситуации процесс времени реабилитации выходит на первый план и всецело зависит от скорости восстановления и/или перемены социального статуса индивида, среды его жизни и социального порядка. Эмпирически данный темпо-ритм может быть проиллюстрирован катастрофой на Саяно-Шушенской ГЭС, лесными пожарами лета 2010 г. и ледяными дождями января 2011 г., землетрясением и цунами в Японии в марте 2011 г., в Италии в 2012 г. и др.

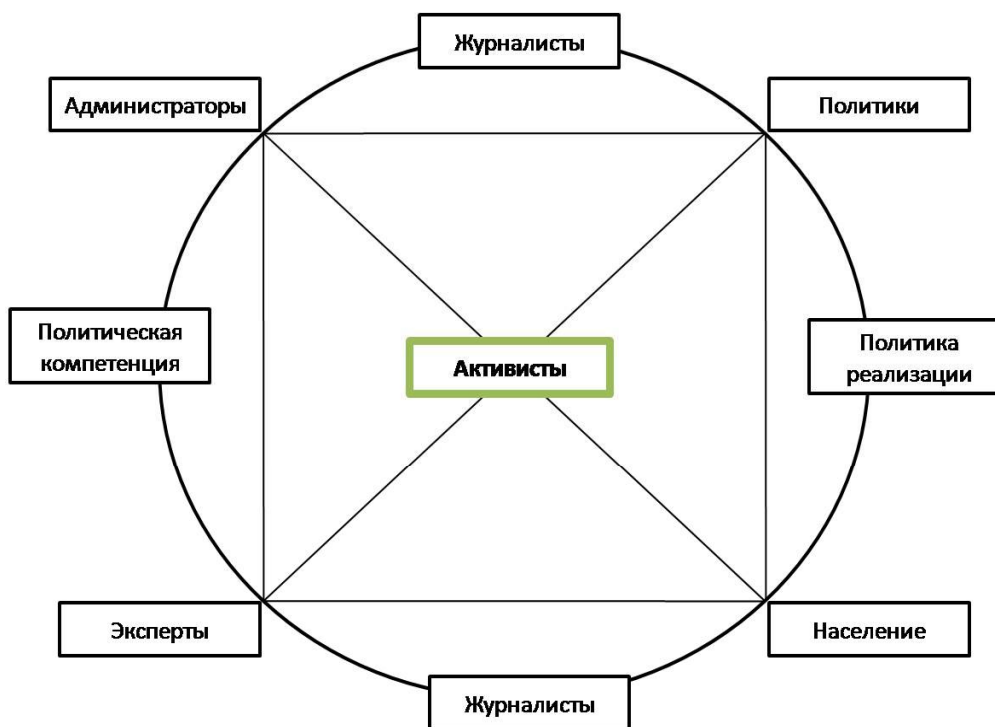

Схема 2. Схематическая презентация отношений между участниками социально-экологического процесса
 Источник: Hänninen, 1991, с. 232

Подчеркну, что существует два основных темпо-ритма процесса реабилитации природных и социальных экосистем: *неотложный* (скорпомощной) и *регулярный*, то есть собственно процесс реабилитации, который может продолжаться долго (месяцы и годы). Оба этих типа темпо-ритмов детерминируются характером взаимодействия государственных служб охраны природы и организаций гражданского общества, включая те, которые создаются самими пострадавшими (самопомощь). Замечу сразу, что эта ситуация не исключает возможности возникновения инновативных (инициативных) моделей поведения и катастрофического менеджмента с иными темпо-ритмами. Напротив, как справедливо отмечается в западной и отечественной социологии, она их предполагает (Gamson, 1990; Ядов и др., 2010).

Во всех трех ситуациях нас в первую очередь будут интересовать темпо-ритмы групп и организаций гражданского общества, формы, ресурсы и способы их вовлечения в процессы социальной реабилитации природных и социальных экосистем, однако фокусом исследования является третья ситуация, обозначенная выше как *регулярная* (посткатастрофная) ситуация.

4. Изменения эволюционные и катастрофические

Выше мы все время акцентировали различие между ними. Но так ли это на самом деле? Начнем с известного примера. Пруд, в котором живут утки, зарастает синими водорослями в геометрической прогрессии. Допустим, сегодня заросла еще только половина пруда, и утки спокойно плавают и кормятся. Но уже завтра, если следовать указанному выше закону, он будет покрыт этими водорослями целиком и, следовательно, станет непригодным для обитающих в нем живых существ. Произошел «обрыв», переход эволюционного процесса в новое, катастрофическое качество.

В связи с этим некоторые теоретики полагают, что «аналитические очки» для анализа катастроф и других, менее драматических состояний природных и человеческих экосистем должны быть в принципе одни и те же, несмотря на то, что в одном случае мы имеем дело с ураганом, в другом с землетрясением, в третьем с наводнением и т.д. Далее, при анализе катастроф должны использоваться примерно те же подходы, что и при изучении повседневных событий технологического характера. Затем, желательные и нежелательные последствия должны быть описаны «симметрично», то есть в одних и тех же терминах. И, наконец, причинный анализ проблем должен вести непосредственно к предложениям по исправлению ситуации.

Моя эпистемологическая позиция следующая: (1) в целом я согласен с обозначенными принципами, но глобальные и локальные катастрофы имеют разные масштабы и последствия. Далее, у экологических катастроф есть своя специфика: устойчивость живых экосистем – это одно, технологических – другое; (2) да, сегодня общие рамки их анализа – в принципе одни и те же: нестабильность, непредсказуемость, некалькулируемость. Но все же у жизни рутинной и мобилизационной есть существенные различия. Точнее: жизнь не может быть только рутинной или только мобилизационной; (3) да, желательные и нежелательные последствия должны анализироваться с общих методологических позиций. Тем не менее, у нежелательных последствий есть своя специфика: они преимущественно контекстуальны и потому менее предсказуемы; (4) причинно-следственный анализ – не единственный инструмент для изучения текущих и катастрофических событий. Могут применяться также вероятностный, бифуркационный и другие подходы.

5. Роль инициативных групп и социальных движений в формировании сетей

Прежде всего, замечу, что, по крайней мере, в СССР, экологическое движение стало практически сразу сетевым. Я имею в виду уже

упоминавшееся движение ДОП. Параллельно с ним развивалась инициатива по созданию проекта «Экополиса» (экологического города) на базе Научного центра АН СССР в г. Пущино под Москвой. Причем «Экополис» из идеи быстро трансформировался в проект, а затем и в общественное движение (Брудный, Кавтарадзе, 1981; Яницкий, 1985). Я думаю, что сетевыми стали многие другие социальные и политические движения. Сам сетевой характер (в отличие от государственных структур и официальных общественных и политических организаций, прежде всего политических партий) помогал социальным движениям выживать в чуждой им социально-политической среде. Мобильность их организаций и отдельных членов, общность целей и ценностей, а не привязанность к «месту» (городу, предприятию), общий горизонтальный характер неформальных связей, возникавших на основе общности интересов или проблемы, которую надо было решить, были сильными стимулами к сетевизации социальных и политических движений. Наконец, после некоторой организационной неразберихи, присущей созданию большинства социальных движений, оказалось, что сети являются мощным мультипликатором их социального и культурного капитала. Так что, как выяснилось, польза от перехода на сетевую форму организации была обоюдной.

В течение последних десятилетий идеология и социальная роль экологических движений в мире стала сильно меняться. Все более эти движения вовлекаются в принятие решений на разных уровнях, решений, касающихся основ глобальной экологической политики. Это – тоже борьба, но борьба в иных формах. Значит, строительство природоохранных сетей (on-line и off-line) и аккумулируемый в них социальный капитал надо рассматривать и под этим углом зрения. Если движение трансформируется в систему мировых и локальных форумов, публичных площадок для дискуссий и в другие формы взаимодействия единомышленников, их совокупная сила увеличивается. В мире развернулись дебаты по поводу путей конвертации природоохранных сетей во власть: в политические партии, блоки движений или за сохранение их прежнего состояния. Я думаю, что в разных странах это будет сделано по-разному. Но в том, что все эти различные организационные формы про-экологического действия будут включены в глобальное сообщество, я не сомневаюсь. И прямые действия, и борьба за экологические реформы в масштабе государства или локуса – это лишь разные формы борьбы за власть разума над безумием стяжательства.

6. Социальный статус локального знания

Локальному знанию как элементу социального капитала природоохранных сетей и их создателей и носителей ниже посвящена

специальная глава. Эпистемлогически же, вопрос состоит в том: можно ли вообще считать локальное знание, то есть знание не-ученых, а «людей улицы», знанием в строгом смысле этого слова. Я имею в виду не то знание, которое получается *учеными* в результате их кабинетной работы, работы в поле в конкретном месте или в ходе изучения конкретного социального или природного объекта. А именно то странное знание, которым обладают непрофессионалы и которое подчас резко отличается от того, что говорит и рекомендует наука.

Речь, следовательно, идет не о традициях (хозяйствования или образа жизни), а о знании, которое обретают местные активисты или просто жители в ходе их повседневных практик, в том числе в ситуациях аварий или катастроф. Я разделяю точку зрения, уже давно высказываемую многими западными учеными, согласно которой, это есть «эмпирическое» знание непрофессионалов, и оно имеет свой онтологический и гносеологический, а, следовательно, и социальный статус. Как будет показано ниже, хотя ситуация в конкретном «месте» все более зависит от глобальных процессов, локальное знание все же существует, пока существуют местные сообщества, привязанные в силу исторических или социальных причин к конкретному ландшафту.

Моя точка зрения заключается в том, что в условиях глобализации локальное знание существует, хотя оно, с размыванием местных сообществ, становится все более подвижным, ситуативным. Важно, что это знание вырабатывается в результате взаимодействия «потока» (людей, капиталов, информации) и «места» (Бауман, 2008). Важно также, что оно имеет сложную «процессуальную» структуру и должно использоваться при создании сетей охраны природы, поскольку их наличие увеличивает научную базу принятия решений, увеличивает доступ к ним местного населения, экономически дешевле, а также способствует смягчению несправедливого распределения средовых рисков в местном сообществе.

Поэтому методологически, исходный пункт при анализе проблемы локального знания в нашем «переходном обществе»: не «или–или», а скорее «и–и». Иначе говоря, локальное знание не только либо устоявшееся в результате ментальной кристаллизации многолетней повседневной практики местного населения – либо только «ситуативное», то есть не поддающееся рациональному исчислению. Скорее оно, хотя и сохраняется, воспроизводится, но постепенно начинает изменяться под воздействием многих сил, как локальных, так и иных.

На мой взгляд, локальное знание представляет собой перманентный процесс формирования и переформирования смыслов в конкретном локальном контексте. Местное население рассматривается как социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о «месте» и для «места»,

в формировании культуры «места», в том числе как партнер исследователей в процессе научного производства. Это означает, что местное население является носителем знания и ноу-хау, существенных для разработки научных доктрин и практических рекомендаций. Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: «следуй за актором» (Irwin and Wynne, 1996; Irwin 2001).

Более того, локальное знание сегодня – это растущий по важности ресурс социально-экологической модернизации общества, необходимый для развития периферийных центров деловой и социальной активности, сохранения и укрепления местной идентичности. В практическом плане, локальное знание сегодня – это ресурс самосохранения местного сообщества, это его реакция на утилитаристскую (потребительскую) форму современного российского капитализма. Когда государство практически отделено от гражданского общества, местное население вынуждено включаться в сети этого общества с целью сохранения среды своего обитания. Более того, если оно хочет, чтобы его голос был услышан, оно вынуждено либо объединяться в экологические инициативы и движения, либо вступать во взаимодействие с уже независимыми научными и общественными организациями, либо формировать своих гражданских экспертов.

Несмотря на свою ситуативность, контекстуальность, локальное знание имеет устойчивую структуру. Его ядро составляют знания-традиции, то есть доминирующий взгляд на мир, кристаллизовавшийся у населения данного местного сообщества в ходе многолетних повседневных практик. Другими словами, это «гибридное знание» в точном смысле этого слова, то есть практическое знание о правилах, приемах и инструментах рачительного (неистощительного) природопользования. Затем идет «слой» столь же «гибридных» знаний о приемах и способах выживания в изменяющейся конкретной ситуации «места». И наконец – «слой» знаний о вызовах, возможностях и ограничениях, поступающих извне, то есть знание о тех силах, которые местное сообщество контролировать не в силах, однако оно имеет представление о том, как их можно смягчить или избежать.

Есть ли у локального знания конкретный носитель? В традиционных обществах это знание, будучи единственной формой знания о мире вообще, принадлежало конкретному сообществу как целому, и каждый член такого сообщества обладал примерно одинаковым запасом локального знания. Сегодня, в глобальном мире «поток» и «мест», носителем его может быть местный эксперт из числа аборигенов, член природоохранной сети, географически удаленный от некоторого «места», но целенаправленно занимающийся его проблемами, просто образованный местный житель, или

же некоторая ячейка в природоохранной сети, где хранится «гибридное знание» о данном «месте», формируемое из разных источников (точек сети). В последнем случае, кажется, что правы те, кто говорит, что социальный капитал формируется только в сетях. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что эта ячейка является лишь виртуальным контейнером знаний о некотором «месте», а наполнили этот контейнер все равно кто-то из тех, о ком речь шла выше. То есть разные люди с разными взглядами на мир и притом смотрящие на него с разных точек зрения. Но вероятно именно так формируется тот «гибрид», который называется локальным знанием. Здесь принципиально важным является факт, что локальное знание синкретично, оно соединяет воедино факты и ощущения различного характера и масштаба. Именно на основании подобных синкретических оценок местные жители или их сообщества принимают свои решения.

Наконец, последний методологически важный вопрос: как же соединять «нормальное» научное и локальное знание? Это до сих пор вопрос открытый. Однако, с одной стороны, уже хорошо известно, что «нормальное» научное знание далеко не столь чисто научное. Оно уже поражено (или заражено) социальностью, то есть подвержено влиянию конкретного заказчика, который как раз действует всегда в конкретных обстоятельствах места и времени. Особенно если это касается охраны природы. Как известно, «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...!». С другой стороны, «периферия», в том числе российская глубинка, становится все более образованной с помощью телевидения и интернета, дистанционного обучения и т.д. Другое дело, что в конкретных российских условиях «центр» высасывает все креативные силы этой огромной страны. Поэтому «периферия», только-только набрав социальный капитал, тут же его отдает центру. Но это уже проблема другого исследования. Могу только сказать, что в такой ситуации всепроникающие сети охраны природы необходимы больше, чем где бы то ни было.

Поэтому эпистемологически существенно, что процесс сближения мнений «озабоченных профессионалов» и местного населения в отношении ценности локального знания имеет в последние годы обоюдный характер. С одной стороны, изменилось мировоззрение эоактивистов. Если сначала они защищали природу «от людей», потом – для людей, точно не зная, для кого именно, то сегодня принцип их действий иной: «защитим природу для людей и вместе с ними». С другой стороны, изменилось отношение местного населения к среде своего непосредственного обитания. Раньше оно выступало в качестве стороннего наблюдателя, как правило, только «сигнализируя» государственным и официальным общественным организациям о нарушениях природоохранного законодательства на тех территориях, которые они испокон веку считали «своими». Теперь, когда

местное население поняло, что «рассчитывать на помощь сверху бессмысленно», когда у него стало восстанавливаться чувство ответственности за свою, конкретную территорию, местное население мало-помалу становится активным участником охраны среды своего непосредственного обитания

7. Заключение

Не было бы смысла писать эту главу и книгу в целом, если бы изучение природоохранных сетей не преследовало бы еще одну важнейшую цель: *изменение доминирующего взгляда на мир*. Весь многолетний накопленный этими сетями социальный капитал должен быть конвертирован в *моральную власть* про-экологического взгляда на мир. Защита природы и человека ею живущего – это моральный императив, достойный властных усилий. Меньше всего я имею в виду власть императива, навязываемого силой, сверху. Нет, это должна быть всепроникающая и всеохватывающая власть ценности симбиоза природы и общества и, следовательно, борьбы за его защиту. Задача ученых, экспертов, активистов, волонтеров и рядовых граждан сделать так, чтобы это знание о необходимости защиты себя и других посредством перманентного плетения этих сетей стало всепроникающим. Существующая природоохранная сеть уже обладает этой моральной властью, но пока это – только острова, бастионы, крепости, разбросанные по стране и миру. В этом нет ничего удивительного: всякое новое рождается в *порах* старого. Как показал прошедший век, эпистемологический императив в сфере охраны природы – это тоже борьба. Познание и практическая реализация способов перевода природоохранного знания из его дисциплинарного статуса в проблемное, гибридное – это тоже борьба. Изучение законов этой борьбы необходимо для того, чтобы узнавать друг друга, вести диалог, воспитывать себя и других и, если надо, разоблачать разрушителей экосистем с целью сохранения природы и самих себя. Всего за последние несколько лет мы увидели, каким мощным может быть давление сети и сетевых сообществ и движений на нашу «императивную вертикаль». Если эта сетевая структура гражданского общества приобретет устойчивый «вектор самосохранения» – а что же такое борьба за сохранение природы, как не вектор, направленный на защиту человечеством основ собственного существования, – ее политическая сила удесятится. Особенно если учесть что, эпоха индивидуализма заканчивается, молодые хотят жить в безопасной и комфортной среде, ценность семьи как первичной ячейки общества снова возвращается и т.д. Сегодня в борьбе за реализацию морального императива ответственности за природу ведущее место принадлежит уже не столько зонтичным НКО, сколько гибким природоохранным сетям.

Глава 2. Нормативная теория развития природоохранных сетей

1. Теория сетей как отрасль экосоциологии

Экосоциальное знание – не «дисциплина» и не теория среднего уровня, а магистральное направление развития социологии как науки. Сегодня потребность в этом знании стимулируется всем комплексом социетальной динамики: глобализацией, растущей де-территориализацией общественного производства, мобильностью капитала и человеческих ресурсов и порождаемыми ими рисками. «Охрана», «защита», «безопасность» – все эти направления современной научной и практической деятельности порождены именно растущими масштабами угнетения природной и социальной среды, широкомасштабной ее реструктуризацией, «раскачкой биосферы» (Яницкий, 2009).

С развитием демократических институтов на Западе, а в 1980–1990-х гг. в СССР/России, население постепенно завоевывало право не только на информацию относительно состояния *всей* среды своего обитания, но и на участие в принятии соответствующих решений. Это право было завоевано в результате социальной критики и политической борьбы, носителями которых были экологическое, женское и другие *новые* общественные движения. Новыми они назывались, в частности, потому, что их лидерами и участниками были ученые-профессионалы, а также новая категория акторов, называемых «гражданскими экспертами». Именно их активность поставила в повестку дня вопрос о смене научной парадигмы в «большой социологии». Академическая наука теперь уже не могла только изучать, просвещать и рекомендовать, но также должна была *учиться сама* у неакадемических – общественных – акторов (Яницкий, 2010).

Два исторически взаимосвязанных сдвига представляются сегодня определяющими: (1) глобализация социально-экономической практики, в сердцевине которой находится риск и неопределенность в отношении больших и малых экосистем. Рискология как наука о непредсказуемых трансформациях социобиотехнических систем или необратимых

«возвратных петлях», которые У. Бек назвал эффектом бумеранга, становятся фокусом социально-научного познания; и (2) переход от «вертикальной» модели познания к общественно-научной, диалогической. Соответственно, как говорит Б. Латур, наметился переход от «культуры науки» к «культуре исследования»: «Наука есть определенность, исследование – неопределенность. Наука видится холодной, прямолинейной и отстраненной; исследование – теплым, вовлеченным и рискованным. Наука кладет конец человеческим разногласиям – исследование порождает controversy» (Latour, 1998: 208–209).

Теория развития природоохранных сетей является отраслью экосоциологии, комплекса наук, изучающих сложные социобиотехнические системы. С появлением сетевых систем и отражающих их теоретических схем возник конфликт между отраслевой и сетевой организацией науки и социального действия. В отличие от периода первого модерна, когда научное познание основывалось на принципе рациональности, а в прикладных науках господствовал принцип «атомизма», расчленения живого на части, в течение последнего десятилетия сетевая организация науки и практического действия взяли верх, поскольку все большее количество решений и большего масштаба вырабатывается и принимается в сетях междисциплинарной коммуникации, а затем уже транслируется в существующие отраслевые структуры социального действия. Однако, такая «прямая» трансляция невозможна вследствие того, что полученное (точнее, выработанное) в сетевых взаимодействиях знание является междисциплинарным. Такое знание отраслевая структура науки воспринять *непосредственно* не может или может лишь частично, односторонне.

Теоретическая актуальность и практическая значимость изучения природоохранных сетей заключена в многостороннем, взаимосвязанном и контекстуально-детерминированном знании, которое в них производится. С этой точки зрения, теория природоохранных сетей – это инструмент для познания и системного осмысления гибридного образования, именуемого Биосферой, и понимания, как оно функционирует в разных социальных и иных контекстах. Актуальность и значимость данной работы заключается также в том, чтобы на конкретном примере природоохранных сетей понять, как осуществляется сегодня переход от отраслевого к сетевой организации социального действия.

«Нормативной» эта теория называется потому, что целевой функцией данных сетей является определение условий, необходимых для поддержания устойчивости социобиотехнических систем, сохранения природы и тем самым – для создания здоровой среды жизни для населения в соответствии с существующими правилами и нормативами. Для достижения этой устойчивости природоохранные сети, нацеленные на накопление

социального капитала, должны быть изоморфны процессам социально экологического метаболизма. В свою очередь, наземная техническая инфраструктура, обеспечивающая IT коммуникацию, должна следовать за развитием этих сетей.

2. Активистская направленность теории

Предмет экосоциологического исследования всегда *междисциплинарен*, поскольку его объектом являются сложносоставные разнокачественные системы. Он также проблематичен, противоречив, поскольку социальные субъекты, взаимодействуя с такой же сложносоставной и разнокачественной средой, *сами являются средой* для других акторов. В самом деле, социальные субъекты постоянно ставят внутренне противоречивые цели своей активности: максимизировать использование ресурсов среды и сохранить ее устойчивость и производительность, получить отдачу от человеческого капитала – и создать среду для его расширенного воспроизводства. Конфликт развития и сохранения, производства и воспроизводства, глобального и локального, отрасли и территории, потока и места - ключевые проблемы данного типа исследования. Вместе с тем, эти системы суть одновременно результаты эволюции и социальные конструкции (Hannigan, 1995).

Эта теория по своей направленности относится к разряду активистских, с той только разницей, что она объединяет не только экологов, но всех тех, кто разделяет ее целевую функцию. Сегодня активистская парадигма является ключевым моментом теории сетей. Ни охрана природы, ни ее пропаганда невозможны без активизма. Если мы не поймем целей и мотивов драйверов хранителей природы, мы не поймем ничего. Методологически, в основе формирования природоохранных сетей лежит та или иная форма *конфликта* между производителями и потребителями благ, с одной стороны, и защитниками природных и социальный экосистем, с другой. Значит, одной из нормативных функций (задач) этой теории является сближение позиций конфликтующих сторон.

Сеть является *экстерриториальной* (виртуальной) социальной системой, позволяющей осуществлять мониторинг всей геосистемы и, в случае необходимости, концентрировать информационные, научные, финансовые, людские и другие ресурсы в любой точке земного шара.

Сеть реализует свою целевую функцию посредством *целеориентированной* социальной коммуникации, направленной на мобилизацию специалистов, членов эконоКО и населения, в том числе, местного населения и общественного мнения (региона, страны и, при необходимости, мирового сообщества в целом), с целью охраны живой природы и рационализации природопользования. В частности, с целью

поддержания устойчивости социобиотехнических систем и их экологизации посредством мер управленческого экономического, образовательного и просветительского характера.

Активизм сетей охраны природы носит междисциплинарный характер, что детерминируется как биоразнообразием природы, так и названными выше процессами социально-экологического метаболизма. Функционирование сетей охраны природы – многосубъектный процесс, требующий механизмов интерпретации монодисциплинарного знания, чтобы его могли использовать отраслевые системы практического действия. В этой деятельности принимают участие ученые, инженеры, бизнесмены, представители властных структур и само население. Именно вследствие такого многомерного и многоаспектного активизма требуются перманентное (ре)программирование и переключение сетей с целью перевода системного знания на язык отраслевых организаций.

Но есть другая норма экологического активизма, обусловленная, прежде всего, самой деятельностью человека. Сегодня необходимо поддерживать региональное и глобальное экологическое равновесие Биосферы с помощью «экологического каркаса», называемого специалистами охраны природы также «экологической сетью». Этот естественно веками сформировавшийся каркас был во много нарушен и даже разрушен в ходе урбан-индустриального и сельскохозяйственного освоения новых территорий. Эта сеть должна представлять собой систему поддержания биологического разнообразия экологически взаимосвязанных природных сообществ. «Разумеется, такую задачу можно решить только при активном участии самого населения...» (Соболев, 2003: 16). Обязательным, то есть нормативным, требованием к формируемому экологическому каркасу (сети) «должно быть наличие в каждом биорегионе надежно защищенной репрезентативной ООПТ, где ведутся постоянные наблюдения за природой биорегиона. Как правило, это заповедники или национальные парки» (Соболев, Русо, 1998: 29). Как пишет Е. Шварц, «Паневропейская стратегия сохранения биологического и ландшафтного разнообразия..., реализуемая под эгидой Совета Европы, является лучшей современной региональной инициативой для конструктивного решения данной проблемы. В первую очередь речь идет об экологических сетях (ecological networks). Создание сети предполагает выявление всех наиболее ценных для сохранения биоразнообразия территорий и обеспечение их охраны в рамках единой функционально и территориально связанной системы, включающей ядра, сети, буферные зоны, коридоры и зоны экологического восстановления и реставрации» (Шварц, 1998: 4).

3. Сеть как структура глобального экологического движения

Сеть охраны природы не является геостационарной системой экологического мониторинга, хотя частично (периодически) может выполнять данную задачу. Эта сеть может быть квалифицирована как интегральная часть новой формы глобального экологического движения, которое развивается сегодня в двух взаимосвязанных сферах: актуальной (земной) и виртуальной. В современном обществе существует множество охранных сетей, однако они не являются сетями солидарности – они просто выполняют функцию охраны некоторого объекта, группы людей или отдельного человека, то есть – своего рода охранной системой, цель которой - безопасность этих субъектов и принадлежащего им некоторого частного блага (земли, имущества и т.п.). В отличие от них природоохранная сеть может быть квалифицирована как *сеть солидарности* людей и групп, идентифицирующих себя с целью охраны природы (природных экосистем) именно как общего блага. Собственно говоря, как было сказано выше, эта сеть строилась именно с такой целью, хотя поначалу это были локальные сети защиты природных и социальных систем.

В современном политическом лексиконе безопасность – ключевое слово, однако о безопасности в отношении природных систем говорится в последнюю очередь. Несмотря на наличие в современном обществе множества институциональных охранных систем, занятых обеспечением безопасности людей и их сообществ, сегодня идеологами и ведущими акторами *сети охраны природы* являются экологически-ориентированные коллективные и индивидуальные члены гражданского общества. Это, как правило, ученые и представители образовательных учреждений, придерживающиеся принципов «не навреди» и соучаствующего исследования и действия (*participative research and action*) при изучении и реабилитации природных систем. Эти сообщества, отдельные специалисты и рядовые граждане группируются вокруг специализированных *природоохранных движений*, которые сегодня все чаще приобретают глобальный характер. Именно вокруг движений, потому что они находятся на острие борьбы за сохранение природы.

4. Сеть как ответ на вызов глобального метаболизма

Как отмечалось выше, структура природоохранных сетей детерминирована структурой *социально-экологического метаболизма* и поэтому, в принципе, изоморфна ей по структуре. Это – ее основное отличие от других типов социальных сетей. Это, однако, не означает, что рассматриваемая нами сеть строго следует за названными процессами, что теоретически и практически невозможно. Но это означает, что знание о

процессах социально-экологического метаболизма, в том числе, знание о сбоях в них (авариях, катастрофах), является теоретической основой формирования структуры рассматриваемых сетей.

Структурно сеть представляет собой систему устойчивых (но способных к трансформации, к «переключению») связей, объединяемых вокруг нескольких «узлов». Таковыми, как правило, являются «зонтичные» экоНПО, а также виртуальные эмерджентные «узлы» коммуникации названных выше ее участников, возникающие в случае экологической или техногенной катастрофы. То есть сеть охраны природы имеет двойную структуру: on-line и off-line. Последняя, как отмечалось выше, является сетью земных «опорных точек» геоинформационной системы (НКО и др.).

У рассматриваемых нами узлов этих сетей есть три главные функции: (1) сбор необходимой для решения конкретной задачи информации («на входе»); (2) «переработка», то есть осмысление добытой информации и переработка с целью ее практического применения; и (3) собственно ее использование на практике («на выходе»).

Одновременно или последовательно решаются еще две задачи: программирование и переключение (Arsenalt and Castells, 2008). Под программированием подразумевается конструирование, пропаганда и распространение системы принципов охраны природы, реализуемые данной сетью. В процессах переключения есть две стороны. Одна – это способность сети и ее агентов переключаться (концентрироваться) на решение конкретных задач. Другая – это способность переключать, то есть концентрировать, внимание общества на решении неотложных задач (охраны, спасения, изменения законодательства и т.д.).

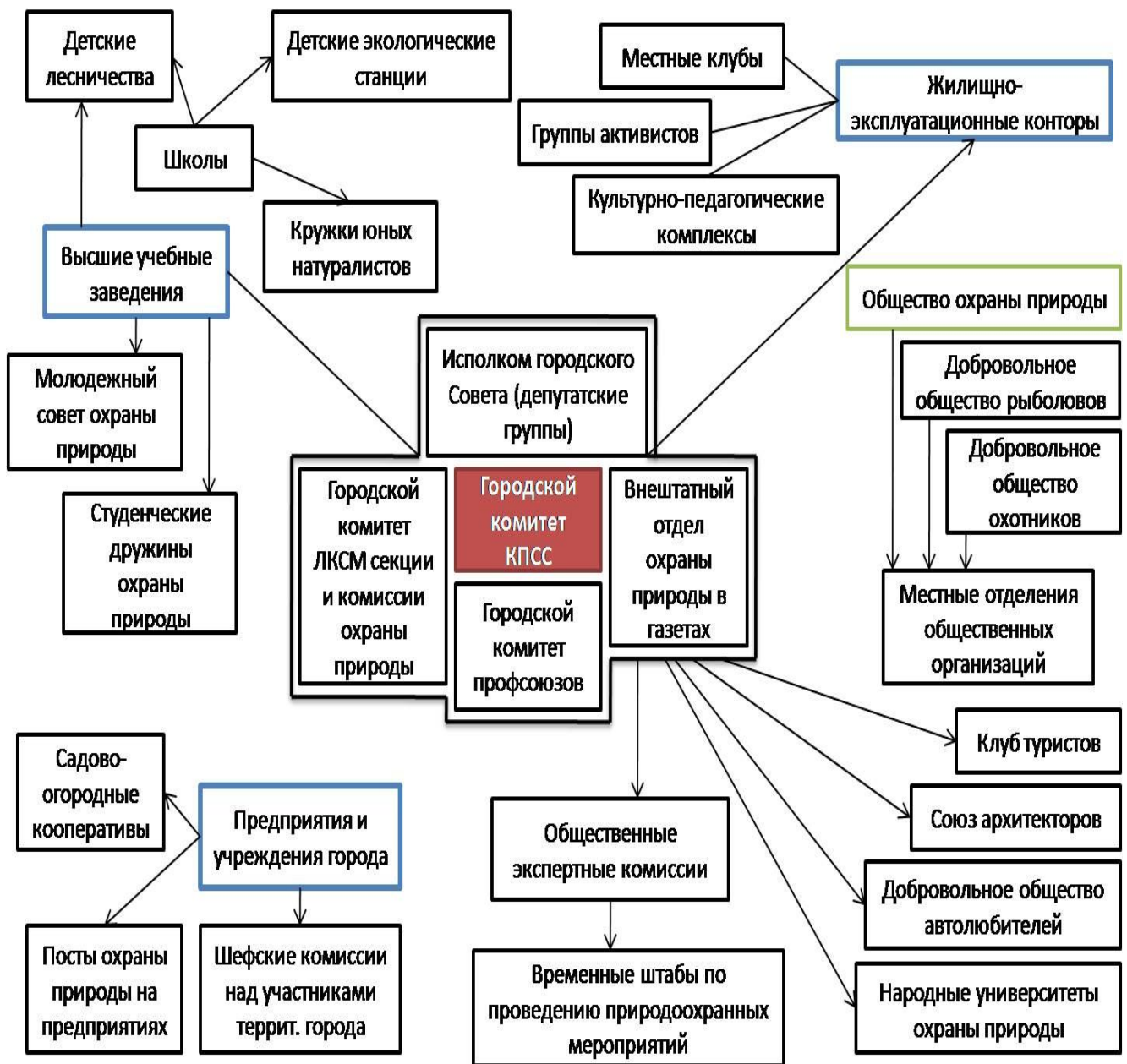

Схема 3. Основные организационные ячейки участия властных структур и городской общественности в охране природы в СССР (середина 1980-х гг.)

5. Зависимость сетей от социального порядка

Будучи просто техническими инструментами, развитие сетей, тем не менее, сильно зависит от конкретного социального порядка. Именно он

устанавливает рамки политических возможностей для проэкологического действия. Достаточно привести в пример Китай, где при высоких темпах экономического роста и повышении благосостояния большинства населения использование им интернета ограничено, а в некоторых случаях – уголовно наказуемо. Но само экологическое движение, тем более, глобальное, мобилизуя экологически озабоченное население, постепенно расширяет рамки этих политических возможностей. В конечном счете, борьба, которую ведут эоактивисты, создавая сети охраны природы, это не только борьба за возможность жить в условиях здоровой и безопасной среды, что зафиксировано в Конституции РФ. Достижение этой цели означает также борьбу за изменение социального порядка. Не в смысле ее легального или насильственного захвата «зелеными», а в смысле изменения доминирующего взгляда на мир как основы принятия решений. Рано или поздно власть придет к идее самосохранения, но не только себя, но и того природного и социального окружения, в котором она существует.

В последнее десятилетие четко обозначилась зависимость степени развития сетей охраны природы от типа политического режима. Если «вернуться» в бывший СССР, то после его распада можно было наблюдать две тенденции. В прибалтийских республиках, где быстро установился более или менее демократический режим, интернет стал развиваться очень быстро. В республиках Средней Азии, с их автократическими режимами, напротив, интернет развивался медленно, а пользование им было строго ограничено. Далее, в той же зависимости от степени развитости демократии находятся и эоНКО. В прибалтийских республиках они достаточно развиты, тогда как в Среднеазиатских республиках их число неуклонно сокращалось, а в некоторых из них было запрещено вовсе. Но коль скоро нет НКО, значит, и нет опорных пунктов (ядер) для развития сетей охраны природы. Более того, сходная зависимость наблюдается и на территории собственно РФ. В Москве, С.Петербурге и ряде других крупнейших городов страны эти организации и их сети развиты, хотя и недостаточно. Но в республиках Кавказа их там практически нет. На их территориях действуют только подразделения и отдельные активисты из Гринпис-России, причем их действиям все время препятствуют силовые структуры и частные охранные предприятия.

6. Сети внутриорганизационные

Сети внутриорганизационные, то есть между организациями и группами ad hoc, входящими в «зонтичную» эоНКО, построены по несколько иному принципу. Во-первых, между ними существуют не только партнерские отношения, но и отношения «мягкого» господства и подчинения. Во-вторых, хотя ядро головной организации определяет в

целом стратегию входящих в нее НКО, однако каждая из находящихся «под зонтиком» организация или группа имеет свои направление и программу действий, подбирает персонал, занимается фандрайзингом или выполняет заказы государственных организаций. В-третьих, хотя принцип междисциплинарности обязателен для всех, все же каждая из ячеек, входящая в зонтичную НКО, имеет свой дисциплинарный «флюс», то есть более глубокую специализацию. В-четвертых, всегда есть НКО, приближенные и удаленные от ядра. Это объясняется не столько дружескими связями, сколько профессиональной необходимостью, а также в отдельных случаях – объединения усилий с целью мозгового штурма и т.п. В-пятых, внутриорганизационные сети гораздо более устойчивы, чем внешние. Без их «каркаса» было бы трудно сохранять целостность как самой зонтичной экоНКО, так и гражданских инициатив и других ячеек экологического активизма, с нею связанных. Хотя, подчеркну еще раз, сочетание принципов максимальной свободы и максимальной ответственности деятельности периферийных организаций сохраняется и здесь. Наконец, внутриорганизационные сети – это по преимуществу межличностные связи. В общем и целом, внутриорганизационные сети более устойчивые и одновременно – чаще изменяющиеся, коль скоро очередная программа или грант заканчиваются. То есть и внутри «зонтичной организации» время от времени требуется перепрограммирование и/или переключение деятельности одной или нескольких конкретных ячеек.

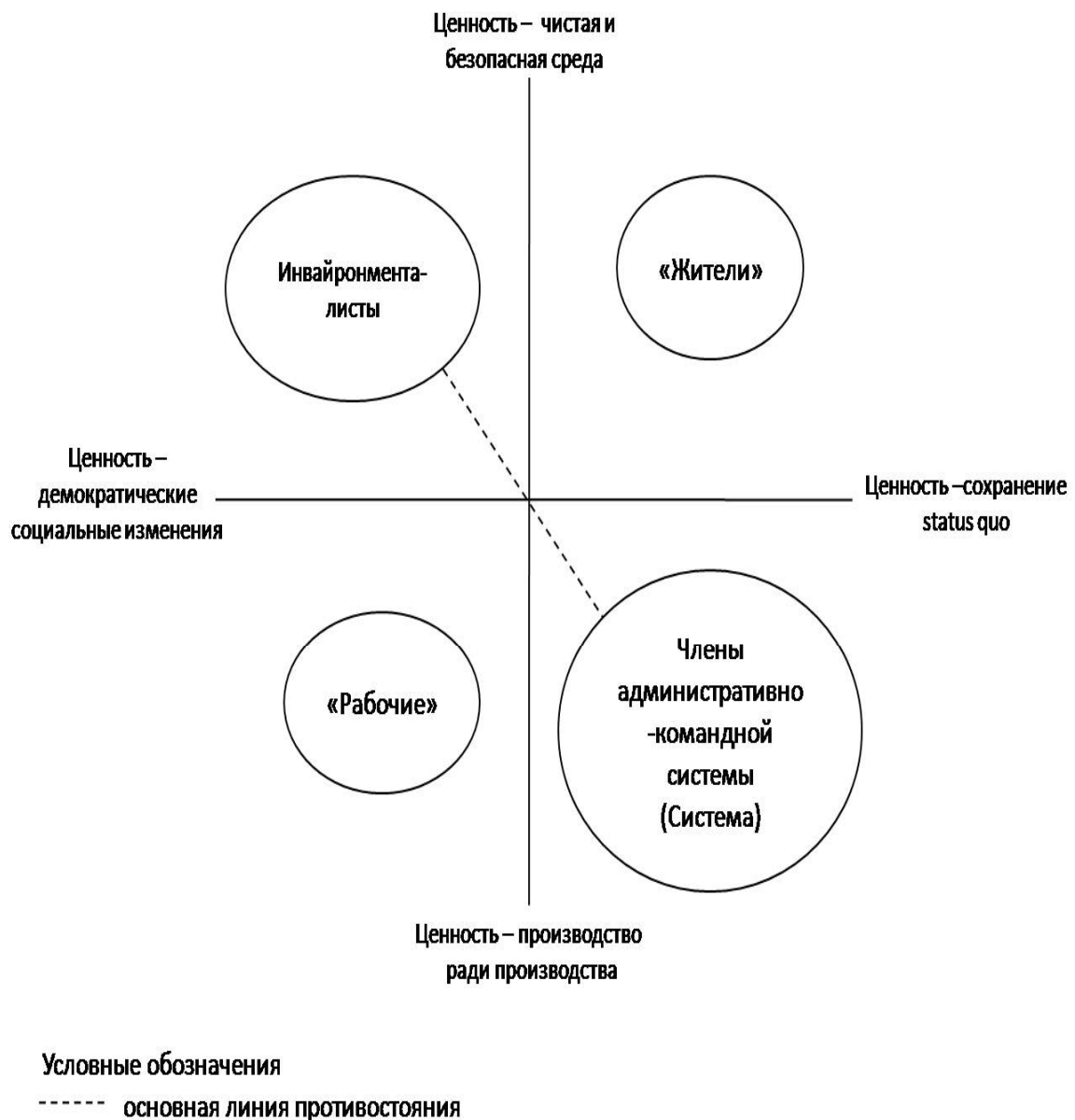

Схема 4. Пространственная презентация расстановки социальных сил по проблемам экологии в период «демократизации и гласности» в СССР (1989-91 гг.)

7. О режимах функционирования сетей

Теоретически, сеть работает в двух режимах: *обычном* (рутинном) и *мобилизационном*. Обычный режим предполагает накопление ею социального капитала в возможно широком информационном поле, его

переработку, кодирование, хранение и интерпретацию в форме, необходимой для практического использования – как для непосредственного природоохранного действия, так и для просвещения и пропаганды экологических знаний. Здесь члены «узлов» фактически суть работники экоНКО, инициативных групп общественных объединений. Более того, в условиях рутинного режима часть работников выполняет функции поддержания самих природоохранных организаций, то есть бюрократические функции (установление деловых связей, фандрайзинг, разработка нормативных документов, оплата труда сторонним организациям, просветительская и издательская деятельность и др.). В условиях мобилизационного режима используются знания и умения, находящиеся под рукой, то есть те, которые можно мобилизовать немедленно. В этом случае, в зависимости от конкретных условий, возможно превращение части работников этих гражданских организаций в спасателей.

Принцип функциональной организации природоохранной сети в обычном режиме: общность целей составляющих ее функциональных подразделений, открытость и доступность, активный междисциплинарный обмен знаниями и ноу-хау, активистский характер. В мобилизационном режиме – деятельность сети концентрируется вокруг конкретной цели и детерминирована степенью и характером нарушения природной экосистемы и связанных с ней человеческих поселений. Происходит частичное закрытие сети, активизм членов сети и добровольцев (волонтеров) сосредоточивается на логистике оказания помощи/спасения. Происходит функциональная специализация участников спасательных операций.

Открытость миру природоохранных сетей не означает отсутствия в них модераторов и иных форм регулирования их деятельности. Для участников сети существуют правила и нормы включения в нее и ведения диалога. Специфика рассматриваемых сетей состоит в том, что эти правила и нормы не «назначаются», а вырабатываются участниками сети в процессе их диалога. В этом смысле природоохранная сеть является саморегулируемой системой. Эти сети объединяют усилия людей, *солидарных* в своем стремлении сохранить природные и социальные экосистемы как самоценность и как необходимое условие существования человечества.

8. География, социальный контекст и плотность сетей

Всякое «конструктивное» вмешательство в функционирование природных и социальных систем требует коррекции или даже пересмотра системы мер по поддержанию их устойчивости (sustainability).

Плотность интернет-сетей по территории страны неравномерна. Она – наибольшая в столицах и вокруг них, в крупнейших городах европейской части страны и наименьшая – в Сибири и на Дальнем Востоке, за исключением гг. Владивостока, Южно-Сахалинска и еще нескольких населенных пунктов торгово-промышленного и военно-стратегического значения. Соответственно, возможность интернет-коммуникации с целью охраны природы также различна в этих географических ареалах (Россия сетевая, 2007).

Но, помимо технической оснащенности различных географических районов страны существует другой, не менее важный, *социальный (социокультурный) фактор*, стимулирующий или затрудняющий развитие этих сетей. Речь идет о *заинтересованности*, о понимании важности развития этих сетей властными структурами и местным населением.

Сегодня государство планирует широкомасштабные меры по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Этот процесс неизбежно приведет к сокращению численности коренного населения (старожилов) этих обширных регионов и к увеличению притока пришлого населения, прежде всего гастарбайтеров из Средней Азии и Китая. Этот контингент будет заинтересован только в заработке и сносных условиях жизни, но никак не в сохранении местной природы и ее рациональном использовании. Этого не может быть по той простой причине, что все планы и проекты этого освоения будут делаться централизованно в Москве. Этот двойной процесс сокращения коренного населения и притока людей со стороны идет уже в течение многих десятилетий. Но тогда это всё же были люди одной страны, называвшейся Советским Союзом, объединенные, хотя бы формально, одной идеологией. Тогда набор переселенцев шел организованно под контролем государства. Сегодня и в обозримом будущем ситуация будет иная.

С одной стороны, освоение будет вестись частно-государственными компаниями, имеющими общую цель: добычу и использование ресурсов (в основном на экспорт). Что, по крайней мере, на этапе освоения, потребует дешевой рабочей силы. А этот этап может продлиться не менее 10-15 лет. С другой стороны, уже много лет политика федерального государства в отношении этого региона состоит в замене местных кадров, которые хоть как-то связаны с местными условиями и интересами живущего там населения, кадрами, рекрутируемыми из центра. Под кадрами из «центра» я понимаю как столичную бюрократию, перемещаемую в рассматриваемый регион для проведения централизованной политики на местах, так и «отходы» этих кадров, которые по своим деловым качествам не соответствуют условиям «центра». То есть, в этом случае Сибирь может

рассматриваться как «отстойник», замена увольнения вследствие профнепригодности «почетной ссылкой».

Ни руководящие кадры, ни рядовые работники на вновь создаваемых производствах ни социально, ни культурно *не будут связаны с местами их нового обитания*. Более того, они сразу же войдут в конфликт со старожилами, поскольку будут проводиться масштабные процессы сселения деревень и поселков под стройплощадки (шахты, котлованы, искусственные моря и водохранилища) для новых ресурсодобывающих предприятий. Причем эта «зачистка» зачастую делается силовыми методами: поджогами, насильственным сселением старожилов, уничтожением их имущества и скота. Когда вынужденные переселенцы распыляются по территории огромного региона, тем самым обрываются местные связи, сети. И этот процесс интенсивно идет уже сегодня, например, при реализации проекта строительства Богучанской ГЭС и прокладке все новых «нефтяных коридоров». Одни подобные проекты близки к завершению, другие уже разрабатываются, несмотря на отсутствие части разрешительной документации, заключений Ростехнадзора и т.п. Об общественном обсуждении стратегии подобного освоения я уже и не говорю, поскольку ресурсодобывающие и надзорные за этим процессом ведомства слиты в одном министерстве.

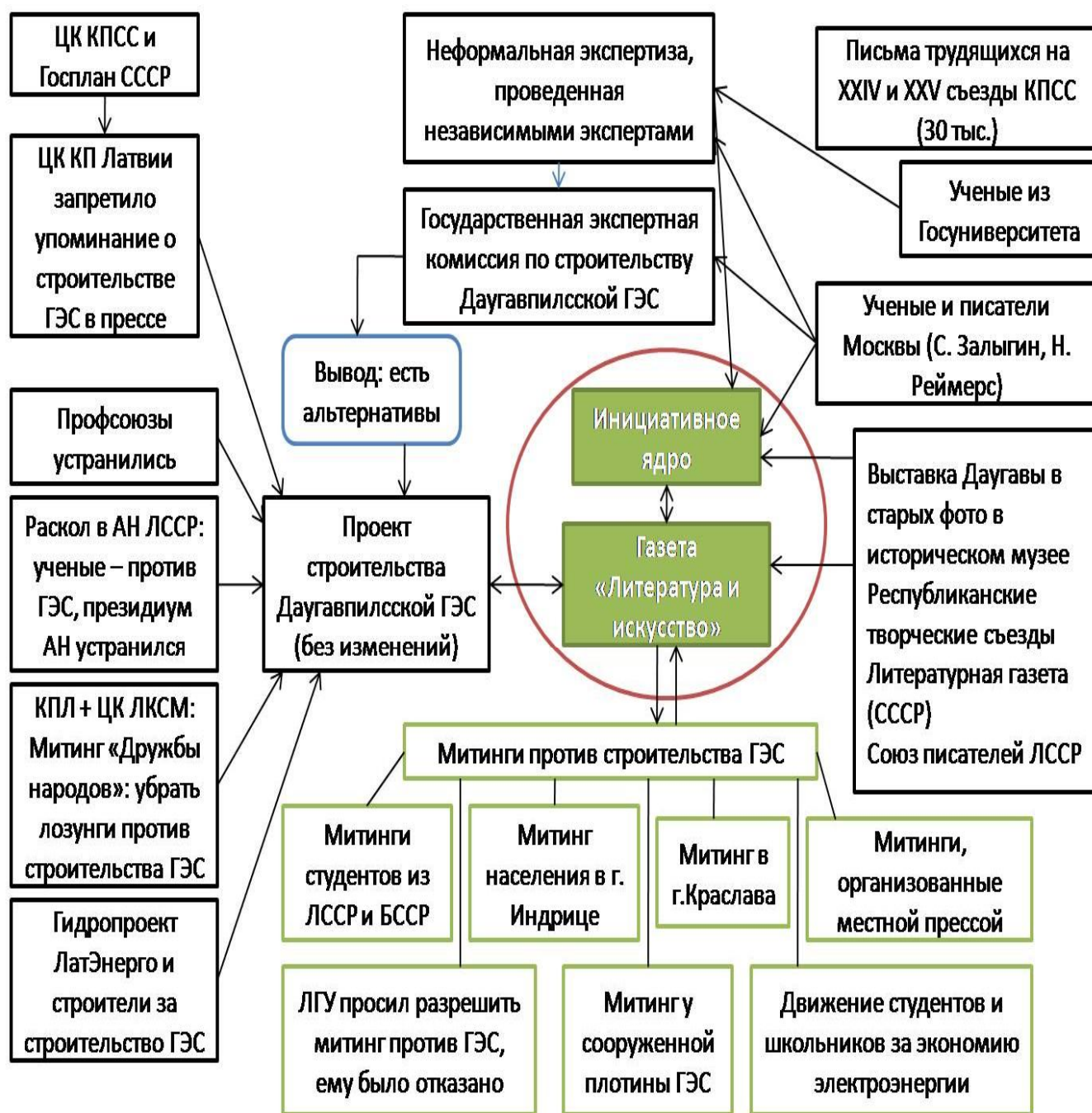

Схема 5. Расстановка сил и схема сетей в конфликте по поводу проекта строительства Даугавпилсской ГЭС (1986-87 гг.)

«Нефтяные трубы, пишет А. Тарасов, если и меняют жизнь в коридоре, то отнюдь не к лучшему; трубы помогают жить совсем другим людям, за тысячи верст от Сибири». Социальный смысл данного проекта:

«уничтожение ангарского старожильского анклава и формирование эковско-гастарбайтерской промышленной зоны» (Тарасов, 2012: 3). При таком подходе, говорить о сбережении российского народа не приходится, а о его интересе к охране окружавшей его природы – и подавно. К тому же, возрастут в разы и масштабы воровства нефтяных ресурсов по той простой причине, что воровать проще и прибыльней, чем трудиться в поте лица. Есть и третий момент, меняющий социально-экологическую ситуацию. Прокладка тысяч километров нефтяных коридоров будет вестись в малонаселенных и вовсе безлюдных местах, где контролировать этот процесс, с точки зрения его соответствия природоохранным нормам, просто будет некому. Не будет там еще долгое время и технических средств контроля за состоянием среды. Такой, фактически колониальный принцип развития Сибири делает невозможным децентрализацию жизни людей и их самоорганизацию. Равным образом будет невозможной и индивидуализация жизни, столь необходимая для модернизации страны.

Возникает вопрос: как в этих условиях безраздельного господства центра над обширной периферией, ее безлюдья и отсутствия доступа к телекоммуникационной инфраструктуре малых сообществ коренного или старожильского населения создавать сети охраны природы? Ответ один: положиться на государственные системы мониторинга. Однако они, уже много лет, фиксируя многочисленные нарушения природоохранного законодательства, а также природные и техногенные катастрофы, лишь регистрируют их, не передавая их гражданским природоохранным организациям. Вариант второй: включиться этим организациям в системы глобального мониторинга, созданные США и ЕС. Это возможно, но российские разработчики природных ресурсов Сибири имеют право не обращать на них внимания, не говоря уже о трудностях перевода западных данных на язык российских стандартов (ПДК, ПДВ и др.). Вариант третий: природоохранным гражданским организациям начать создавать собственные сети мониторинга и затем делать результаты их наблюдений достоянием общественности. Вариант вполне проверенный и действенный, но где взять средства на создание собственной сети? К тому же здесь решающую роль играют межгосударственные отношения. Когда отходы китайского химического производства, попали в реку Аргунь, а из нее в Амур, уничтожив значительную часть ее фауны, российские природоохранники забили тревогу. Однако дело ничем не кончилось, так как у РФ с Китаем дружественные отношения.

Существует трансграничный перенос загрязняющих веществ, который в принципе может вызвать обеспокоенность граничащих с РФ государств. Но, во-первых, он должен быть настолько силен, чтобы это вызвало негативную реакцию в развитых странах, и они потребовали бы от РФ

применения более безопасных способов добычи полезных ископаемых. Во-вторых, эти государства не имеют той природоохранной культуры, которой обладают российские гражданские экологические организации. Однако, как мы видели в случае с катастрофой разлива нефти в Мексиканском заливе, все дело кончилось большим штрафом для добывающей компании и обещаниями усовершенствовать технологию добычи нефти с морских платформ. На мой взгляд, из всех названных ситуаций пока нет выхода, точнее, они являются паллиативными. Пока стратегия освоения природных богатств Сибири останется прежней, ситуация не изменится. Возможны лишь локальные решения, когда сообщества аборигенов или старожилов совместно с активистами больших зонтичных гражданских организаций будут сопротивляться действиям государственных организаций. Нормативность развития природоохранных сетей в данном регионе означает достижение ими общероссийского стандарта. К сожалению, пока здесь имеет место эффект бумеранга, то есть обратный эффект: снижение природоохранных стандартов в Сибири и, как результат, их снижение и в других регионах страны. «Так, в Красноярском крае вклад малого бизнеса в ВВП региона не превышает 1,5%. И если Сибирь не отделится от России, то и Москва будет стремиться к этому показателю, а не к европейским 60-80%» (Тарасов, 2012: 3).

Наконец, вследствие недостаточной (по сравнению с новыми планами освоения ресурсов Сибири) геофизической изученностью этого региона следует ожидать в нем новых экологических катастроф, которые особенно опасны в условиях вечной мерзлоты и очень медленно восстанавливающихся тундровых экосистем. Как готовиться к этим критическим ситуациям в данном социально-природном контексте – вопрос открытый. Единственный шанс – это глобализация природоохранных сетей. Однако история более чем полувековой борьбы против Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, так и не приведшая к его остановке и перепрофилированию, факт мало обнадеживающий.

Но теоретически рассматриваемая сеть есть прежде всего инструмент борьбы против уничтожения природы. Весь многолетний накопленный этими сетями социальный капитал должен быть, в конечном счете, конвертирован во власть, но не денег, не финансового, а прежде всего - во *власть моральную*. Защита природы и человека ею живущего – это задача, достойная властных усилий. Меньше всего я имею в виду власть, навязываемую силой, сверху. Нет, это должна быть всепроникающая и всеохватывающая власть ценности этого симбиоза и, следовательно, борьбы за его защиту. Задача ученых, экспертов, активистов, волонтеров и рядовых граждан сделать так, чтобы это знание о необходимости защиты природы и

человека посредством перманентного плетения этих сетей стало всепроникающим.

9. Заключение

Итак, что же можно считать теоретическими основами анализа и конструирования сетей охраны природы? Прежде всего, ее активистскую направленность, интерес к способам и формам природоохранного действия. То есть ее предметом должны быть все формы про- и контр-экологического активизма, включая экологическое и другие социальные движения. На чем зиждется эта активистская теория? На принципе соответствия (подобия) структурно-функциональной организации этих сетей процессам социально-экологического метаболизма, то есть «активизма» самой социобиотехнической системы.

Очевидно, что эти сети детерминированы структурой политических и социальных возможностей, создаваемых государством и глобальным контекстом. Это значит, что теория рассматриваемых сетей исходит из принципа контекстуализма. А, как известно, современный, чрезвычайно подвижный контекст определяется борьбой разнонаправленных сил, то есть большими и малыми социально-экологическими конфликтами. Но очевидно также, что своими действиями коллективные экологические акторы могут раздвигать эти рамки, ограничивать аппетиты капитала и потребительского общества. Сети зависят от конкретной расстановки социальных сил: властных структур, бизнеса, экспертного сообщества, населения и, естественно, силы или слабости самого экологического движения.

Сети охраны природы делятся на внешние и внутренние. Внешние, прежде всего, направлены на мобилизацию ресурсов для решения конкретных проблем а также для поддержания экологических организаций. Внутренние обеспечивают идентичность и солидарные действия данного сообщества. Нормативная теория развития природоохранных сетей говорит о том, что они могут функционировать в двух основных режимах: «спокойном» (рутинном) и мобилизационном.

Наконец, успех сетей в немалой степени зависит от их территориальной плотности и доступности для любого пользователя.

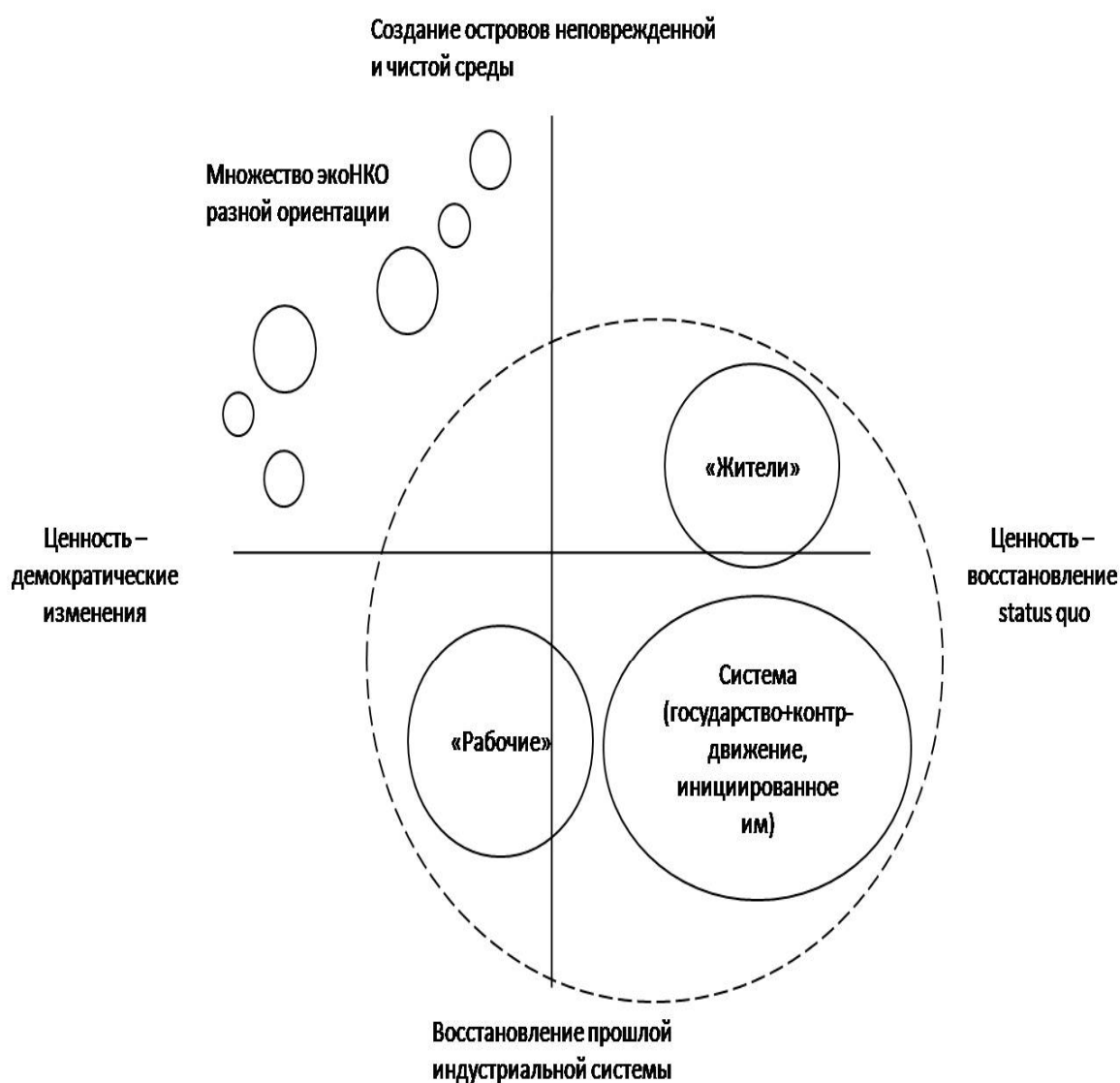

Схема 6. Пространственная презентация расстановки социальных сил по проблемам экологии в России после распада СССР (1994 г.)

Глава 3. Социальный капитал сетей: источники и эволюция

1. О понятии социального капитала

В понятии социального капитала в отношении сетей охраны природы есть некоторая специфика. Но сначала я хотел бы остановиться на общем понятии социального капитала. Во-первых, хотя социальный капитал экоактивистов во многом производится в социальных, в том числе природоохранных, сетях, все же это – сугубо *личностный капитал*. С одной стороны, потому что, даже если активист на какое-то время «выпадет» из сети, накопленный ранее капитал остается при нем (хотя, естественно, понемногу распыляется и стареет). С другой стороны, социальный капитал, получаемый активистом через сеть, – это капитал «здесь и сейчас». Изменится ситуация – изменится и сам потребный капитал. Между тем, этот социальный капитал имеет не одно, а три изменения: прошлое, настоящее и будущее. Причем, «прошлый капитал» имеет, подчас, первостепенное значение, поскольку он был накоплен в ходе первичной социализации (общением с родными и близкими, с непосредственной, в том числе, природной средой обитания, с прошлым опытом хранителей природы через общение с ними, их лекции, дневники, мемуары). Как ни важны современные виртуальные сети, совокупный капитал защитников природы прошлого имеет первостепенное значение, даже в том случае если он неприменим в конкретных условиях. Важен и «будущий социальный капитал», понимаемый мною как способность активиста или их группы оценивать, предсказывать и проектировать будущие отношения человека и природы. Вообще, подчеркну еще раз: сети как таковые являются лишь техническим инструментом интенсификации человеческого общения, этого базового инструмента формирования и развития любого общества. Самые разные типы современных информационных сетей – облачные, безмасштабные и т.д. – имеют для нас значение, лишь тогда, когда мы можем раскрыть их социально-деятельностный смысл.

Во-вторых, разделение на социальный и человеческий капитал мне представляется достаточно условным. Уровень образования зависит от здоровья индивида, его качество жизни – от структуры социальных и политических возможностей и т.д. Вероятно, что такое разделение удобно с точки зрения массовых опросов и конструирования (на основе стандартных методик международных статистических исследований) различных социальных индексов, но не более того. В-третьих, в понятие социального капитала индивида и группы я включаю восприятие и понимание ими законов природы и общества, но также их *интегрированное эмоционально-чувственное* ее восприятие. Человек, лишенный «чувства природы», или шире – чувства среды своего обитания, есть социально обездоленный человек. Возможность общения с живой природой и любыми формами ее нарушения или уничтожения, эмоции, вызываемые этим общением, я также включаю в понятие социального (социально-психологического) капитала индивида и группы. Группу здесь исключить никак нельзя, потому что коллективное сопереживание, вызванное этим контактом с природой (или ее нарушением), тоже социальный капитал. Городской житель, ограниченный в контактах с живой природой, заводя домашних животных, растения на окнах и балконах, начинает создавать свой искусственный природный микромир. В-четвертых, как было сказано выше, лишенный здоровья (вследствие плохих природных условий жизни) – тоже социально обездоленный индивид. В-пятых, и это принципиально важно в нашем исследовании, социальный капитал в данной работе рассматривается как социально-активный, то есть *активистский, капитал*, направленный на его использование в целях охраны природы и человеческих сообществ. Естественно, что «прошлый» и «будущий» капиталы могут какое-то время находиться как бы в спящем состоянии. Но, в конечном счете, активистский подход предполагает их практическое использование.

Переходя на макро-уровень рассмотрения вопроса, я полагаю, что исторически, с развитием техники и технологий, основанных на капиталистическом способе производства и рыночных отношениях, имеет место *отрицательный тренд* в развитии этого капитала общества в целом. Несмотря на отдельные достижения в сфере образования, медицины, способов социальной коммуникации и т.д. Потому что, в конечном счете, все достижения человечества в науках, технологиях, медицине, образовании и т.д. имеют своим источником эксплуатацию природы, обеднение ее разнообразия, обособление человека от природы, превращение все большей ее части в «зоны экологического бедствия» и т.д. И все это достигается единственным способом – за счет интенсификации эксплуатации ее ресурсов. Современная цивилизация, создавая «острова благоденствия» для меньшинства населения, оставляет его большинство в измененной или

разрушенной природе, не способной к самовосстановлению. Если ее восстановление, хотя бы частичное, все же осуществляется, то для этого требуются знания и человеческие ресурсы, которые опять же отнимаются у трудящейся массы (через налоги, инфляционные механизмы, регулирование цен и т.д.). Закон сохранения вещества и энергии действителен и в этом случае. Так что *социальный капитал – политико-экономический феномен* и соответствующее понятие, а вовсе не просто благо, дарованное человеку информационной цивилизацией. Лишенное социального капитала большинство человечества, как и разрушенные экосистемы, «молчат» до поры до времени. Но затем – взрываются войнами, социальными конфликтами и рукотворными бедствиями. Я специально не затрагиваю здесь проблему стихийных бедствий.

Наконец, социальный капитал, порождаемый благодаря возможностям новейших технических систем, имеет двойственный характер. С одной стороны, социальные сети открывают невиданные ранее возможности для общения жителей всего мира, он «сжимается», превращаясь, по образному выражению М. Макклюза, в одну большую деревню. Но с другой стороны, потеря этой разделенности, обособленности, возросшее взаимопроникновение народов и культур, приводит к новым столкновениям и конфликтам, к войнам за передел природных территорий и ее ресурсов, что мы сегодня наблюдаем повсеместно (см. Къеза, 2006). Индивид, «просто включенный в сеть», еще не владелец накопленного там социального капитала. Нужен долгий путь его освоения. Наконец, с третьей стороны, социальные сети и другие современные коммуникационные возможности открыли дорогу *объединению* сил зла насилия, грабежа и обмана. Появились, в частности, хакеры, группа людей, живущих только за счет грабежа чужого капитала и имущества. Чем они отличаются от воров и грабителей прошлых эпох?

2. Его источники

Но я начну, все же, с «нормального» случая. Как и в других сферах социальной деятельности, основными источниками социального капитала индивидов являются воспитание и образование. Приходя в природоохранную организацию, молодой человек уже обладает определенным капиталом знаний и навыков. Но каким именно?

Современная система образования, как, впрочем, и вся огромная институциональная система общества, построена по отраслевому (профессиональному) принципу. Исторически так было не всегда. Но с приходом первого модерна специализация/профессионализация решительно взяла верх над комплексным и тем более системным образованием. Такой подход ускорил формирование нужных обществу узких специалистов, он

развивается, то есть когорта профессионалов продолжает дробиться и специализироваться и сегодня.

Однако в недрах того же первого модерна возник противоположный запрос: на многопрофильное системное знание. Ни одна паровая машина не заработала бы, если бы люди не научились «стыковать», сначала на бумаге, а потом и практически, свои профильные детали и изделия. И чем более углублялась специализация, тем выше был спрос на интегрированное знание и практическое умение соединять столь разнородные по функции, материалу и сроку годности детали. Запрос на многопрофильное системное знание в особенности усилился с окончанием века механики и переходом в эпоху физики и химии. Надо было уметь соединять не только «детали», но прежде всего процессы и их трансформации.

Исторически, экология как наука о взаимоотношениях организма со средой была первой, которая возвела необходимость такого интегрированного знания в императив. Но до тех пор, пока не наступил век второго модерна, пока на Земле не осталось ни отдельной «чистой природы», ни столь же обособленного от нее социума, это интегрированное (междисциплинарное) знание оставалось мало востребованным практически, в том числе и со стороны формировавшейся тогда науки социологии (пока в 1920-х гг. не появились работы Чикагской школы человеческой экологии). Затем начался век интегративных концепций и соответствующей методологии.

Холизм, системный анализ, синергетика – все это лишь разные ипостаси этого подхода. Возникли и соответствующие системы и правила соединения профильного знания в многофункциональные системы с обратной связью и т.д. Показательно, что чем насущней была практическая, техническая или социальная задача, тем быстрее формировалось такое междисциплинарное знание и соответствующие ему практики. Фактически, произошел возврат (только на новой научно-технической основе) к формам ремесленного труда.

Рассмотрим сначала источники и процесс накопления социального капитала *индивидом*, включенным в природоохранные сети. Природе здесь не повезло: она рассматривалась власть предержащими (и практически продолжает рассматриваться так до сих пор) или как неисчерпаемый источник ресурсов, или же как «чистый лист бумаги» («место», стройплощадка и т.д.), на котором могут разворачиваться любые социальные действия и реализовываться любые технические проекты. Только с наступлением «второго модерна» пришло осознание, что в современном мире нет больше «Другого», что вся природа социализирована, а человек – экологизирован, то есть всецело зависит от нее.

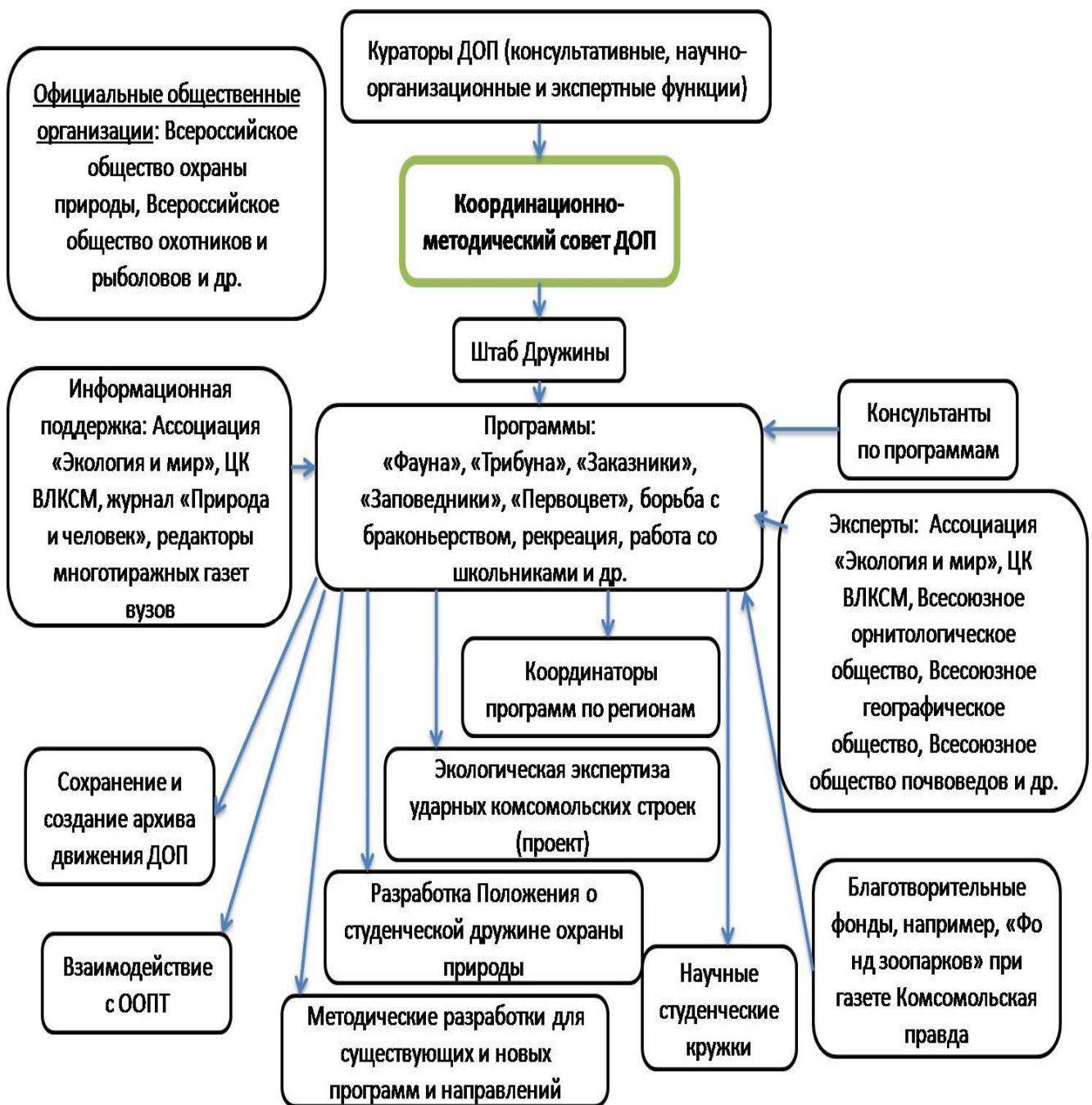

Схема 7. Организационно-коммуникационная структура студенческой Дружины охраны природы (1987 г.)

Показательно, что о существовании круговорота вещей в природе ребенок узнает уже в 10-12 лет, но к осознанию жизненной важности принципа *социально-экологического метаболизма* современный социолог пришел совсем недавно: всего несколько лет тому назад (Fisher-Kowalski,

1997). И до сих пор сильно сопротивляется этому. Тем более что за последние 20 лет специализация в науке социологии только углублялась. Хотя потенциально знания и умения об этом метаболизме, то есть специфический социальный капитал для тех, кто призван охранять природу по обязанности, накапливался уже много десятилетий. Но это все – о проблемах специализированного (отраслевого) образования. Однако, как давно говорил И.Иллич, «...все же большинство людей приобретают свои знания в основном вне школы». Успешное «освоение знаний у большинства связано вовсе не с последовательным обучением, а с обстоятельствами обыденной жизни людей...» (Иллич, 2006: 36). Почти полвека назад Иллич написал, что «наиболее радикальной альтернативой школе была бы сеть – служба, которая дала бы каждому человеку возможность обсудить то, что его волнует, с другими людьми, которых волнуют те же проблемы» (Иллич, 2006: 43).

Но есть и другой способ приобщения человека к холистическому и системному мышлению – воспитание. Речь идет не о воспитании в детском саду, этом зачастую антиэкологическом социальном заповеднике, а о *воспитании самой природой*, средой обитания, о воспитании человека жизнью в природе. Надо сказать, что, несмотря на массу новейших технологий «зеленой революции», включая выращивание части продуктов питания в химических растворах, значительная часть человечества продолжает воспитываться, прежде всего, самым своим пребыванием в ней. Различие между образованием и воспитанием в данном случае – это, фактически, разница между встроенными в сознание человека принципам и правилами и знаниями и правилами благоприобретенными (а чаще всего навязанными ему). Иными словами, между первичной и вторичной социализацией.

Но что значит «жизнь в природе», чем она отличается от жизни в городе, где человек осваивает специфически городской образ жизни? Тем, что это – различие между первичной и вторичной социализацией. Но, повторюсь, сегодня нет уже четкой грани между городской и сельской жизнью. Тем ценнее для дела охраны природы люди, выросшие в сельской местности в тайге и тундре, и лишь потом, сознательно, стали экоактивистами. Эти люди перманентно соприкасаются с процессами социально-экологического метаболизма, знают его закономерности, риски и опасности. Можно сказать, что эти люди обладают передаваемой из поколения в поколение *практической мудростью*. То, что горожанам нужно изучать и узнавать, люди, живущие в природе, «знают» на уровне подсознания, и поэтому при смене сезонов природы или в условиях катастроф действуют автоматически. Конечно, я говорю об идеальном случае.

Социально-экологический метаболизм потому и *социальный*, что он определяется борьбой двух сил: природы, точнее, ее устоявшихся закономерностей и процессов, и человеческих интересов и потребностей. Поэтому к противоположной названной выше категории относятся лица совершенно иного склада. Они, независимо от того, являются они капиталистами или нищими, берут от природы все, что они могут у нее взять, совершенно не заботясь о последствиях для нее. Такая категория людей есть и в городах, и в сельской местности, и в тундре, и тайге, везде. Более того, они сами иногда создают критическую ситуацию, чтобы потом нажиться на ее последствиях, например, создавая пожар, а потом закупая по дешевке частично обгоревший лес (горельник). Так что потребительская идеология – это не только идеология стяжателей, сытых и обеспеченных, но и бедных бездельников, тунеядцев и нахлебников. Это – *потребители*.

К ним примыкает группа людей, которые не грабят природу, но в каких-то критических случаях не прочь поживиться потерями от природной или техногенной катастрофы. Или напротив, «примазаться» к очереди получателей благ, пострадавших от катастрофы. Это, так называемые, *free-riders*, а по-русски *халявщики*, люди, которые не прочь поживиться за счет чужих потерь и страданий.

«Между» природными и социальными процессами действует категория людей и организаций, которую можно, в зависимости от их функции, именовать *посредниками или организаторами*. Они состоят из бывалых людей, которые с равным успехом могут общаться и устанавливать деловые контакты с людьми любых социальных страт и профессий. Для понимания процессов накопления социального капитала это – очень важная категория людей, потому что они способны осуществлять коммуникацию между разными людьми, специальностями, формами организации, которые могут иметь отношение к природоохранной деятельности или влиять на нее. Посредники – это фактически шатуны, «перекати-поле», без явно выраженного отношения к проблеме защиты природы. Но они – *универсалы* и в этом качестве чрезвычайно ценны, когда нужно быстро и адресно мобилизовать нужные ресурсы для защиты природы и/или для помощи пострадавшим от природной катастрофы.

Наконец, следует выделить в отдельную категорию лиц, которые *сделали защиту природы своей профессией*. Они тоже могут быть разными, и стратегически и тактически вести себя тоже по-разному. Но защита природы – это их высшая ценность и привычный образ жизни. Пожалуй, именно эта категория составляет ядро тех гражданских организаций, которые десятки лет занимаются защитой природы. К этой группе людей весьма близка группа людей, одновременно осуществляющих функции

благотворителей и спасателей. Эти группы объединяет чувство ответственности за людей, за природу, стремление «защитить и помочь».

К этим двум группам близка группа экспертов, консультантов, советчиков. Составляющие ее кадры могут быть из среды ученых или педагогов, но также могут формироваться из наиболее знающих и образованных групп местного населения. Тогда они называются «гражданскими экспертами» (expert-citizen). Эти эксперты могут иметь собственные организации или же время от времени включаться в работу экоНКО и их сетей. Более того эти эксперты могут быть работниками государственных природоохранных служб.

Отсюда можно перекинуть мостик к *работникам местной администрации*, которые на деле участвуют в охране природы и человеческих поселений. С одной стороны, эти люди всецело зависимы от вышестоящего начальства, поступающего сверху финансирования, директив, распоряжений и т.п. С другой стороны, они отвечают за нормальное функционирование их муниципальных образований и в случае экологической катастрофы готовы включиться в работу по ликвидации ее последствий (вопросы изменения взаимоотношений экоНКО с административными структурами разного уровня мы рассмотрим ниже).

Наконец, самый главный фактор формирования природоохранных сетей – это *человек бизнеса*, могущественная фигура, подчиняющая себе практически всю местную жизнь. Точнее, он действует независимо от нее или «поверх» нее в прямом смысле. Вместе с тем, как показывает современная практика ведения бизнеса, особенно транснационального, он, хочешь – не хочешь, вынужден подчиняться все более строгим международным экологическим стандартам ведения бизнеса. Поэтому, человек бизнеса является сегодня экологически обучаемым. Поэтому стали возникать гражданские экологические организации, занимающиеся такого рода обучением (см. следующую главу). Соответственно, бизнес постепенно включается в работу природоохранных сетей.

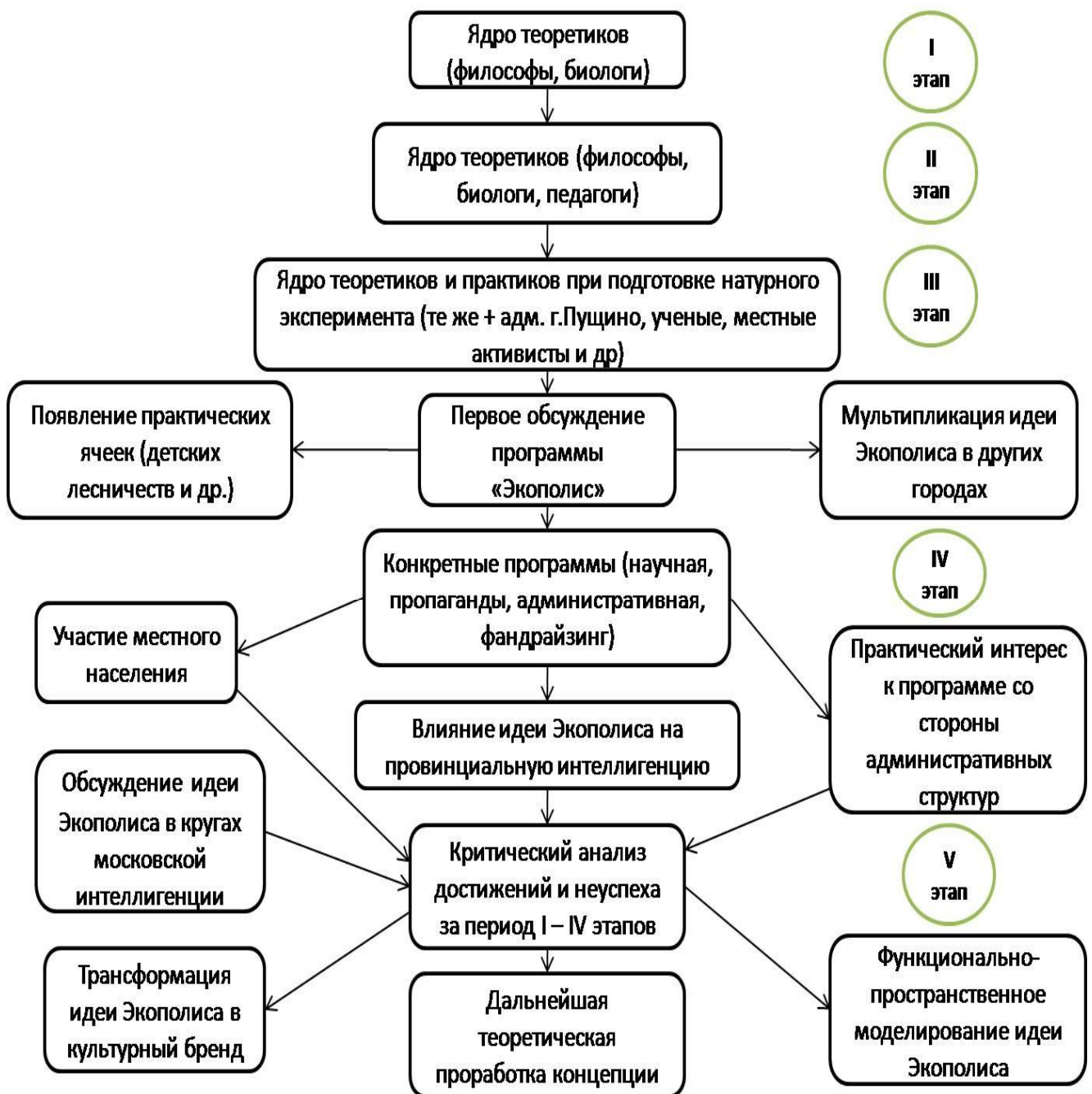

Схема 8. Этапы развития идеи «Экополиса» (1970-1980 гг.)

3. Личностные качества эоактивистов

За 20 лет, прошедших с начала реформ, эоактивисты многому научились, накопив значительный социальный капитал, как общий, так и специфический для российских условий. К его основным составляющим относятся: профессионализм во многих областях прикладного знания;

междисциплинарность и межсекторальность своей деятельности; навыки работы с разными социальными субъектами (властными структурами разного уровня, бизнесом, местными общностями). Они разработали и опробовали на практике технологии легального сопротивления давлению властных структур и частного капитала. Обрели способность к перманентному обучению. Овладели информационными технологиями. Наконец, они обрели коммуникативное многоязычие, то есть умение переводить практически любое профессиональное знание на политический язык. Во всем этом они опираются не только на постоянную практику жизни, но и на опыт других стран, где природные условия и политическая структура значительно отличаются от российских.

Практически все лидеры движения и большинство эоактивистов, даже очень молодых, обладают *огромным жизненным опытом*, очень разным – столичным или «таежным», профессиональным или публичным, но всегда опытом работы с разными людьми и в различных обстоятельствах. Все активисты год из года накапливали свой профессиональный капитал – экологические знания и ноу-хау публичного общения, *умение работать по международным стандартам*. Что определило другое немаловажное качество их социального капитала: его «многоязычность», то есть способность активиста говорить на языках науки, политики и «улицы». И не просто говорить, но быстро переводить с одного языка на другой. Все полтора десятка лет, о которых идет речь, они *беспрерывно учились и переучивались* – в России или за рубежом, на специальных курсах или практически, осваивая роли политика, эксперта или государственного чиновника. Постоянное пребывание в цепи меняющихся событий выработало у них умение *«мыслить местом, конкретной ситуацией»*, а общение с зарубежными партнерами, работа в интернет-сетях – соединять это мышление с пониманием глобальных тенденций. Разные лидеры по-разному оценивают свои сильные личностные качества – аналитик, организатор, коммуникатор, но большинству из них в той или иной мере присущи все названные качества. И, наконец, без чего не бывает активиста и тем более лидера, так это чувства ответственности перед товарищами и своим сообществом. Максима студенческого дружинного движения – «Если не я, то кто же?» – все еще жива.

Посмотрим теперь на некоторые из этих качеств подробнее. Некоторые мои респонденты прямо так и говорили: «Я – лидер». Когда сталкиваешься с такой самооценкой, поначалу кажется, что это все же перебор. Однако постепенно понимаешь, что помимо такого психологического самоощущения, что само по себе вполне возможно, данная самооценка вполне оправдана, причем я не беру в расчет психологические качества (спокойный, уравновешенный характер и др.).

Во-первых, такая самооценка опирается на огромный жизненный опыт, который никак нельзя приобрести ни в науке, ни в педагогической деятельности, ни в бизнесе. И никакой специальный тренинг или «школа лидерства» здесь не помогут. Я говорю о *школе жизни*. Помимо самых сложных житейских ситуаций, речь идет об умении выживать в самых критических природных условиях и стрессовых ситуациях.

Во-вторых, это владение рядом (смежных, но не только) специальностей и навыков, необходимых для члена всякой природоохранной организации (будь то эконоКО, экологическое движение или дирекция заповедника) в нынешнем отчужденном контексте. В-третьих, эти люди обладают хорошо структурированным мышлением от природы, но и в результате работы над множеством проектов и контактов с множеством разных ведомств и организаций. Вместе с тем, это уже упомянутый навык (и желание) «мыслить местом», конкретной ситуацией. Из практики общения с местным населением эконоактивисты делают выводы, которые ценны как для науки, так и для политики. Чем дальше, тем больше они понимают, что их собственная практическая деятельность, а не кабинетная работа, является источником нужного им экспертного знания.

Владение навыками междисциплинарной и межорганизационной интерпретации экологического знания, возникающее при общении с разными группами и ведомствами, – еще одно преимущество лидеров в данной сфере. В-четвертых, это внутреннее стремление постоянно учиться, как сказал один из лидеров, «мне постоянно надобно за кем-то тянуться». Как сказала другая активистка, «мое счастье, что меня всегда учат. Потому что иначе, я тогда бы уже давно духовно, нравственно умерла. Мне постоянно надо, чтобы мне нужно было за кем-то тянуться, чтобы мне было интересно, самое главное, чтобы я двигалась куда-то». В-пятых, это желание и умение брать на себя ответственность, не бояться ее. Более того, внушить другим (местным жителям, бизнесменам, администраторам), что это необходимо. Что не все проблемы решаются где-то «наверху», многие из них можно решить самим, на месте.

Что касается взаимоотношений лидеров с наукой, то, по выражению А. Ахиезера, здесь ситуация классического «между». С одной стороны, лидеры постоянно сетуют на отставание тех областей научного знания, которые им необходимы для практических действий. Более того, лидеры постоянно критикуют их методологические основания и дисциплинарные размежевания, потому что им «узко» в существующих дисциплинарных границах, что «все там копают свои ямки, и нет общего дела». Они критикуют науку за отрыв от практики, полагая, что «практика, поле, экспедиция – лучшие учителя».

Но с другой стороны, они не хотят отрываться от науки, хотя и говорят, что «наука для них не на первом месте». Жалуются, что приходится каждый раз «делать все от начала до конца», будь то «проект» или массовая кампания. Более того, они считают себя научными работниками, стремятся публиковаться в научных журналах, а некоторые из них даже защищают докторские диссертации. У лидеров движения обязательно есть «референтные фигуры» в науке. Они чрезвычайно высоко ценят личные связи с действительными авторитетами в своих отраслях знания (и даже поклоняются этим людям). Они весьма сожалеют о том, что научные сообщества, членами которых они остаются до сих пор хиреют и умирают, как, например, Московское общество испытателей природы. Они ценят эту культурную среду и стремятся сохранить с ней связи (совместительство, работа в общественных советах, экспертиза, руководство аспирантами). К Большой Науке (как правило, прошлого) у них сохраняется позитивное отношение и даже преклонение перед ней. Активисты идентифицируют себя именно с такой Наукой, хотя вполне осознают дистанцию между ее Великими авторитетами и ими самими. Так что аура Большой науки сохраняется, а главное – ее этическая ориентация на благо человека и природы.

Далее, о навыках коммуникатора и интерпретатора. На первый взгляд, функция посредника является чисто технической. Однако, в отличие от «челноков» в дипломатии или малом бизнесе эти лидеры выполняют важные функции налаживания политического взаимопонимания и межкультурного взаимодействия.

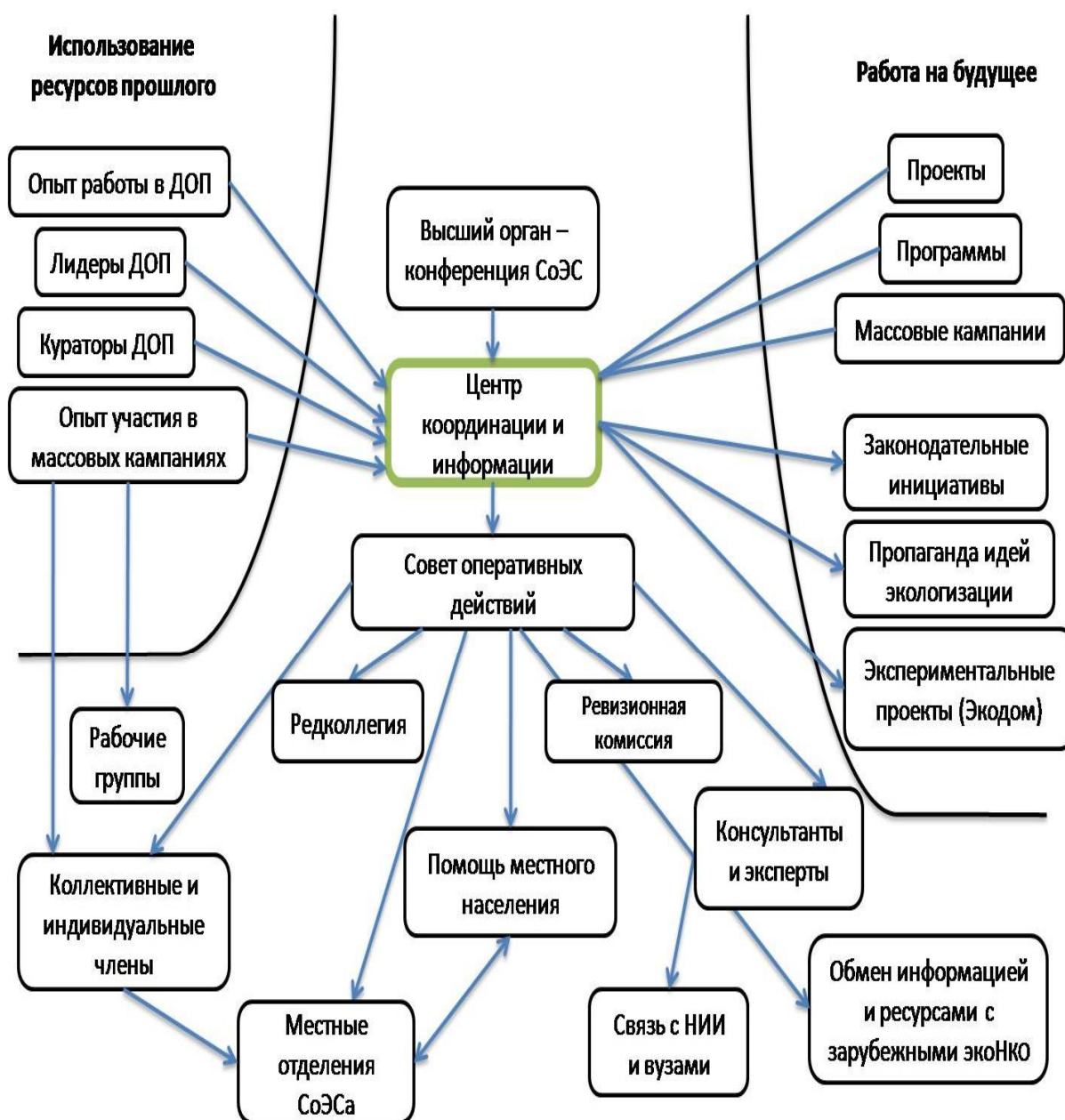
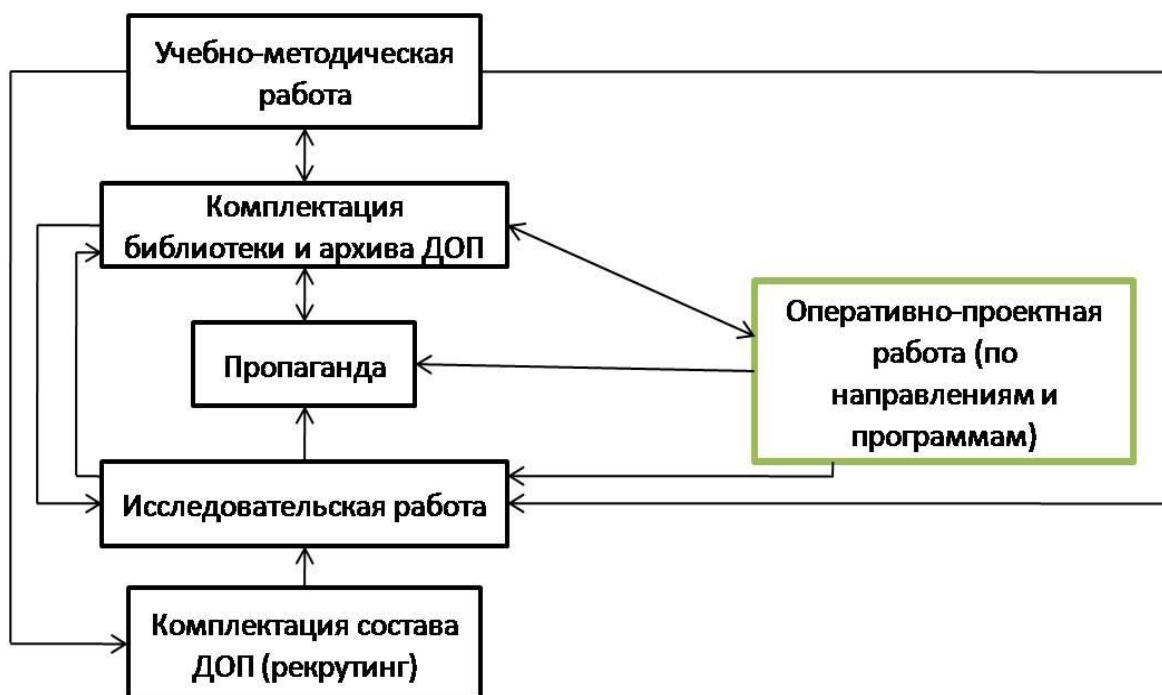

Схема 9. Организационно-коммуникационная структура Социально-экологического союза (СоЭСа)

Во-первых, положение хранителей природы «между», точнее на пересечении силовых линий социального взаимодействия заставляет их быть междисциплинарными и межсекторальными специалистами (между наукой и практикой, между властными структурами и местным населением,

студентами и активистами, властью, населением и бизнесом и т.д.). Постоянное пребывание в подобном «межкультурном поле» – весомое преимущество лидера и сильнейший мотив к действию. Особенно для молодого активиста, потому что все сразу и вместе: живая и интересная работа, участие в выдвижении новых идей, возможность видеть ее результат (а не работа на полку, как в НИИ), профессиональный и карьерный рост в прямой зависимости от индивидуальных качеств и усилий, а не от «выслуги лет», и, конечно, более высокая, чем в академическом и тем более региональном НИИ, материальная обеспеченность. Это – идеальное сочетание исследовательской, просветительской и организационной работы. Плюс – самостоятельность и ответственность. Плата за это – масса организационной работы, но она носит гораздо более креативный характер, поскольку состоит в выработке правил и норм взаимодействия, пригодных для коммуникации с разными людьми и организациями. Конечно, этим лидерам сегодня не до систематической теоретической рефлексии, но в действительности они своей посреднической (челночной) деятельностью закладывают фундамент практически ориентированного рефлексивного природоохранного знания (Кузьмина, 1998, 1999).

**Схема 10. Структура и функциональные связи ДОП
Казанского химико-технологического института (1983 г.)**

Во-вторых, посредничество заставляет большинство активистов знать множество специфических «языков» и «кодов», на которых говорят и/или которых придерживаются сотрудничающие или, напротив, конкурирующие с ними группы. Сами себя активисты часто называют популяризаторами или организаторами, но эти термины, взятые из прошлого, уже не соответствуют новым реалиям. То есть экологический активист в гораздо большей степени, чем академический ученый, работает в межорганизационных сетях, что приносит новые знания и навыки. Отсюда, в-третьих, это умение сформулировать и структурировать назревшую проблему. Совсем не случайно, что представители местных властей периодически просят именно лидеров экоНКО «выступить с инициативой», «обрисовать проблему», обещая им потом «подключиться».

В-четвертых, это овладение навыками «посредника-переговорщика», помогающего разрешать социально-экологические конфликты. Таких специалистов у нас никто не готовит. Лидер экоНКО постоянно находится в гуще событий, в эпицентре конкретной социально-экологической проблемы или конфликта. Весь мой архив, касающийся российских социально-экологических конфликтов, начиная с 1987 г., свидетельствует,

что активисты всегда начинали с попыток договориться с противниками или помирить конфликтующие стороны, и только потом они переходили к силовому давлению. За прошедшие почти 20 лет они накопили огромный арсенал средств коммуникации с оппонентами (см., например, Яблоков, 2004; Яблоков и др., 2004).

В-пятых, что очень важно, при современной «вертикальной» структуре власти эти лидеры являются практически единственными накопителями, интерпретаторами и проводниками локального знания и требований местного населения «снизу–вверх». Именно их усилиями достигается участие местного населения в разрешении локальных социально-экологических проблем, трансляция «наверх» культурных норм и стереотипов «места». Поэтому они не только посредники, но один из механизмов поддержания демократических институтов российского общества. Наконец, роль посредника значительно расширяет поле ресурсных возможностей лидера.

Наконец, лидеры и активисты экологических организаций выполняют чрезвычайно важную культурную, и я бы даже сказал, патристическую функцию *поддержания контакта человека с российской природой*, подтверждения ее самоценности, которая традиционно была одним из ключевых элементов русской культуры.

В самом деле, в ходе реформ отчуждение российского человека от природы значительно усилилось. Для многих она стала недоступной роскошью – миллионы людей оказались запертыми в каменных мешках городов. Работа на огороде для выживания или хищническое разграбление пригородных лесов – это не норма культуры. Как не могут быть нормой хищнические рубки лесов или пиратские свалки повсюду. Путешествия по стране, в одиночку или группами, столь распространенные в советские времена, практически прекратились. Остался лишь экстремальный туризм для богатых и «сдвинутых». Основная масса богатых или привязана к своим особнякам в пригородах, или же предпочитает отдых далеко-далеко – российская природа для них не слишком привлекательна. Нехватка средств у НИИ и вузов резко ограничила полевой сезон (научные экспедиции, летнюю практику), часть их сотрудников превратилась в проводников для богатых иностранных туристов и т.д. и т.п.

Поэтому все формы деятельности активистов (проекты, экспедиции, летние лагеря, тренинги, поддержание местных инициатив в защиту природы), сочетающие моменты познания, эстетического наслаждения и нравственного воспитания, являются сегодня чрезвычайно важными. Именно эти формы (понимать, разумно использовать, охранять), а не крайности гедонистического, экстремального или утилитарного отношения к природе, являются способами сохранения нормы взаимоотношений

человека с российской природой. В этом смысле авангард российского экологического движения выполняет чрезвычайно важную культурную роль.

Естественно, есть особенности российской ситуации – она заставила лидеров быть «хозяйкой за все». Сопоставим тип российского и, скажем, американского лидера общественной экологической организации.

И те, и другие включены в международные сети защитников природы и, следовательно, придерживаются не только некоторых общих правил игры, но и репертуар действий у них сходный. И те, и другие периодически входят в конфликты с деятельностью государственных и частных структур, нарушающих природоохранное законодательство. И здесь, и там лидеры все более вовлекаются в решение общих глобальных и трансграничных экологических проблем. В их становлении в качестве лидеров огромную роль играет их прошлый опыт и заслуги именно как общественников, активистов.

Однако в США общественные экологические организации пользуются гораздо большей поддержкой со стороны институтов гражданского общества, что ведет в конечном случае к улучшению экологической ситуации на местах, обеспечивая тем самым этим организациям приток необходимых ресурсов. В России, по мнению некоторых лидеров экологического движения, оно ведет лишь «арьергардные бои». В США и Западной Европе основная задача этих организаций – это зафиксировать проблему, привлечь к ней внимание общества. У нас же всю работу от выдвижения проблемы, ее концептуального осмысления и вплоть до ее разрешения (и последующего мониторинга) приходится вести лидерам НПО. Как сказал один лидер, если на Западе «задача зеленых организаций состоит в том, чтобы подтолкнуть процесс, разбудить общество и власть, то у нас приходится делать все от начала до конца. В этом, с одной стороны, сила [российского] зеленого движения, потому что заставляет его активистов быть квалифицированными специалистами, а с другой стороны – слабость, потому что отнимает очень много сил» (Ярошенко, 1999).

Далее, там огромную, если не решающую роль в выдвижении экологических проблем играет рядовой потребитель и его общественные организации. У нас голос потребителя еще еле слышен, а его организации слабосильны и практически не сотрудничают с экологами. Если там лидеры «формулируют вопрос», поставленный потребителем, то у нас лидеры (особенно в сфере эколого-правовой) выступают *инициаторами* местных инициатив, проектов, а также судебных процессов по фактам нарушения природоохранного законодательства. Вследствие сказанного, в США лидеры экологических организаций уделяют гораздо больше внимания

«локальному знанию», источникам его получения и делу его политической интерпретации (см., например, Kempton et al., 1996). У нас лишь часть лидеров уже осознала важность этого источника информации, большинство же из них ориентируются на сотрудничество с бизнесом и местными властными структурами. Наконец, если в индустриально развитых странах Запада периодически возникающие экологические проблемы квалифицируются как местные или региональные, то для российских лидеров любого уровня сотрудничество с международными экологическими организациями жизненно важно.

На мой прямой вопрос о важности таких контактов, один из лидеров сказал: прежде всего важен «опыт общения с широкими слоями населения. У российских эконоНПО он очень слабый – в прошлом вся их деятельность в основном строилась по принципу взаимоотношения “экспертов” с “властью”, а успешные массовые общественные кампании были скорее исключением, чем правилом. Далее, это работа с бизнесом, поскольку наш ресурсно-ориентированный бизнес критически зависит от зарубежного потребителя – будь то потребитель лесопродукции, нефти, газа, рыбы, электроэнергии, металла и т.д., а также от зарубежных инвесторов. Именно зарубежных потребителей и инвесторов наш отечественный промышленник боится и уважает, а, следовательно, вынужден считаться с их требованиями. Соотечественники же для него не столь важны. Так что без взаимодействия с зарубежными коллегами многие практические проблемы, связанные с действиями наших [лесодобывающих] компаний, решить не удастся». (Ярошенко, 1999). Это означает, что элементы экологической культуры нашему бизнесу прививает Запад, точнее, моральные принципы и этические нормы массового западного потребителя.

4. Динамика сетей

Как уже отмечалось, сеть без содержательного наполнения есть всего лишь техническое устройство. Поэтому сети социального (культурного и др.) общения возникли много раньше, чем появились современные информационные системы. Можно сказать даже больше: сети личной переписки были гораздо более интересными по их смысловому наполнению, чем современные. Недаром сегодня так ценится эпистолярная литература. Переписка, в частности, интересна нам тем, что содержащаяся в ней «информация» неотделима от того, кто именно ее писал, критиковал, посылал и т.д.

Первые экологические сети (на основе личного общения и переписки) возникли в России в начале XX века, хотя многие циркулировавшие в них идеи и мысли были высказаны много ранее. В этих эпистолярных сетях тоже были свои лидеры, организаторы, посредники, деловые люди и даже

халаявщики. Но все же, ядро этих сетей составляла по преимуществу группа единомышленников-интеллектуалов. Основное отличие тех сетей от современных заключалось в их целевой функции. Тогда в них доминировала познавательная функция (недаром рубеж XIX-XX вв. столь богат путешественниками, первопроходцами, открывателями новых земель). Были и защитники природы, тоже очень разные. На одном полюсе были те, кто считал, что природу трогать вообще нельзя (аналог современных глубинных экологов), другие, напротив, считали, что освоение всей поверхности Земли неизбежно, и поэтому необходимо сохранить лишь некоторые участки природы, отражающие ее сохранившееся разнообразие (то есть создать систему заповедников). Третьи считали, что все ресурсы природы надо поставить на службу строительству социализма, но, конечно, использовать эти ресурсы рационально. В 1924 г. было создано Всероссийское общество охраны природы с множеством отделений на местах. Однако эта массовая организация была скорее «приводным ремнем» партийной машины ВКП(б)/КПСС и поэтому не имела ни собственной идеологии, ни программы. В общем же и целом, в 1920-70 гг. господствовала практически-познавательная идеология, а охрана природы занимала в государственной политике подчиненное место.

Первой *действительно сетевой* организацией охраны природы стала организованная в 1960-х гг. Дружина охраны природы биофака МГУ (ДОП МГУ), которая положила начало формированию подобных дружин в других университетах и высших учебных заведениях СССР. В основе ДОП МГУ, а позже и других дружин лежали три типа сетей (связей). Во-первых, ДОП поначалу направлялась и курировалась университетской профессурой. Во-вторых, первыми ее лидерами были студенты, озабоченные не столько охраной природы, сколько под этой маркой возможностью отдыха и развлечений на природе. В-третьих, ДОП должна была как-то включиться в систему комсомольско-молодежных организаций университета. И этот груз «висел» над нею довольно долго. Если кратко характеризовать ее социальный капитал, то это были единство целей активистов, знания, которые можно применять на практике и умение действовать в разной социальной среде (Иванов, 2011).

Но этим социальный капитал дружинников не ограничивался. «Мы делали общее дело, дружили, путешествовали, учились. Не будет преувеличением сказать: Дружина стала для нас школой жизни», демократии, школой единства и взаимопонимания, «школой уважения к суверенитетам: для достижения дружинного успеха членам дружинного движения нужно было научиться понимать друг друга. Школой борьбы: начиная с браконьеров и кончая органами власти. И настоящей школой дружбы» (Краснова, 2001: 17).

ДОП возникали по всей стране, но в разных вузах и организациях. Крупнейший сегодня экоцентр «Дронт» в Нижнем Новгороде возник, во всяком случае, частично, на базе Центра научно-технического творчества молодежи (НТТМ), такие центры создавались комсомолом по всей стране. В некоторых республиках Прибалтики были не дружины, а экологические общества; в Казани ДОП возникла в Казанском химико-технологическом институте (КХТИ). Естественно, что всем вместе бороться и отстаивать свои права на хотя бы частичную автономию от комсомола было легче, поэтому ДОП вскорости объединились в общее дружинное движение. С самого начала основным ориентиром Движения была борьба: против нарушения природоохранного законодательства, браконьерства, жестокого обращения с животными, незаконной рубки деревьев в городских скверах и парках. Но были и другие программы: научные и просветительские, работы со школьниками и другие. Наконец, в ДОП приходили те студенты родом из деревни или малых городов, которым было трудно адаптироваться к городской жизни, но они были неоценимы в поле, на выездах, в наблюдениях за миграцией птиц и т.д. Следующим этапом было создание Социально-экологического союза, уже настоящей сетевой организации. А затем и отделений Гринпис и Всемирного фонда охраны дикой природы в России (Яницкий, 2007).

Наконец, о локальном знании как социальном капитале. Исторически, сети охраны природы начинали формироваться снизу, коллективами единомышленников, энтузиастов природоохранного дела. И поначалу это были очень небольшие по масштабу сети, связанные общим интересом. Но сегодня сформировались сети несколько иного рода: носителей «локального знания». Об этом знании и его сетях подробно речь будет идти в следующей главе, здесь же только скажу, что значение этого знания, вырабатываемого местными жителями и связанного с местными обычаями и культурой, ничуть не меньше по своему значению для охраны природы, чем знание научное. То, что локальное знание в России, как правило, не институционализировано, теоретически не имеет существенного значения. Важно, что онтологически и гносеологически, оно имеет тот же статус, что и академическое знание. Достаточно сказать, что, не имея представления о знаниях и восприятии местным населением своего природного окружения, невозможно создать полноценную сеть охраны природы. Причем чем меньше и уникальнее охраняемый ареал (заповедник, заказник), тем более плотной должна быть сеть, его отображающая и охраняющая.

Сегодня авангард природоохранного движения считает следующие задачи своими приоритетами: Во-первых, расширение социальной базы природоохранного движения путем публичных акций, направленных на защиту здоровья населения и защиту его конституционного права на

благоприятную среду жизни. Во-вторых, необходимо расширение и укрепление взаимодействия с государственными и муниципальными органами посредством помощи им в реализации экологически ориентированных проектов, а также при экологических авариях и катастрофах. В-третьих, нужно налаживание партнерских отношений государственных и общественных структур, особенно в сфере законодательства и пропаганды принципов защиты природы. В-четвертых, необходимо не только помогать государственным органам в осуществлении экологического мониторинга, но и постепенно развивать свой собственный, гражданский мониторинг. В-пятых, важной задачей является расширение экологического образования социально ответственного бизнеса, обучение его ведению дел в соответствии с международными стандартами (см. след. Главу). В-шестых, стараться вовлекать в сети охраны природы представителей профсоюзного, женского, правозащитного, молодежного, защиты прав потребителей и других общественных движений. В-седьмых, расширять сотрудничество с органами местного самоуправления и общинами коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. И, наконец, развивать международные сети природоохранных организаций.

5. Заключение

В чем же состоит специфическая функции сети? Прежде всего, сеть концентрирует, перерабатывает и распространяет позитивный опыт охраны природы прошлого. Сеть обучает своих участников не бояться ничего необычного, а напротив, искать способы разрешения конфликтов или ведения переговоров, адекватные сложившейся ситуации. Сеть противостоит натаскиванию, действиям только по уставу. Всякая природоохранная сеть, имея определенные цели своего функционирования, сегодня гораздо более гибкая, контекстуально-ориентированная, чем государственные природоохранные организации. Фактически, в процессе функционирования такой сети реализуется идея свободного и конкурентного практического обучения, часто не требующая лицензии для обмена ноу-хау. Через сеть локальное знание становится всеобщим, пополняя багаж Большой науки.

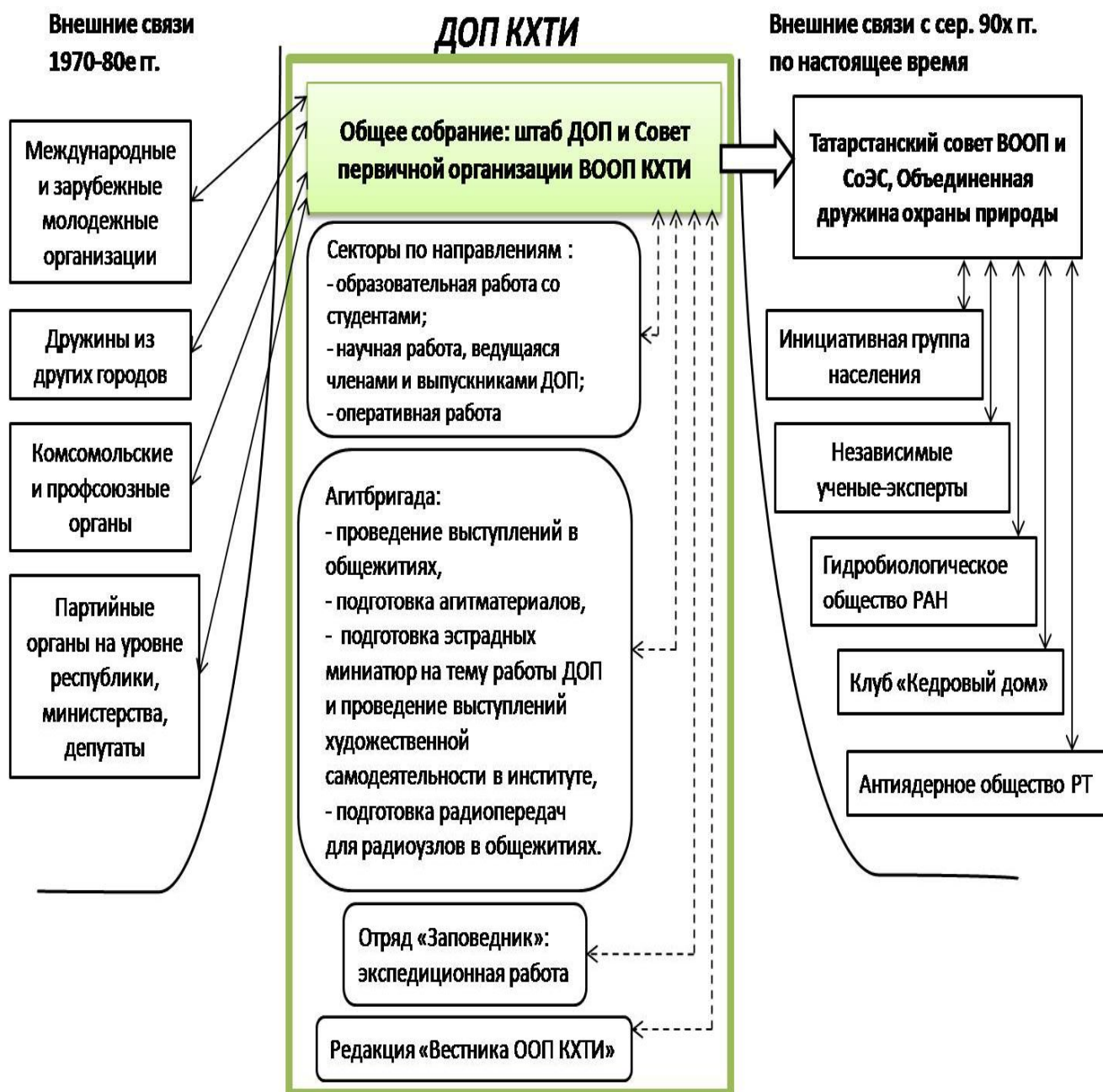

Схема 11. Динамика связей ДОП КХТИ с начала 1970-х гг. по настоящее время

Глава 4. Динамика структуры и функций экологических НКО и накопление социального капитала^{*}

1. О терминологии

Сначала уточним терминологию. В начале 1990-х гг., когда в массовом порядке стали возникать самостоятельные организации, не зависящие ни от государства, ни от официальных общественных организаций, они, как и на Западе, получили название неправительственных организаций (НПО). Это было правильно, так как указывало на их иную социальную и экономическую природу. Однако со временем у нас, как и на Западе, получил распространение термин некоммерческие, то есть не ориентированные на получение прибыли организации (НКО). Это было тем более справедливо, что к НПО стали относить организации малого бизнеса, но также и потому, что термином НКО хотели отделить малые группы и коллективы, ориентированные на инновационную деятельность, от тех, которые представляли собой ядра социальных, в том числе протестных, движений, получивших название организаций социальных движений (ОСД). Наконец, в западной литературе и тех, и других, включая весь частный бизнес, относят к организациям гражданского общества.

Однако эти терминологические различия весьма условны, особенно в нашей стране. Во-первых, в России НПО/НКО возникли на самой разной почве. Они могли быть результатом кристаллизации малых инициативных групп, возникших на почве общности интересов или борьбы против общей беды. Чаще всего они были ядрами социальных, в том числе экологических движений (ЭД). Они также могли быть результатом трансформации не-экологических НПО в экологические НКО. Наконец, возможной была и обратная динамика: по мере затухания социальных движений, их организационные ядра (ОСД) постепенно превращались в НКО, чему сильно способствовала общая система финансирования гражданских

^{*} Глава написана О.А. Усачевой (при участии О.Н. Яницкого)

организаций через конкурсы на гранты. Но даже при сохранении экологического движения в России на протяжении более чем 50 лет, все равно действовал «железный закон олигархии» (Михельс, 1990). Что означало, что и НПО, и НКО постепенно бюрократизировались, а их работа становилась все более рутинной. Поэтому в данной главе мы будем пользоваться обоими терминами в зависимости от их функций и ситуации, породившей данный тип организации.

2. Зависимость структуры и функций экоНКО от контекста

Вообще говоря, появление НПО/НКО – нормальный процесс в том смысле, что новые потребности общества сначала улавливаются некоторыми малыми группами, которые еще только видят новую задачу, но не имеют ни организационных, ни финансовых средств для ее разработки. В этом смысле НПО/НКО – инструмент ответа общества на его новые вызовы. Но здесь ключевую роль играет социально-политический контекст. В демократическом обществе, которое само выросло на почве подобных групп самоорганизации, возникновение НПО/НКО – *естественный процесс*. Более того, на определенном этапе развития капитализма он стал необходимым, потому что появление множества малых НПО/НКО повышало эффективность капиталистического производства и одновременно открывало поле для «проб и ошибок» массе людей с инновационным складом ума, не желавших быть офисным планктоном в крупных корпорациях. В США, ЕС и других развитых странах государство регулярно выделяет средства на развитие этих организаций, часто оказывая им на первых порах безвозмездную помощь (в виде безвозвратных ссуд и т.п.).

В России ситуация была другая. С началом перестройки некоторые периферийные ячейки Всероссийского общества охраны природы (ВООП) превратились в НКО. Возникший в конце 1980-х гг. Социально-экологический союз (СоЭС), объединил вокруг себя группы активистов, которые потом попеременно выполняли роль то ОСД, то НКО. После того, как в 1991 г. Народный фронт в поддержку перестройки прекратил свое существование, часть его местных ячеек также превратились в местные НКО. Общей чертой того короткого периода времени «демократии и гласности» было превращение советских общественных организаций в организации социального (гражданского) протеста. Затем, чем более государственная машина вновь становилась обособленной по отношению к гражданскому обществу, включая НПО/НКО, чем уже становилась структура их политических и социальных возможностей, тем более они сжимались, снова трансформируясь в общественные организации, в значительной степени обслуживающие властные структуры и зависимые от

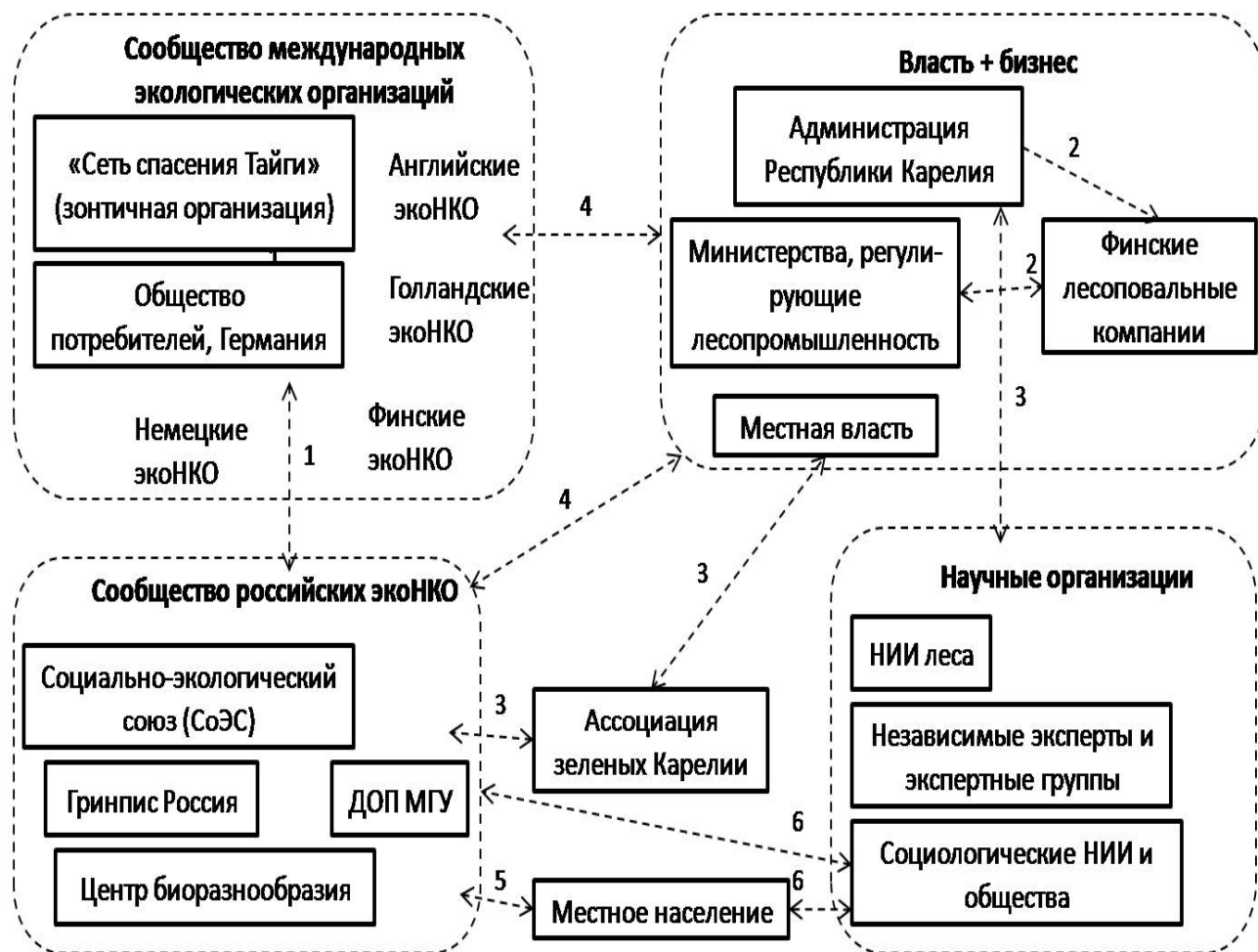
них. Тем самым, значительная часть *экоактивистов* снова превратилась в *работников* сферы охраны природы.

3. О трансформации НКО в ОСД

Вероятно, не все экоНКО/НПО считают себя частью экологического движения как широкой неинституционализированной сети групп и индивидов, вовлеченных в коллективную деятельность. Тем не менее, большинство российских и зарубежных исследователей рассматривают эти НКО/НПО именно как акторов, мотивированных озабоченностью состоянием окружающей среды, то есть разделяющих ценности ЭД и составляющих его потенциальную основу (см. например, Яницкий, 2002; Henry, 2010; Rootes, 1997).

Спецификой экоНКО является их междисциплинарность и способность трансформироваться из профессиональных природоохранных организаций в ОСД, нацеленных именно на отстаивание прав и интересов населения и защиту природных территорий, в зависимости от контекста/ритма работы – «мобилизационного» или «спокойного», повседневного.

В «спокойные» периоды экоНКО сегодня, как и раньше, реализуют научно-исследовательские, просветительские и образовательные проекты, в которые вовлекают, в основном, школьников и студентов; экоНКО организуют экологические экспертизы и даже расследования, в которых помимо самих сотрудников экоНКО участвуют их сторонники, журналисты местной прессы и др.; они участвуют в общественных слушаниях, проводят субботники вместе с местным населением, мастер-классы, которые посещают как заинтересованные профессионалы, так и просто сторонники их идей. Наконец, эти НКО организуют вместе с представителями образовательных учреждений, СМИ и властных структур конференции и круглые столы и т.д.

Условные обозначения

- 1 – взаимодействие единомышленников
- 2 – кооперация
- 3 – кооперация/конфликт
- 4 – конфликтные отношения
- 5 – связь с местным населением отсутствует
- 6 – нет взаимодействия

Схема 12. Межорганизационные отношения в случае конфликта вокруг вырубки старовозрастных (бореальных) лесов, Республика Карелия (1997 г.)

В мобилизационные периоды происходит «трансформация» экоНКО в ядра экологического общественного движения, то есть в ОСД. И начинается массовая активность, включая митинги, пикеты и прочие акции, подготовка обращений к властям и сборы подписей. Как это было, например, в 2010 г.,

когда экоНКО начали мобилизацию сторонников в связи с повторным открытием Байкальского целлюлозно-бумажного комбината на берегу озера Байкал. Это может быть также спасательная деятельность, как, например, в период пожаров летом 2010 г. в России, когда большие группы населения (многие впервые!) примерили на себя роль волонтеров и активистов, вовлеклись в работу, координируемую активистами НКО/ОСД или же новоиспеченными общественными лидерами, не являющимися в тот период членами какой-либо общественной организации. Позже многие из этих людей, обретя опыт активизма, продолжили свое участие (реальное или виртуальное) в деятельности экоНКО, например, в разборке горельников, посадках новых деревьев, обучении новых бригад спасателей-волонтеров и т.д.

В последние годы, в периоды мобилизации, рекрутинг волонтеров зачастую происходит на виртуальных площадках. Крупные международные экоНКО, с развитой виртуальной составляющей своей деятельности, предложили новый формат участия – киберактивизм. Он дает возможность людям из любой точки планеты участвовать в локальных и глобальных кампаниях экоНКО. Он-лайн активисты получают от этих организаций новостные рассылки и при необходимости подписывают электронные обращения главам государств, ведомств или коммерческих компаний, распространяют информацию, делают пожертвования и т.п. И эта виртуальная деятельность имеет обязательный выход в офф-лайн, ее последствия в реальной жизни становятся все значительнее. Без этого киберактивизм не имел бы смысла (Рейногльд, 2006).

4. Проблема цикла развития

Даже если бы социально-политический контекст оставался одним и тем же на протяжении длительного времени, все равно экоНКО/НПО/ОСД имели бы определенный цикл своего развития. Однако во время распада СССР и после него перемены происходили все время и носили кардинальный характер. Во-первых, изменение форм собственности и всего экономического строя, потребовало от этих организаций как-то вписаться в него. Это можно было сделать только через органы местной власти, получив от них какой-либо заказ. Значит, часть работы эти НКО/НПО выполняли по тем грантам, темы которых они определяли сами, а другую часть работы – в соответствии с заказом государственных или муниципальных организаций. С введением рыночных отношений рынок стал главным антагонистом любых природоохранных действий, и потребовалось почти 20 лет, чтобы рынок сырья стал мало-помалу цивилизовываться.

Во-вторых, грантовая поддержка западных фондов тоже имела свои рамки. Чем дальше, тем больше гранты выдавались тем НКО, которые

могли описать в своих заявках (а позже – по результатам проекта) ситуацию в тех или иных регионах. Если сначала основную часть грантов получали столичные НКО и те, которые размещались в Центральном нечерноземном районе, то позже, с середины 1990-х гг., приоритетными стали Сибирь, Дальний Восток, регион Северного Кавказа и юга России, то есть НКО в регионах, граничащих с республиками Прибалтики, ставшими членами ЕС и т.д. По той же схеме действовали фонды Финляндии, скандинавских стран и т.д. Соответственно, НКО, работавшие в Москве и Центральном нечерноземном районе, должны были перестраиваться. Введенная позже западными донорами система малых грантов не дала ожидаемого эффекта, так как контекст для последующего развития любых про-экологических инноваций был неблагоприятен.

В-третьих, цикл развития НКО детерминировался *возрастом активистов*. Изначально, российские НКО состояли из двух возрастных когорт: 22-25 и 40-45 лет. Первая когорта почти исключительно состояла из настоящих и бывших членов студенческих дружин охраны природы. Вторая – из местных активистов, частично членов ВООП, частично из граждан, озабоченных состоянием среды их непосредственного обитания. Речь идет не о квазиНКО, создававшихся для откачки ресурсов западных доноров, а таких «умельцев» было немало. Сегодня первая когорта частично осталась в НКО по причине отсутствия для них социальных лифтов, частично перешла на работу в государственные органы охраны природы. Вторая когорта, которой сегодня уже 65-75 лет частично сохранила свой боевой дух и продолжает борьбу, во что бы то ни стало. Это относится, прежде всего, к группам активистов в российской глубинке, где приходится рассчитывать только на собственные силы. Большая ее часть уже не имеет ни сил, ни средств для продолжения своей природоохранной деятельности. Тем более, что им противостоят мощные транснациональные корпорации или криминальные структуры. Сказанное не значит, что деятельность местных экоНКО и малых инициативных групп закончилась. Это означает, что возникли новые вызовы, и противостоять им должны новые силы.

В-четвертых, цикл развития экоНКО определяется их масштабом. Крупнейшие международные зонтичные НКО типа ВВФ-Россия и Гринпис-Россия имеют ресурсы для продолжения своей деятельности даже при почти полной смене персонала и тематики активности. Малым, местным экоНКО приходится гораздо труднее, и они вынуждены кооперироваться с другими общественными организациями, например, с Ассоциацией коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

В-пятых, развитие многих экоНКО зависело от типа лидера крупнейшей зонтичной организации, СоЭСа. Поначалу его лидером была типично харизматическая фигура, соответствовавшая своему времени. Это

был интеллигентный, высококультурный человек, притягивавший аудиторию своими яркими выступлениями. Но во времена транзита потребовались лидеры совсем другого типа: прагматичные, владеющие языком политического диалога, умеющие добывать деньги и поддерживать престиж организации. Нужные были «респектабельные и ответственные» лидеры, как сказал один из таких лидеров Е.А. Шварц. Что еще, несомненно, сокращало возможности наращивания социального капитала экоНКО, так институционализация рыночных отношений, означавшая всевозрастающую регламентацию (кодификацию) деятельности подобных НКО.

Как ни покажется странным, обновление экоНКО, продление его активного существования и, главное, увеличение его социального капитала, может произойти под влиянием экологической катастрофы. В этом случае, с одной стороны, потребуется мобилизация ресурсов, что вызовет приток социального капитала к данной организации по сетям. С другой стороны, как показала практика, в подобных случаях появляются «коллективные эмерджентные акторы» (форумы, блоги, другие НКО). Эти акторы, в конечном счете, во взаимодействии с данной экоНКО, также могут увеличить ее социальный капитал, создать новые сети солидарности и взаимопомощи. Однако та же практика показывает, что это увеличение капитала чаще всего бывает временным, так как такой капитал (знания, ноу-хау, новые связи) требуется лишь для данного конкретного случая. Что является в общем и целом позитивным фактором, так как увеличивает мобильность мышления и расширение репертуара действий активистов.

5. Динамика экоНКО в России и странах Европейского Союза

Сегодня экоНКО являются одними из наиболее активных и результативных акторов гражданского общества. Они активны как в России, так и в странах Европейского Союза (ЕС), с которым нашу страну связывают общие интересы, включая в первую очередь тесные экономические связи и поддержание международной стабильности. Постепенно экоНКО берут на себя функции, которые отчуждаются государственными структурами, приобретая, таким образом, все большую значимость в решении социально-экологических проблем, связанных с качеством среды обитания населения. Но динамика развития экоНКО и здесь, и там сильно зависит от социального контекста и структуры политических возможностей, под которой понимается поддержка экоНКО (или ЭД в целом) со стороны населения, политических движений и партий, а также способность ЭД и его организаций оказывать влияние на решения, принимаемые государственными органами (Яницкий, 1992).

Оба этих фактора формируются как структура связей экоНКО с различными коллективными акторами: властью, бизнесом, СМИ, населением и другими общественными организациями. Эти связи образуют собой одновременно и контекст деятельности экоНКО внутри страны, от которого зависит динамика развития последних.

Сначала рассмотрим структуру связей между самими экоНКО. Сетевизация становится общим трендом в развитии экоНКО, и исследователи выделяют два типа межорганизационных связей внутри этих сетей: инструментальные (транзакции) и основанные на чувстве коллективной идентичности и даже солидарности (Baldassari, Diani, 2007). Но в зависимости от контекста, такое разделение можно оценить либо как более жесткое (в ЕС), либо как условное (в РФ). Перманентная мобилизация, характерная для работы экоНКО в РФ, усиливает межорганизационные связи и стимулирует создание коалиций, проведение совместных кампаний, в том числе международных. Внутри межорганизационных сетей вырабатывается и наращивается социальный капитал.

Эффективной коммуникационной площадкой для экоНКО в последние годы стал Интернет (сайты организаций, специальные сайты, посвященные конкретной проблеме, форумы, социальные сети), но принятие основных решений происходит по-прежнему через личное общение лидеров экоНКО, то есть off-line. В Европе площадки, на которых могут встретиться эоактивисты, организуются также и структурами власти (например, при обсуждении социально-экологических вопросов в парламенте ЕС).

Несмотря на структурное сближение, сетевизация и солидаризация в РФ стимулируется ограниченной структурой политических возможностей, тогда как в ЕС – необходимостью решать глобальные экологические проблемы. Кооперация и объединение в сеть, ядрами которой являются наиболее крупные зонтичные организации, позволяют экоНКО ЕС представлять интересы населения во властных структурах.

Сети, как межличностные, так и межорганизационные, играют важную роль и в процессе рекрутинга, то есть вовлечения населения в деятельность экоНКО в качестве сотрудников и волонтеров. Существует множество способов вовлечения участников в коллективные действия: через пропаганду в СМИ, личные связи, помноженные на прошлый опыт участия, или даже как результат спонтанных индивидуальных решений. Но наиболее распространенный способ там и здесь – это вовлечение через сеть личных связей и в последние годы также через Интернет. Рекрутинг участников характеризует общую ситуацию в гражданской сфере. Так, в России наблюдается приоритет личных связей, опыт сотрудничества с

различными экоНКО и персональной предрасположенности для работы в природоохранных организациях, в т.ч. благодаря семейным традициям. Также повлиять на включение в работу может наличие определенных ресурсов (информации о состоянии окружающей среды, времени, знаний и желания что-то поменять). Рекрутинг в России происходит в условиях перманентной мобилизации, напряжения и потенциального риска для участников и волонтеров, поэтому здесь этот процесс трудно разделить на фазы. В ЕС же, наоборот, процесс вовлечения, по мнению европейской исследовательницы Ф. Пасси, проходит более спокойно, рационально и в несколько этапов: (1) сначала усиливается идентичность, (2) затем происходит оценка индивидуальных предпочтений, усилий, шансов на успех, рисков, и (3) только потом - вовлечение в коллективное действие (Passy, 2003). При этом основные каналы вовлечения в РФ и ЕС одинаковы – личные связи и Интернет. СМИ в качестве такого канала значительно сильнее развит в ЕС.

Помимо солидаризации внутри сетей экоНКО, одним из важнейших условий их успешного функционирования является поддержка населения, ведь именно его интересы и потребности и выражают экоНКО: *«охрана природы всегда делается в интересах местного населения, хотя оно может это и не осознавать»* [Из интервью с А.Ярошенко, руководителем Лесной программы Гринпис России]. Но далеко не всегда этот важнейший ресурс – поддержка общественных групп, – доступен экологическим организациям.

В ЕС существуют традиции волонтерства и благотворительности, которые способствуют широкому вовлечению населения в деятельность экоНКО, в то время как в России эти традиции развиты и поддерживаются государством меньше. Тем не менее, все экоНКО пользуются поддержкой волонтеров, круг которых пополняется за счет активизации личных связей их активистов, а в последние несколько лет – за счет рекрутинга волонтеров в виртуальном пространстве (в социальных сетях, блогах, на сайтах самих экоНКО и через интернет-рассылки).

Большинство сторонников российских экоНКО сегодня, как и в советское время, – это интеллигенция, в странах же ЕС экоНКО пользуются поддержкой большинства слоев населения. Основные причины неактивного участия в деятельности российских экоНКО – это низкий уровень доверия и информированности населения об их деятельности. Отсутствие доступа к СМИ и жесткая государственная политика в отношении общественных организаций – факторы, за счет которых формируются представления населения об экоНКО, а, следовательно, и его установка на участие.

Для РФ часто характерно противостояние между государственными и гражданскими организациями, их партнерство возможно лишь на

локальном и, реже, региональном уровнях. ЭкоНКО выступают в роли критиков; они не воспринимаются структурами власти как равноправные партнеры при решении социально-экологических проблем, редко учитывается их экспертное мнение, поскольку у чиновников, отвечающих за принятие решений, нет обязательств учитывать поступившие от граждан и общественных организаций предложения. Взаимодействия почти всегда инициируются экоНКО и происходят в форме консультаций, участия в общественных слушаниях, проведения совместных проектов на местном уровне. Законодательные акты, существующие для регулирования отношений между субъектами, чаще игнорируются, чем выполняются. А в целом, законодательство регулирует прежде всего не цели и характер взаимоотношений власти и экоНКО, а регламентирует формы поддержки НКО государством. Таким образом, речь не о партнерских, а о патерналистских отношениях. При этом четкие критерии отбора экоНКО, получающих государственную поддержку, отсутствуют.

Изначально, еще в советское время, российское природоохранное движение стремилось помогать государству, в то время как на Западе целью зеленых было «заставить государство работать в том направлении, в котором нужно. Там движение стремилось навязать государству волю общества. У нас такого не было. Когда же выяснилось, что наше государство несостоятельно и помочь ему сложно, а подправлять его мы не умели, это переживалось довольно тяжело. Сейчас общественное движение развивается не в направлении помощи государству, а стремится отстаивать перед государством задачи и потребности общества. То есть в известной степени приближается к западной модели» [Из интервью с А. Ярошенко]. По оценкам экоактивистов, роль и функции экоНКО в России намного шире, чем на Западе, именно за счет того, что «в западном обществе очень многие экологические ниши заняты, а в России свободны». Так, например, при создании национальных парков природоохранникам приходится брать на себя те функции, которые в ЕС выполняют бюрократические структуры и научные организации, включая проведение экологической экспертизы, доказывание необходимости выделения территорий под парк и т.д. «Если в Европе задача зеленых организаций состоит в том, чтобы подтолкнуть процесс, разбудить общество и власть, то у нас приходится делать все от начала до конца. В этом, с одной стороны, сила движения, потому что заставляет его активистов быть квалифицированными специалистами, а с другой стороны – слабость, потому что отнимает очень много сил» [Из интервью с А. Ярошенко].

Таким образом, становится очевидной отличие ситуация в ЕС от российской. Там отношения экоНКО и власти чаще можно

охарактеризовать как партнерские. ЭкоНКО выступают не только как критики властных структур, но и как советники, консультанты, к которым прислушиваются на высшем уровне: представителей экологических организаций приглашают даже на сессии парламента ЕС. Формы взаимодействия: консультации (как на национальном, так и на местном уровне), совместная проектная работа. При этом роли государства и НКО могут быть разными: они выступают как партнеры или же как заказчик и исполнитель. В том случае, если органы государственной власти проводят конкурсы на реализацию государственных программ, возможно прямое финансирование государством деятельности экоНКО. Инициатором взаимодействий часто выступают представители власти. Законодательство обязывает чиновников приглашать общественные организации к участию в обсуждении различных социальных и экологических проблем, принятии решений и реализации различных проектов, финансируемых ЕС. Площадки для взаимодействия создаются чаще государством: это местные советы, встречи в парламенте и т.д. Существуют также четкие критерии отбора НКО, получающих господдержку («общественная польза» от их деятельности и реализация государственной политики национального и местного уровня). Правда, при этом существует конкуренция между местными властями и НКО за финансирование социальных услуг, которые могут выполнять как первые, так и вторые.

Стратегии воздействия на власть у экоНКО ЕС и РФ различны. Если в ЕС вариантов много – от неформального лоббирования до легального права на участие в принятии решений, – то в РФ это в основном неформальное лоббирование в форме протестных кампаний, пикетов и митингов, поскольку легальные механизмы взаимодействий работают неэффективно. При том, что на Западе мирный социальный протест рассматривается как норма, а в РФ – как чрезвычайная ситуация.

Далее рассмотрим взаимодействие экоНКО с бизнес-структурами. В РФ оно во многом повторяет отношения с властью. Их противостояние объясняется, прежде всего, несовместимостью интересов, а также недоверием и слабой информированностью бизнеса о работе экоНКО. Тем не менее, в последние годы появляются признаки налаживания взаимодействия между экоНКО и бизнесом, выражающиеся в образовательных инициативах экоНКО (например, программа добровольной лесной сертификации, осуществляемая Лесным попечительским советом), а также в деле экомониторинга. Но в основном такие позитивные сдвиги заметны в отношениях с бизнесом, ориентированным на продвижение своего продукта на международный рынок.

В странах ЕС противоборство между экоНКО и бизнесом также существует, но очевидно и наличие партнерских отношений между ними вследствие развития принципов социального партнерства и социальной ответственности на государственном уровне (Каргалова, 2011). Социальными партнерами выступают три стороны: государство, бизнес и представители гражданского общества. Причем при выработке и реализации решений экоНКО, как и бизнес, берут на себя часть ответственности. ЭкоНКО выполняют роль критиков, контролеров (в ЕС развит социальный аудит), экспертов и консультантов, и их влияние на бизнес довольно велико, поскольку последний всегда бережет свою репутацию, как на европейских, так и международных рынках.

В целом, существует несколько факторов, влияющих на отношения между бизнесом и экоНКО. В первую очередь, это уровень информированности о деятельности друг друга, прошлый опыт взаимодействия, а также политика компании, связанная с направлением торговли и степенью социально-экологической ответственности, взятой ею на себя.

Еще одним важным актором, от отношений с которым часто зависит эффективность работы экоНКО, являются СМИ. Потенциально СМИ являются одним из наиболее массовых каналов коммуникации и информационной площадкой для диалога экоНКО с населением и властью, но этот канал практически недоступен для таких организаций в РФ. Центральные СМИ редко доступны для лидеров НКО, поскольку зачастую принадлежат государству и бизнесу, с которыми у экоНКО периодически случаются конфликты, и последним приходится создавать собственные печатные или Интернет-СМИ. В ЕС доступ в СМИ, даже на центральные каналы телевидения является нормой для экоНКО самой разной направленности.

Помимо описанных выше условий внутри страны, существует еще и глобальный фон работы экоНКО, задающий тренды их развития, как-то: (1) всевозрастающие риски (социальные, экологические, техногенные); (2) развитие глобального рынка как условие усиления межстрановой взаимозависимости и развития глобального гражданского общества; (3) перераспределение функций между государством и экоНКО по охране природы, устойчивому природопользованию, формированию экологического сознания и установок у населения, а, следовательно, и повсеместная профессионализация и транснационализация экоНКО; (4) изменение структуры связей между экоНКО в сторону сетевизации; (5) информатизация деятельности за счет использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в частности, Интернета. Последний тренд характеризует инструментальную динамику развития экоНКО в РФ и

ЕС. ИКТ (а) влияют на процесс модернизации общества в целом; (б) влияют на структуру связей экоНКО со своими членами и сторонниками; (в) ускоряют, упрощают коммуникацию и расширяют охват территории и увеличивают число участников коммуникации; (г) дают возможность действовать более скоординированным и согласованным способом, быстрее реагировать на внешние вызовы; (д) снижают зависимость от официальных СМИ; (е) облегчают организацию традиционных форм коллективных действий, таких как митинги, демонстрации, сборы подписей, хотя вряд ли способны заменить их полностью; (ж) особенно широко используются ИКТ при реализации глобальных программ и проектов.

Все перечисленные плюсы от использования ИКТ заметны и в работе экоНКО ЕС и РФ, более того, сами экоактивисты неоднократно повторяют, что сегодня им уже сложно представить свою работу без Интернета. Виртуальные гражданские сети, так или иначе, всегда имеют «выход» в реальность, где в случае мобилизации трансформируются из горизонтальной сети – в иерархическую для достижения быстрого результата. И, наоборот, когда пресс реальности слишком велик, гражданский активизм перемещается в виртуальную сферу (Мардарь, 2008). В условиях отсутствия доступа к СМИ, в успехах российских экоНКО интернет-сети играют гораздо большую роль, чем в ЕС. В целом, можно говорить о тенденции к глобализации сетей экоНКО благодаря использованию новых средств коммуникации.

Растет проблема «экстренных вызовов», связанная с числом и интенсивностью возникающих неожиданно рисков, с которыми сопряжено развитие глобального общества. Ведь эти риски имеют сегодня не только локальные, но и глобальные последствия. Власть, находящаяся на удалении от «горячих точек», не готова быстро на них реагировать с целью устранения и минимизации их последствий и реабилитации местных экосистем и социальных сообществ. Множество примеров иллюстрируют эту тенденцию в последние годы: от изменений климата и загрязнения рек и озер до землетрясений и радиоактивного заражения. Последствия этих катастроф и рисков так же непредсказуемы, как и точки, в которые будет нанесен следующий удар. Эти социобиотехнические риски и опасности требуют участия в их разрешении акторов разного уровня: правительств, экоНКО, научного сообщества, населения и др. Они влекут за собой череду изменений: от природных до политических. Так, например, катастрофа, произошедшая в марте 2011 г. в Японии, начавшаяся с цунами и продолжившаяся аварией на АЭС Фукусима, повлекла за собой изменения в экономической и политической сферах стран Европы и Азии. Эта катастрофа заставила одни страны (Германию, Швейцарию, Италию) пойти на полный отказ от планов по развитию ядерной энергетики и закрытие уже

существующих АЭС. Другие же страны, несколько не испугавшись, не планируют даже сокращение использования ядерной энергии, не говоря о том, что не изменили своих планов по открытию новых АЭС.

В этой ситуации международные и национальные экологические и другие НКО сыграли большую роль, начиная от проведения экспертных оценок последствий катастроф, помощи в реабилитации местного населения до оказания давления на властные структуры. В данном случае мы видим четкое различие между российским контекстом и ситуацией, сложившейся в странах Евросоюза. Например, в Италии в июне 2011 г. прошел всенародный референдум, против которого активно выступало правительство. По итогам референдума, более 90% его участников высказались против развития ядерной энергетики, и правительство вынуждено было учесть мнение населения.

Как было упомянуто ранее, определяющую роль в векторе развития экоНКО, а также эффективности их деятельности играют отношения с правительством (Усачева, 2011). От этого зависят во многом и связи с другими акторами социального действия, и степень политизации деятельности экоНКО. В условиях глобализации власть начинает все больше дистанцироваться, перекладывая зачастую свои функции на «плечи» других акторов. В ЕС такие функции могут выполнять экоНКО, иногда даже соревнующиеся с местными ветвями власти за возможность реализовать социально-экологические проекты, на которые правительство ЕС выделяет финансирование, в то время как российские экоНКО редко допускаются до реализации государственных программ, что вынуждает их разрабатывать собственные программы и реализовывать их без государственной поддержки. Так, например, при отсутствии государственных программ развития экологической культуры и экологического образования экоНКО берут инициативу в свои руки: Международный СоЭС самостоятельно разработал специальную программу экологического образования, которая сегодня внедряется инициативными группами в 15 регионах России.

В ЕС стала возможной политизация экоНКО за счет постепенного расширения структуры политических возможностей: появлялись экологические партии, экоНКО приобретали экспертный статус, стали участвовать в международных переговорах, связанных с решением экологических вопросов и т.д. В то время как в России с конца 1980-х гг. эта структура, резко расширившись, затем вновь начала сужаться. Лоббирование – не является значимой функцией российских экоНКО именно из-за закрытости политической системы, нежелания и непонимания законодательными органами необходимости сотрудничества с представителями общественности – экоНКО, а не из-за отсутствия у

последних необходимых знаний и предложений, которые могли бы быть внесены в законодательные проекты и повлиять на экологическую политику страны в целом.

В России отчужденность власти и усиление потребительского отношения к природе в условиях сырьевой экономики, поворот государственной экологической политики с позиции охраны природы на интенсивную эксплуатацию природных ресурсов заставляют российские экоНКО все больше профессионализироваться, равно как и экоНКО ЕС, но с той разницей, что последние имеют возможность повлиять на выработку решений в сфере охраны природы, а экспертный ресурс российских экоНКО не используется на высшем уровне, поскольку цели и интересы экоНКО не совпадают с целями и интересами властных структур, находящихся в коалиции с крупным бизнесом. Вследствие чего нормой социального действия для российских экоНКО становится конфронтация и довольно редко – частичное участие в принятии и реализации решений, и то на локальном уровне.

Изменения в отношениях с властью – т.е. структура политических возможностей, – чаще всего влияют на структурную динамику развития экоНКО. Закрытость политической системы, враждебность власти или игнорирование ею предложений экоНКО стимулирует последних к сетевизации, уплотнению и учащению связей, образованию коалиций и союзов – т.е. наращиванию социального капитала для отстаивания интересов населения.

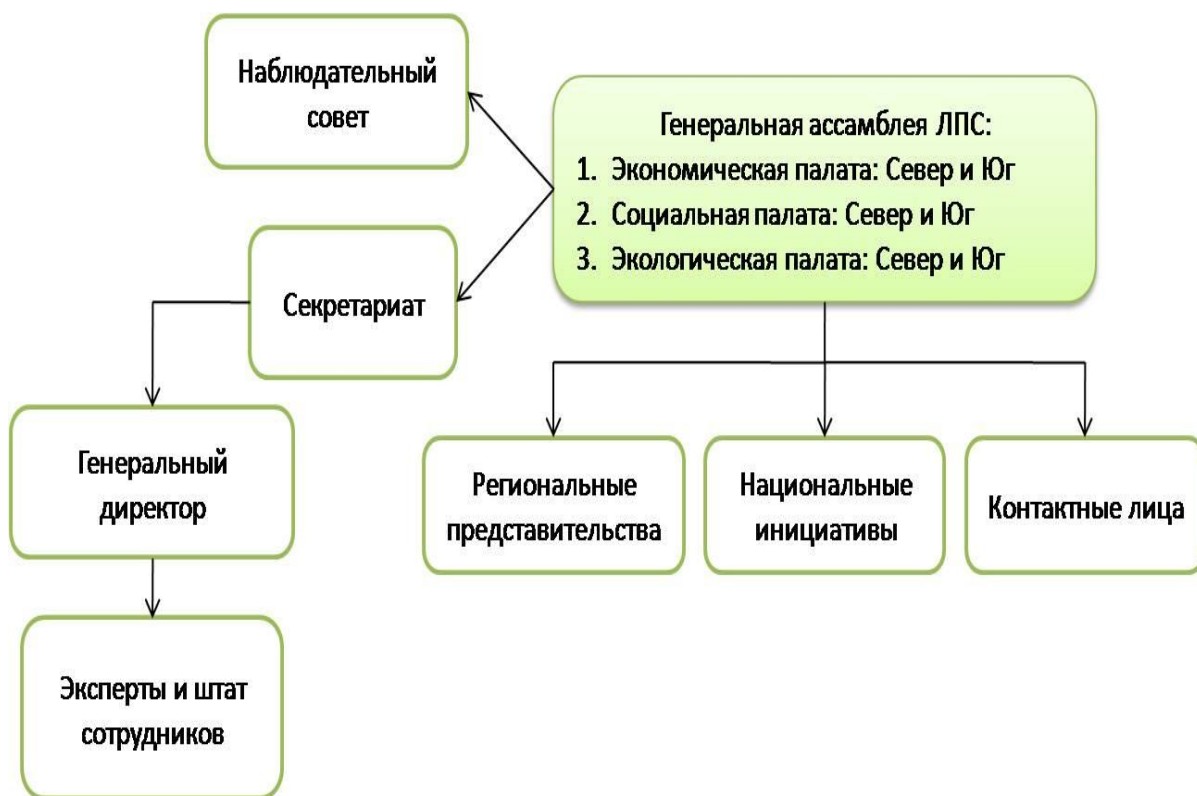

Схема 13. Организационная структура Международного лесного попечительского совета (International Forest Stewardship Council)

6.1. Структурно-функциональная организация эконоНКО «Лесной попечительский совет»

Лесной попечительский совет (ЛПС) — это международная некоммерческая членская организация, объединяющая около 800 влиятельных организаций и индивидуальных членов, в том числе из России.

ЛПС был создан в 1993 г. в канадском г. Торонто по инициативе лесопользователей, торговых, экологических и правозащитных организаций со всего мира как новый институт гражданского общества, оптимизирующий процесс лесопользования в мире для мотивации владельцев лесных угодий и компаний, задействованных в лесной индустрии. Через год после создания, был принят Устав ЛПС, принципы и критерии устойчивого управления лесами, положенные в основу системы добровольной лесной сертификации и применимые ко всем типам леса в мире. ЛПС призван выступать третьей стороной в процессе принятия значимых социально-экологических решений, ограничивая влияние

крупного бизнеса и препятствуя прямому вмешательству правительственных органов в нормотворчество, касающееся лесопользования. Миссией ЛПС является распространение принципов экологически ответственного, социально ориентированного и экономически выгодного лесопользования (Птичников, 2011).

В число основных услуг, предоставляемых ЛПС, входят:

- разработка стандартов и процедур добровольной лесной сертификации, включая национальный (на данный момент разработано 30 национальных стандартов, в т.ч. российский) и региональный стандарт лесопользования;
- аккредитация органов по сертификации для проведения сертификации лесопользования, аккредитация национальных инициатив и стандартов ЛПС;
- управление и контроль за использованием товарного знака — логотипа ЛПС;
- продвижение логотипа ЛПС на наиболее выгодных и перспективных рынках, при государственных закупках и инвестировании.

ЛПС предлагает три типа сертификатов: (1) сертификат на ответственное лесопользование, требующий соблюдать 10 международных принципов и 56 критериев ответственного лесопользования, которые разработаны и одобрены ЛПС и могут быть адаптированы к конкретной стране в виде национальных стандартов; (2) сертификат цепи поставок, предполагающий отслеживание пути сертифицированной лесной продукции от места заготовки до потребителя. Этот тип сертификата выдается участникам лесной промышленности, не занимающихся непосредственно заготовкой леса (предприятия, занимающиеся обработкой и производством мебели, бумаг, книг и т.д.) и (3) смешанный сертификат.

Особенности сертификации по схеме ЛПС:

1) уникальная система взвешенного принятия решений: ни один стандарт или документ не может быть принят без поддержки большинством голосов экологической, социальной и экономической палат ЛПС (подробнее о структуре палат см. ниже). Это гарантирует учет различных мнений, в том числе весьма малых групп.

2) ЛПС-сертификация постоянно видоизменяется с целью адаптации к реальным потребностям и для обеспечения максимальных требований к уровню лесопользования;

3) жесткая система отслеживания качества работы сертификационных органов.

ЛПС имеет пять основных глобальных целей:

- обеспечение лидерства в продвижении ответственного лесопользования в мире;

- предоставление равного доступа к преимуществам систем ЛПС;
- сохранение целостности, надежности и прозрачности системы ЛПС;
- обеспечение продукцией из сертифицированных лесов по системе ЛПС большей коммерческой ценности, чем продукцией из несертифицированных лесов;
- усиление своей глобальной сети для достижения первых четырех целей.

Сам ЛПС как организация не осуществляет лесную сертификацию и благодаря этому имеет возможность сохранить независимый подход при разработке требований и стандартов, а также независимое отношение к сертифицирующимся компаниям.

Сертификация по схеме ЛПС делегируется и осуществляется органами по сертификации (*уполномоченными агентами ЛПС, аудиторами, коммерческими структурами, независимыми организациями*), аккредитованными в системе ЛПС (*в международном центре аккредитации*).

Статус международной организации в области добровольной лесной сертификации подтверждается путем аккредитации в специализированных авторитетных международных организациях по сертификации: ISO (Международная организация по сертификации), WSSN (Международная сеть по сертификации и стандартам — орган Всемирной торговой организации (ВТО), ISEAL (Международный альянс по социальной и экологической аккредитации и экомаркировке). Дочерняя организация ЛПС — Международная компания по услугам в сфере аккредитации (Accreditation Services International, ASI), также является международной организацией по аккредитации.

ASI отвечает за:

- аккредитацию органов сертификации;
- мониторинг деятельности органов сертификации;
- совершенствование управления и мониторинг;
- внешние услуги по аккредитации;
- функционирование системы жалоб.

Пройдя аккредитацию в международном центре аккредитации, уполномоченные агенты ЛПС получают право непосредственно заниматься сертификацией лесопромышленных кампаний, но с соответствующими отчислениями в пользу ЛПС. Но готовить компании к самой сертификации эти агенты не имеют право. Этим, как правило, занимаются, консультанты (*тоже коммерческие структуры*), которых регистрируют национальные офисы. Либо компании готовятся самостоятельно (знакомятся со стандартами, руководствами и приводят свою деятельность в соответствие с

требованиями ЛПС); также компания может выбрать консультанта по своему усмотрению, в том числе не зарегистрированного национальным офисом ЛПС, но в этом случае ЛПС за их действия никакой ответственности не несет.

Далее рассмотрим структурную организацию ЛПС.

ЛПС является международной сетевой организацией со сложной многоступенчатой структурой. Помимо международного центра, существуют также региональные представительства, национальные инициативы, представленные национальными рабочими группами, и контактные лица (см. схему 13). На всех перечисленных уровнях, кроме уровня контактных лиц, структура ЛПС идентична и состоит из трех равноправных палат: экономической, экологической и социальной.

Членами ЛПС могут быть все, кто разделяет цели и задачи, поддерживает устав, активно занимается продвижением, т.е. способствует активной реализации этих целей и задач. Раз в 3 года все члены Международного ЛПС собираются на Генеральную ассамблею, где разрабатывается глобальная стратегия, которая определяет направление деятельности на перспективу и план работы организации. Между генеральными ассамблеями текущей деятельностью ЛПС руководит Секретариат, располагающийся в Бонне (Германия).

Генеральная ассамблея состоит из трех вышеупомянутых палат:

1) экономическая палата: организации и частные лица, имеющие коммерческие интересы в лесном секторе (лесозаготовительные, лесопромышленные и торговые компании, сертификационные структуры, ассоциации потребителей и консалтинговые компании). Запрашивающие членство в этой группе должны продемонстрировать активное стремление к реализации принципов и критериев ЛПС в процессе своей деятельности.

2) социальная палата: организации коренного населения или социальные движения, которые заинтересованы в обеспечении экологической устойчивости через системы сертификации.

3) экологическая палата: некоммерческие неправительственные организации, которые демонстрируют стремление к поддержке экологически приемлемого, социально полезного и экономически эффективного лесного хозяйства.

Научно-исследовательские организации, проектные институты и частные лица также могут быть приняты в члены ЛПС. Их отнесение к определенной палате определяется решениями Наблюдательного совета. Правительственные (государственные) организации не могут быть членами ЛПС.

В России действует Национальная инициатива с Российской национальной рабочей группой в качестве руководящего органа.

Национальная рабочая группа является членской общественной организацией, аналогом Генеральной ассамблеи и также состоит из трех палат, собирается раз 3 года, принимает конкретные решения, касающиеся национального уровня – утверждает национальные стандарты. В промежутках между собраниями действует Координационный Совет, состоящий из девяти человек – представителей трех палат, - принимающий текущие решения, которые исполняет национальный офис (техническая работа, информационное обеспечение, наполнение сайта, организация и проведение встреч, разработка драфтов, документов, решений, писем). Подробная структура ЛПС России представлена на схеме 14.

В функции национальной инициативы входит разработка национальных стандартов ЛПС, разрешение споров в отношении сертификации, мониторинг качества сертификации, работа по формированию рынков ЛПС-продукции в своей стране, информирование и обучение.

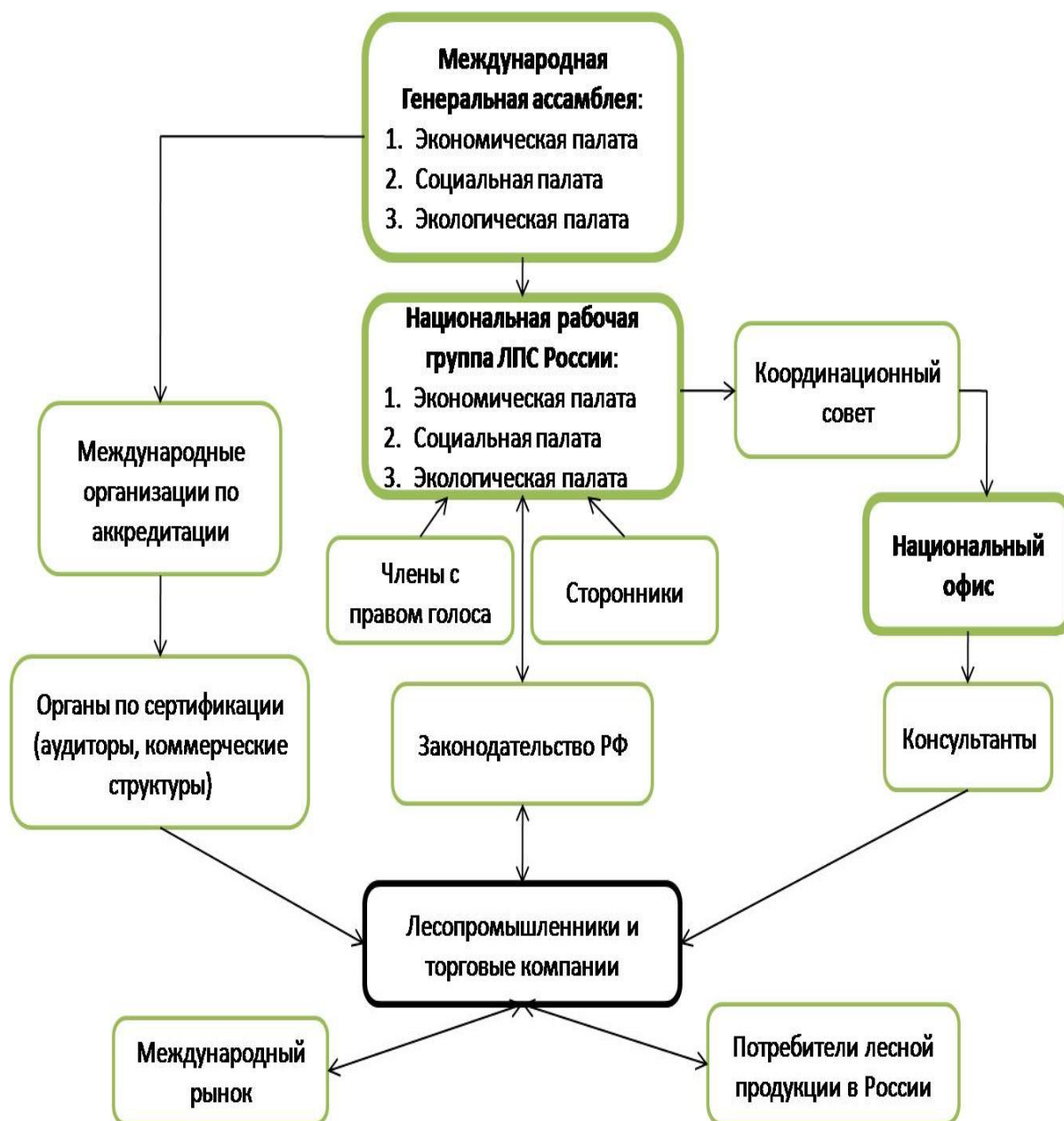

Схема 14. Организационная структура Лесного попечительского совета Россия (2012 г.)

Национальная рабочая группа действует в соответствии с Уставом, в котором прописаны цели и предмет ее деятельности (см. Устав..., 2011 г.).

Предмет деятельности:

1. разработка российских национальных стандартов добровольной лесной сертификации (далее ДЛС) и последующая аккредитация этих

стандартов в уполномоченных государственных органах РФ и в международных организациях в области ДЛС;

2. рассмотрение спорных вопросов и жалоб, связанных с процессом ДЛС в рамках компетенции Партнерства;

3. установление партнерских отношений с международными и российскими организациями в области ДЛС и аккредитации, аккредитованными ими сертификационными органами, с целью повышения качественного уровня лесной сертификации в РФ и гармонизации национальных стандартов добровольной лесной сертификации с международными и национальными стандартами стран в области ДЛС;

4. наблюдение за правильностью использования в РФ товарных знаков партнерских систем ДЛС, а также взаимодействие с уполномоченными органами партнерских систем ДЛС с целью обеспечения соблюдения правил использования указанных товарных знаков;

5. содействие регистрации и последующей передачи пользователям прав на использование товарных знаков партнерских систем ДЛС посредством заключения с ними соответствующих лицензионных соглашений;

6. вступление в деловые отношения с организациями, заинтересованными в развитии ДЛС в РФ, поиск средств для поддержки достижения целей Партнерства и его развития;

7. представление, по отдельному соглашению, интересов партнерских международных организаций в области ДЛС на территории РФ;

8. информационная и методическая поддержка процесса ДЛС в РФ, включая работу с органами государственного управления, лесопромышленниками, неправительственными организациями и гражданами;

9. инициирование и продвижение процесса ДЛС в регионах РФ;

10. взаимодействие со средствами массовой информации по вопросам ДЛС и смежным вопросам;

11. консультирование и обучение организаций, заинтересованных в проведении добровольной лесной сертификации по различным вопросам ДЛС;

12. регистрация консультантов в области ДЛС в РФ и поддержание реестра таких консультантов;

13. взаимодействие с представителями заинтересованных граждан и организаций в сфере ответственного управления лесами, проведение их информирования и обучения с целью их большего вовлечения в процессы ДЛС, повышения доверия общества к сертификации;

14. наблюдение за ведением лесопользования на сертифицированных участках леса;

15. осуществление исследовательских работ в области экологически ответственного, социально выгодного и экономически жизнеспособного лесного хозяйства и лесопользования;

16. обмен опытом в области лесной сертификации между российскими и зарубежными организациями;

17. другие виды деятельности, способствующие развитию добровольной лесной сертификации и не противоречащие законодательству РФ.

Цели деятельности, в свою очередь, включают содействие членам рабочей группы в разработке стандартов добровольной лесной сертификации, поддержание и продвижение в Российской Федерации экологически ответственного, социально выгодного и экономически жизнеспособного лесного хозяйства и лесопользования, а также создание для граждан, организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления возможностей по использованию лесобумажной продукции, производимой из ответственно управляемых сертифицированных лесов.

Для достижения уставных целей национальная рабочая группа вправе:

1. свободно распространять информацию о своей деятельности;

2. выступать с инициативами по различным вопросам лесной сертификации, вносить предложения в органы государственной власти и органы местного самоуправления;

3. участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренном законодательством РФ;

4. проводить собрания, конференции, встречи, работать со средствами массовой информации и участвовать в иных формах деятельности, предусмотренных Конституцией РФ;

5. учреждать средства массовой информации, веб-сайты и осуществлять издательскую деятельность;

6. представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и сторонников, а также заинтересованных сторон в процессе лесной сертификации в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях;

7. поддерживать прямые международные контакты и связи, подписывать соглашения с международными организациями в области ДЛС и другими организациями, получать поддержку для своих достижения целей и развития;

8. осуществлять иные полномочия в соответствии с законодательством РФ о некоммерческих организациях.

Ранее было отмечено, что ЛПС является членской организацией и ее члены делятся на две категории или группы: члены с правом голоса и сторонники. Причастность к обеим группам предполагает обладание определенными правами и обязанностями.

Итак, члены с правом голоса могут участвовать в голосовании и влиять на принятие решений на всех официальных мероприятиях ЛПС, включая заседания Национальной инициативы, региональных ассамблей и Генеральной ассамблеи; могут быть избраны в состав Совета директоров Национальной инициативы или в Международное правление ЛПС. Членами могут быть как коллективные акторы – организации, так и частные лица. Причем, каждый член ЛПС является членом одной из трех палат ЛПС (*см. далее*) на национальном или международном уровне.

Члены с правом голоса имеют следующие права:

- участвовать в Общих собраниях (Конференциях), направлять деятельность организации;
- избираться в Правление организации, участвовать в деятельности Комитетов и комиссий, других выборных органов;
- стать международным членом ЛПС на льготных условиях;
- входить в состав рабочей группы по стандартам, принимать участие и влиять на разработку национальных стандартов и документов в области лесной сертификации;
- получать ежемесячную информационную рассылку;
- получать индивидуальные консультации и поддержку;
- получать бесплатно годовой отчет о деятельности организации (в бумажном и электронном виде), бесплатно или со скидкой печатную продукцию Совета, пользоваться скидкой при размещении рекламы на печатной продукции Совета (каталогах и пр.);
- первыми получать переводы стандартов и политик ЛПС;
- получать скидку для участия в ЛПС маркетинговых компаниях в качестве партнера или участника;
- получать скидку при размещении рекламы в глобальной базе продукции ЛПС (до 10%);
- пользоваться правом приоритетного участия в организуемых Советом круглых столах, семинарах и ознакомительных поездках;
- получать скидки на участие в обучающих программах Совета (до 25%);

В число их обязанностей входят:

- исполнять положения Устава, внутренних нормативных документов, решений Общего собрания членов, Координационного совета и Исполнительного директора касающиеся Членов;
- своевременно уплачивать членские взносы;

- демонстрировать активную приверженность целям Партнерства, принципам и критериям ответственного управления лесами;
- не осуществлять деятельность, приводящую к конфликту интересов для Совета;
- своевременно информировать Координационный совет обо всех изменениях своих данных (наименование, адрес местонахождения, данные о представителе и др.);
- оказывать содействие всем заинтересованным сторонам в предоставлении информации в соответствии с целями и предметом деятельности ЛПС России;

Вторая группа – это сторонники, которые могут участвовать в деятельности ЛПС, но без права голоса.

Их права значительно уже, чем у членов с правом голоса. Они в праве получать:

- годовой отчет о деятельности организации (в электронном виде);
- индивидуальные консультации и поддержку (только категория «Премиум»);
- некоторые виды изданий Совета;
- приглашения к участию в организуемых Советом круглых столах, семинарах и ознакомительных поездках;
- ежемесячную информационную рассылку.

Их обязанности:

- исполнять положения учредительных, внутренних нормативных документов, решений Общего собрания членов Координационного совета и Исполнительного директора, касающиеся сторонников;
- своевременно уплачивать взносы;
- демонстрировать приверженность миссии и целям ЛПС;
- не осуществлять деятельность, заведомо приводящую к конфликту интересов для Совета;
- информировать Координационный совет обо всех изменениях своих данных (наименование, адрес местонахождения, данные о представителе и др.).

Схема 15. Структура сетей Гринпис-Россия

6.2. Структурно-функциональная организация экоНКО Гринпис

ЭкоНКО Гринпис имеет давнюю и динамичную историю, начавшуюся с радикальных кампаний против ядерных испытаний и браконьерства в 1970-х гг. Сегодня это глобальная некоммерческая неправительственная природоохранная организация, состоящая из Международного отделения (Greenpeace International), созданного в 1979 г. с офисом в Амстердаме (Нидерланды), в котором работают 150 сотрудников, и национальных и региональных отделений более чем в 40 странах мира, в которых работают около 1500 сотрудников. Каждый офис независим в проведении глобальных стратегических кампаний с учетом локальных контекстов, в которых они работают, и поиске финансирования

своей работы. Управление отделений осуществляется национальным Правлением во главе с исполнительным директором, а общая политика и стратегия международных проектов определяется на Ежегодном Общем Собрании. В частности, на Собрании происходит разработка долгосрочной стратегии организации, внесение необходимых изменений в структуру управления, установление рамок бюджета Гринпис Интернейшнл и избрание Международного Правления из четырех членов и председателя.

Международное правление утверждает годовой бюджет Гринпис Интернейшнл и ее бухгалтерскую отчетность. Оно также назначает и контролирует Международного исполнительного директора, который вместе со старшими руководителями, а также консультируясь с сотрудниками национальных офисов, руководит организацией.

Основные принципы работы Гринпис: (1) акции прямого действия, т.е. приносящие непосредственный результат («Мы верим в то, что наши акции смогут вдохновить людей и организации и изменить их отношение к природе»); (2) *ненасильственность* («Гринпис не приемлет никаких форм насилия в качестве метода достижения целей. Все наши акции — выражение *мирного протеста*. Мы никогда не отвечаем на агрессию тем же, даже когда сталкиваемся с запугиванием или угрозой»); и (3) независимость («Гринпис существует только на пожертвования граждан и частных благотворительных фондов, не принимает денег от государственных, коммерческих структур и политических партий. Мы ответственны за эффективное использование выделяемых нам средств и тратим их только на природоохранные проекты»). Последнее правило с одной стороны, освобождает Гринпис в некоторой степени от давления со стороны власти и бизнеса, но способствует сильной зависимости от финансовой поддержки менее богатых отделений Гринпис — более богатыми и пожертвований сторонников.

Средства Гринпис для достижения цели охраны природы — это исследования, лоббирование, дипломатия, а также ненасильственный конфликт и стимулирование общественных дискуссий по вопросам экологии (Скарс, 2002; История Гринпис, 2009). Основным ресурс Гринпис — это волонтеры и сторонники, проводящие мирные акции, делающие пожертвования и соблюдающие принципы и рекомендации Гринпис.

Всего сегодня у Гринпис функционирует семь глобальных программ, связанных с: (1) изменением климата; (2) защитой лесов и (3) океанов; (4) развитием устойчивого сельского хозяйства без применения ГМО; (5) предотвращением токсического загрязнения; (6) минимизацией использования ядерной энергетики; и (7) содействием миру и разоружению. Однако, в зависимости от специфики региона или страны, как в случае с РФ, сотрудниками организации разрабатываются дополнительные

направления работы (новые программы и проекты). Таким образом, Гринпис выступает не только в защиту природы, но и за социальное благополучие населения.

Национальное отделение Гринпис Россия было открыто в 1992 г. На данный момент в стране существует два официальных офиса – в Москве и Санкт-Петербурге, – и работает около 70 сотрудников. В конце 1990-х гг. половина сотрудников Гринпис были выпускниками географического факультета МГУ, многие уже имели опыт работы в области охраны природы. Сегодня ситуация похожая: сотрудники Гринпис являются выпускниками географического, биологического факультетов МГУ и специалистами в области охраны природы и природопользования, получившими образование в других вузах, как правило, имеющие опыт работы в природоохранных организациях.

По информации на апрель 2012 г. Гринпис России поддерживает контакты с 170 тысячами человек, многие из которых участвуют в онлайн-акциях. Около 5500 человек перечисляют пожертвования на работу Гринпис и более 300 добровольцев помогают организации в разных проектах, участвуют в акциях и экспедициях. Форма организации и связей со сторонниками и добровольцами имеет сетевой характер и предполагает как оффлайн, так и онлайн активизм (см. сайт Гринпис России).

Как и все офисы Гринпис, Российский Гринпис не принимает деньги от компаний, правительств и политических партий. Бюджет Гринпис России формируется из добровольных пожертвований российских сторонников, а также сторонников из Финляндии, Дании, Голландии, Германии и других стран. Остальная часть бюджета — пожертвование Международного фонда Гринпис (Greenpeace International), который складывается из взносов национальных офисов Гринпис других стран.

Гринпис России сотрудничает со многими региональными природоохранными организациями, вступая в коалиции и альянсы для решения экологических проблем и формирования практики устойчивого природопользования, в частности лесопользования. Как и в других отделениях, сотрудники российского Гринпис своей задачей считают не только привлечение внимания к существующим проблемам, но и анализ их возникновения и способы разрешения.

6.3. Структура лесной программы Гринпис Россия

В рамках проекта «Сохранение лесов» Гринпис России ведет работу, как минимум, по пяти направлениям: (1) способствует сохранению ценных и малонарушенных природных объектов; (2) совместно со школьниками восстанавливает леса в рамках движения «Возродим наш лес»; (3) занимается программой предотвращения и экстренного реагирования на

пожары на природных территориях (разрабатывает рекомендации, правила поведения для населения, проводит специализированные курсы по тушению пожаров и противопожарные экспедиции и т.д.); (4) информирует население о правилах бережного отношения к лесам в рамках проекта «Помоги лесам»; (5) занимается разработкой и внесением поправок в лесное законодательство.

Научная составляющая работы Гринпис довольно велика. Гринпис много занимается прикладными исследованиями, особенно вследствие того, что многие данные о состоянии окружающей среды оказываются недоступными или неточными. Зачастую в России мнения экологов-общественников и научного сообщества расходятся, возникает конкуренция между ними, особенно если вопросы касаются экополитики. Постоянная коммуникация между профессионалами, занятыми в лесном секторе, происходит на сайте «Лесной форум Гринпис России».

Гринпис выступает в качестве посредника между теоретиками и практиками устойчивого природопользования. В РФ эта функция для Гринпис становится определяющей в тех условиях, когда приходится работать чиновниками, ориентирующимися только на решение сиюминутных технических задач. Важно также отметить, что в отличие от экотеоретиков, лидеры Гринпис при выработке решений по отношению к лесопользованию стараются учитывать мнение местного населения. По словам руководителя Лесной программы Гринпис Алексея Ярошенко, фактически основным источником информации и средством коммуникации с населением оказывается Интернет: *«поскольку без средств массовой информации мы никак не можем общаться с обществом, то Интернет для нас становится важнейшим окном в мир»*.

Структуру связей экологических организаций во много определяет специфика отношений, складывающихся с государственными службами. Именно в рамках Лесной программы у Гринпис идет постоянное и конструктивное взаимодействие с региональными и местными властями. Показательна работа по проекту «Возродим наш лес», в рамках которого Гринпис организует и учит школьников лесостепных областей (Рязанской, Тульской, Орловской, Липецкой, Белгородской, Калужской) восстанавливать и сажать леса, организовывать собственные школьные питомники. С федеральными властями эффективность взаимодействия оказывается намного ниже, хотя и на местном уровне существует ряд ограничений для взаимодействия: если *«надо чем-то серьёзно поступиться, допустим, изъять территорию под охрану из потенциальной аренды, т.е. пойти на какой-то конфликт с другими заинтересованными сторонами, это делается плохо, медленно»* [Из интервью с А. Ярошенко].

Рассмотрим подробнее схему связей Гринпис в рамках проекта «Возродим наш лес» (источник: Чалая и др., 2009: 28-30).

В 2002 г. Гринпис России начал проект «Возродим наш лес», целью которого было воспитание школьников путем вовлечения их в работу по восстановлению лесов. К 2004 г., по инициативе Гринпис и других российских экоНКО проект вырос во Всероссийское движение, поскольку идея восстановления лесов и привлечения к этой работе школьников оказалась актуальной для многих регионов. Сегодня в Движении участвует более 600 школ из 66 регионов России; лидирует Рязанская область, в которой уже к концу 2009 г. участвовало 112 школ. Подобные проекты практиковались и в Советское время, тогда они назывались системой школьных лесничеств. Сегодня школьные лесничества также действуют, но только на базе школы и близлежащего лесхоза. Принципиальное отличие Движения «Возродим наш лес» в том, что сеть школ, участвующая в нем, занимается посадками леса на тех территориях, которыми органы лесного хозяйства в большинстве случаев заниматься не могут.

Структура работы по проекту «Возродим наш лес» в Рязанской области на конец 2009 г. представлена на схеме 16, подготовленной сотрудниками Гринпис Россия.

Гринпис России, Министерство образования Рязанской области и Министерство природопользования и экологии Рязанской области, тесно взаимодействуя друг с другом, осуществляют общую координацию проекта в области, а также проводят областные мероприятия («Недели рязанского леса», экологические образовательные экспедиции, выставки детского рисунка и плаката и пр.). Министерство образования помогает Гринпис установить контакты и эффективно взаимодействовать с районными управлениями образования.

Гринпис России проводит обучение новых участников проекта – сотрудников школ и учащихся. Школа, решившая участвовать в проекте, получает помощь в создании и поддержании пришкольного лесного питомника, ее учителя обучаются технологии высаживания деревьев на постоянное место.

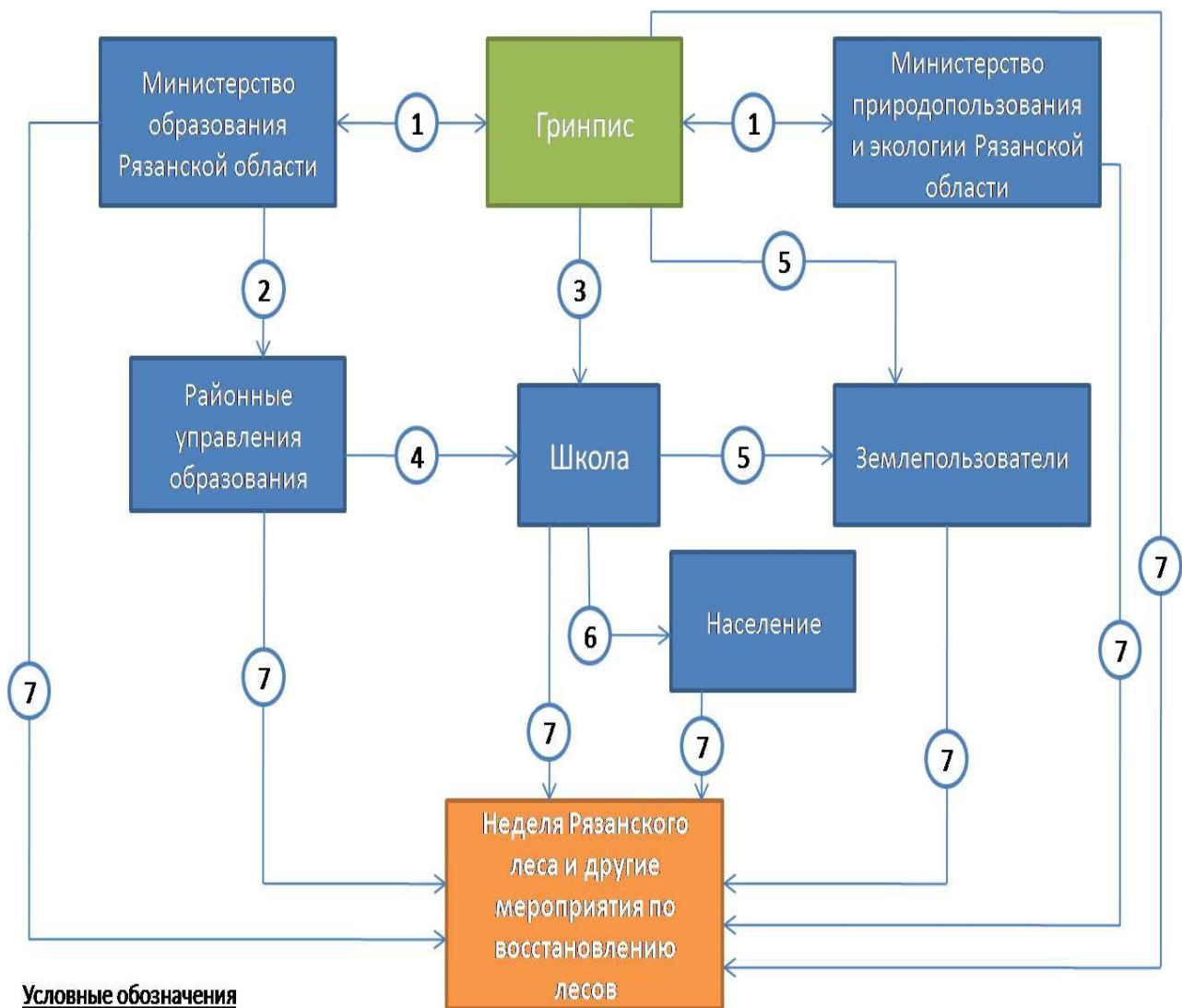

Схема 16. Организация работ Гринпис-Россия по проекту «Возродим наш лес» в Рязанской области (2009 г.)

Источник: Чалая и др., 2009, с. 28

В дальнейшем школе предлагаются два варианта: (1) школа разрабатывает проект по восстановлению лесов в окрестностях своего населенного пункта; (2) если же школа не может создать свой проект и/или

питомник самостоятельно, она проводит мероприятия по восстановлению лесов, не создавая специального проекта, или вовлекается в осуществление проектов соседних школ, участвует в общеобластных и районных акциях и т.д. При этом районные органы управления образованием помогают школам, участвующим в проекте «Возродим наш лес», в организации мероприятий по восстановлению лесов (в том числе предоставляя школьные автобусы для доставки детей, если это необходимо).

При разработке своих проектов школы обращаются к землепользователям, чтобы определить участки для создания лесных насаждений, либо согласуют с ними уже выбранные самостоятельно территории. По возможности, школы договариваются с землепользователями о содействии при проведении мероприятий по восстановлению лесов, а также берет с землепользователя обещание (на данный момент практикуется только устная договоренность) защищать насаждения в дальнейшем. Также школы взаимодействуют с местным населением, ведут информационную и агитационную работу, приглашают принять участие в мероприятиях по посадке деревьев.

Для поддержки школ, участвующих в проекте «Возродим наш лес», а также популяризации идеи восстановления лесов Гринпис России, Министерство образования Рязанской области, Министерство природопользования и экологии Рязанской области и Рязанская региональная детская общественная организация «Лист» ежегодно проводят в последнюю неделю сентября областную экологическую акцию «Неделя рязанского леса». В рамках акции все (или большинство) школ, выполняющих собственные проекты, проводят однодневные лагеря по посадке деревьев, используя собственный посадочный материал. Итоги акции подводятся на финальном мероприятии — «Лесном фестивале». Мероприятия проводятся по согласованию и при содействии землепользователей, а также при участии местных жителей.

Данная схема работы предполагает значительную степень самостоятельности школ, что, по мнению сотрудников Гринпис, позволяет охватить большое количество участников и развивает у школьников ответственность за результаты своей работы, увеличивает эффективность экологического образования, а также способствует налаживанию эффективной коммуникации между разными сторонами процесса восстановления лесов.

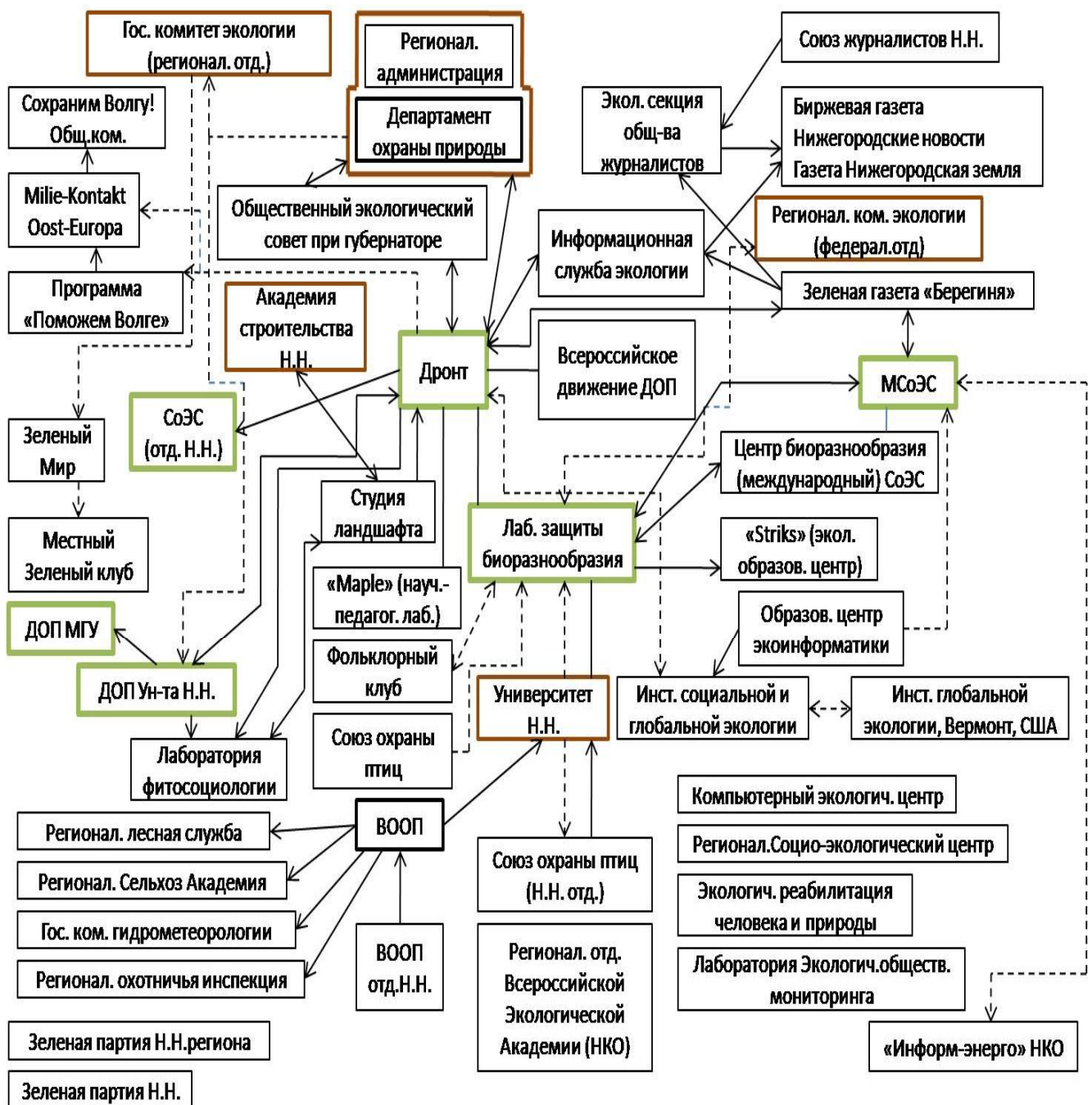

Схема 17. Сети экоНКО и других гражданских про-экологических организаций в Нижегородской области (1995 г.)

Источник: Третий сектор – Нижний Новгород. Нижний Новгород. 1996.

Схема 18. Структура экоНКО «Дронт» (2012 г.)

Источник: сайт экологического центра «Дронт» <http://www.dront.ru/>

Глава 5. Локальное знание как социальный капитал

1. К определению понятия

В западной литературе по социологии и социальной антропологии локальное знание трактуется как знание непрофессионалов, местных людей или «людей с улицы» (laypersons), которые имеют право быть услышанными, то есть это знание должно быть учтено при принятии решений, затрагивающих интересы и безопасность местного сообщества (Beck, 1992; Irwin, 2001). Были предложены понятия «обычного знания» и, соответственно, «эксперта-гражданина» (Fisher, 2003). В научной литературе даже появилось новое понятие: общественно-научные исследования (Shick, 1991; Abelson, 1996; Рич и Уивер, 2003; Стрежнева, 2003). Для определения степени приближения процесса трансляции локального знания «наверх» к идеалу демократического участия были разработаны соответствующие шкалы (Burstein et al., 1995; Яницкий, 2002). Иными словами, локальное знание интерпретировалось как уже данное, устоявшееся и в этом смысле? стоящее ближе к традиции или «укладу», нежели к научному знанию как таковому.

Противоположная точка зрения заключается в том, что в условиях глобализации локального знания, строго говоря, не существует – оно всегда ненадежно, подвижно. Более того, малая предсказуемость самих глобальных социально-экономических процессов превращает это знание в ситуативное, то есть всякий раз задаваемое «пересечением» глобальных потоков информации в некотором «месте» – завтра ситуация может кардинальным образом измениться (Бауман, 2004; Hannigan, 1995; Waters, 1995). Промежуточная точка зрения состоит в том, что локальное знание все же существует. Оно вырабатывается в результате диалога государства и представителей различных сегментов гражданского общества, имеет сложную «процессуальную» структуру и должно использоваться в местном планировании, поскольку оно увеличивает научную базу принятия решений, демократизирует их процедуры, экономически дешевле, а также

способствует смягчению несправедливого распределения средовых рисков в местном сообществе (Nygren, 1999; Corburn, 2003).

Что касается России, то значительная часть ее населения, особенно на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока, несмотря на десятилетия реформ и начавшееся вовлечение этих регионов в процесс глокализации, то есть резкого увеличения зависимости положения на местах от ситуации на мировых рынках и транснациональных экономических процессов, остается сегодня в значительной мере привязанным к «месту» – экономически и культурно (Яницкий, 2005, 2006). Поэтому методологически исходный пункт при анализе проблемы локального знания в нашем «переходном обществе»: не «или–или», а, скорее, «и–и». Иначе говоря, локальное знание не только либо устоявшийся результат ментальной кристаллизации многолетней повседневной практики местного населения, – либо только «ситуативное», то есть не поддающееся рациональному исчислению. Скорее оно, хотя и сохраняется, воспроизводится, но постепенно начинает изменяться под воздействием многих сил, как локальных, так и иных.

Поэтому повторю еще раз, что локальное знание представляет собой перманентный процесс формирования и переформирования смыслов в конкретном контексте (ситуации). А местное население трактуется как социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о «месте» и для «места», в формировании культуры «места», в том числе как партнер исследователей в процессе научного производства. Это означает, что местное население является носителем знания и ноу-хау, существенными для разработки научных доктрин и практических рекомендаций. Методологически данное утверждение соответствует уже упоминавшемуся принципу социологии социального знания: «следуй за актором» (Irwin and Wynne, 1996; Irwin 2001).

Поэтому страхи и озабоченность местного населения ошибочно трактовать как «эмоции», «ложное восприятие» или как феномен толпы, «митинговщины». Они представляют собой важный источник познания социального мира, в котором мы живем. В частности, изучение этих страхов и озабоченности существенно само по себе, так как позволяет понять местные конструкции смыслов повседневной жизни. Локальное знание – растущий по важности ресурс для сетей охраны природы, его подъема через развитие локальных центров деловой и социальной активности, сохранения и укрепления местной идентичности, гармонизации интересов центра и периферии. «Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к

жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению» (Вернадский, 1995: 248).

В более узком плане локальное знание сегодня – это социальный капитал, используемый местным населением в его борьбе против утилитаристской (технократической) формы современной модернизации. Когда принцип «коллективной безответственности» (У. Бек) господствует, местное население вынуждено само быть адвокатом в деле сохранения среды жизнеобеспечения и ее безопасности. Но чтобы его голос был услышан, оно вынуждено либо объединяться в гражданские инициативы или социальные движения, либо вступать во взаимодействие с уже действующими научными и общественными организациями.

2. О методологии анализа

Местное население есть часть более широкой категории, именуемой публикой, что обычно является синонимом непрофессионализма и/или недостаточной его информированности. Однако такое понимание носителей локального знания отражает сциентистский (по сути, технократический) взгляд на роль науки в обществе, в котором генераторами знания выступают только научные институты, остальные – лишь его реципиенты. В действительности всякое научное знание воспринимается и трансформируется по-разному в различных слоях общества. Кроме того, культура местного населения всегда «участвует» в определении степени важности его экологических проблем и способах их разрешения. Экологические и иные ценности и взгляды встроены в ядро культурных верований и ценностей всякой культуры. Изучая, каким образом эти ключевые ценности структурированы, мы можем приблизиться к пониманию характера локального знания и способов его реализации.

Если естественнонаучное знание тяготеет к фактам и обобщениям, то есть к «объективности», то локальное знание придает первостепенное значение местным условиям и интересам, личностным взглядам и индивидуальному опыту, то есть тяготеет к субъективности. Такие локально возникающие экспертизы отражают более широкие, нежели научное знание, характеристики местного контекста, в котором они формируются и существуют (Irwin, 2001: 107). Далее, если естественнонаучный анализ расчленяет и ранжирует, то локальное знание – интегрирует, соединяя воедино научные факты и их восприятие местным населением. Именно на основании подобных синкретических оценок местные жители или их сообщества принимают решения. Носители локального знания дают *гибридные суждения*, которые идут «поперек» научных, политических и иных фактов. Даже в том случае, когда очевидно, что жители оперируют

научными фактами, важно, каким образом это знание ими аккумулируется и используется.

То, что научная модель мира отличается от ненаучной, не означает, что одна из них лучше. Культурные модели и соответствующие им сети охраны природы могут быть функционально эффективнее в специфическом контексте. Непрофессионалы активно конструируют (культурные) модели из обрывков популярного знания, местной мудрости, мнений членов семьи или друзей. Тест такой модели, в конечном счете, всегда практический – работает ли она для объяснения событий или угроз для повседневной жизни данного сообщества (Kempton et al., 1995: 15). Так или иначе, локальное знание – не слепок с умозаключений ученых, у него есть собственный производитель, который имеет право быть услышанным. Другими словами, у этого знания есть самостоятельный гносеологический и социокультурный статус.

С нормативно-практической точки зрения, локальное знание – это знание о способах поддержания некоторым социальным субъектом (семьей, группой, территориальным сообществом) устойчивого *равновесия* со средой своего непосредственного обитания, включающее как знание о налагаемых на нее извне ограничениях, так и знание о ее ресурсах (возможностях) для поддержания повседневной жизнедеятельности в некотором нормальном (не-мобилизационном) режиме. Это я называю нормальным локальным знанием-практикой, которое поддерживается местной сетью.

Но одновременно существует тревожное локальное знание, то есть знание (ощущение) об угрозах, опасностях нарушения этого равновесия, исходящих от внешней среды, природной и социальной. В этом случае смысл локального знания состоит в требовании оставить местное население и его среду обитания в покое и/или в выработке путей и способов для самоорганизации этого населения с целью защиты и/или восстановления поврежденной природы. Здесь очевидно сходство с принципом заповедания, выдвинутого российской экологической наукой еще в начале прошлого века (Реймерс и Штильмарк, 1978), только если во втором случае речь идет о естественнонаучных и эстетических целях, то в первом еще и о социальных, гуманитарных. Восприятие рисков, их ранжирование и интерпретация местными жителями суть важные элементы их экологической культуры.

Локальное знание жителя столицы и глубинки, сельского и городского, лесных и береговых экосистем качественно различается. Но у них есть общее: «кокон основополагающего доверия» (Э. Гидденс), то есть знание о совокупности жизненно необходимых условий, которые возобновляются «автоматически», без излишней затраты сил. Эти условия относительно стабильны, неизменны по отношению к жизнедеятельности

субъекта, поэтому житель рассматривает их как свой социальный капитал. В сельской среде – это встроенность в природу, в городской – в городскую инфраструктуру, в лесных – неистощительное лесопользование и т.п.

3. Носители локального знания

Это в первую очередь те, кто «живет местом», которое есть одновременно ареал активности местного сообщества и совокупность доступных ему ресурсов жизнеобеспечения. Носители этого знания также те, кто практикует традиционные формы уклада, воспроизводя элементы труда и быта прошлых поколений. Наконец, носители – это те, кто связан с «местом» моральными узами, будь то семейные связи, чувство «малой родины» или «любовь к отеческим гробам».

На языке социальной экологии, термин «жизнь местом» в данном случае близок по смыслу к введенному мною понятию первичной социально-экологической структуры, то есть формы организации «индивидуального жизненного пространства», позволяющей социальному актору воспроизводить социальный капитал и необходимые ресурсы для жизни и достигать этой цели, не выходя за рамки (устоявшейся) нормы жизненного процесса (Яницкий, 2000: 257–268). Наконец, носителями локального знания являются также социально ответственные и активные местные жители. Как заметил один активист, «энтузиасты на местах не переводятся. Это порода из разряда “несмотря ни на что” людей. Что бы ни происходило, они все равно свое дело делают. И таких людей множество...».

Однако «носители» и «местные» не синонимичные понятия. Сегодня локальное знание имеет все большее число внелокальных носителей. Я называю их «озабоченными профессионалами» или учеными-адвокатами. Это – ученые экологи, эколо-активисты и просто образованные люди, которые, разделяя взгляды и ценности местного населения, стремятся это знание выявить, интерпретировать и, включив в сети, мобилизовать для разработки практических рекомендаций по улучшению жизни местного населения.

Таким образом, эти «озабоченные профессионалы» выступают посредниками, коммуникаторами между академическим сообществом, бизнесом, политиками и местным населением. Ниже я подробно рассмотрю, как эту роль выполняют экоНПО, здесь же только замечу, что поскольку многие их члены, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, родились и выросли в семьях людей, «живущих местом», то есть в постоянном общении с природой, у них очень сильно развито чувство гармонии с природой, и они с детства мотивированы на ее защиту.

Процесс сближения точек зрения «озабоченных профессионалов» и местного населения в отношении ценности локального знания имеет в

последние годы обоюдный характер. С одной стороны, изменилось мировоззрение экоактивистов. Если сначала они защищали природу «от людей», потом – для людей, но, точно не зная, для кого именно, то сегодня принцип их действия: «защитим природу для людей и вместе с ними». С другой стороны, изменилось отношение местного населения к среде своего непосредственного обитания. Раньше оно выступало в качестве стороннего наблюдателя, как правило, только «сигнализируя» общественным экологическим организациям о нарушениях природоохранного законодательства на тех территориях, которые они испокон веку считали «своими». Теперь, когда местное население поняло, что «рассчитывать на помощь сверху бессмысленно», когда стало «восстанавливаться чувство ответственности за свою, конкретную территорию», местное население мало-помалу становится активным участником охраны среды своего непосредственного обитания. Это вписывается в общую тенденцию трудного перехода от охраны природы «сверху» к охране «снизу» (Шварц, 2004: 19, 21).

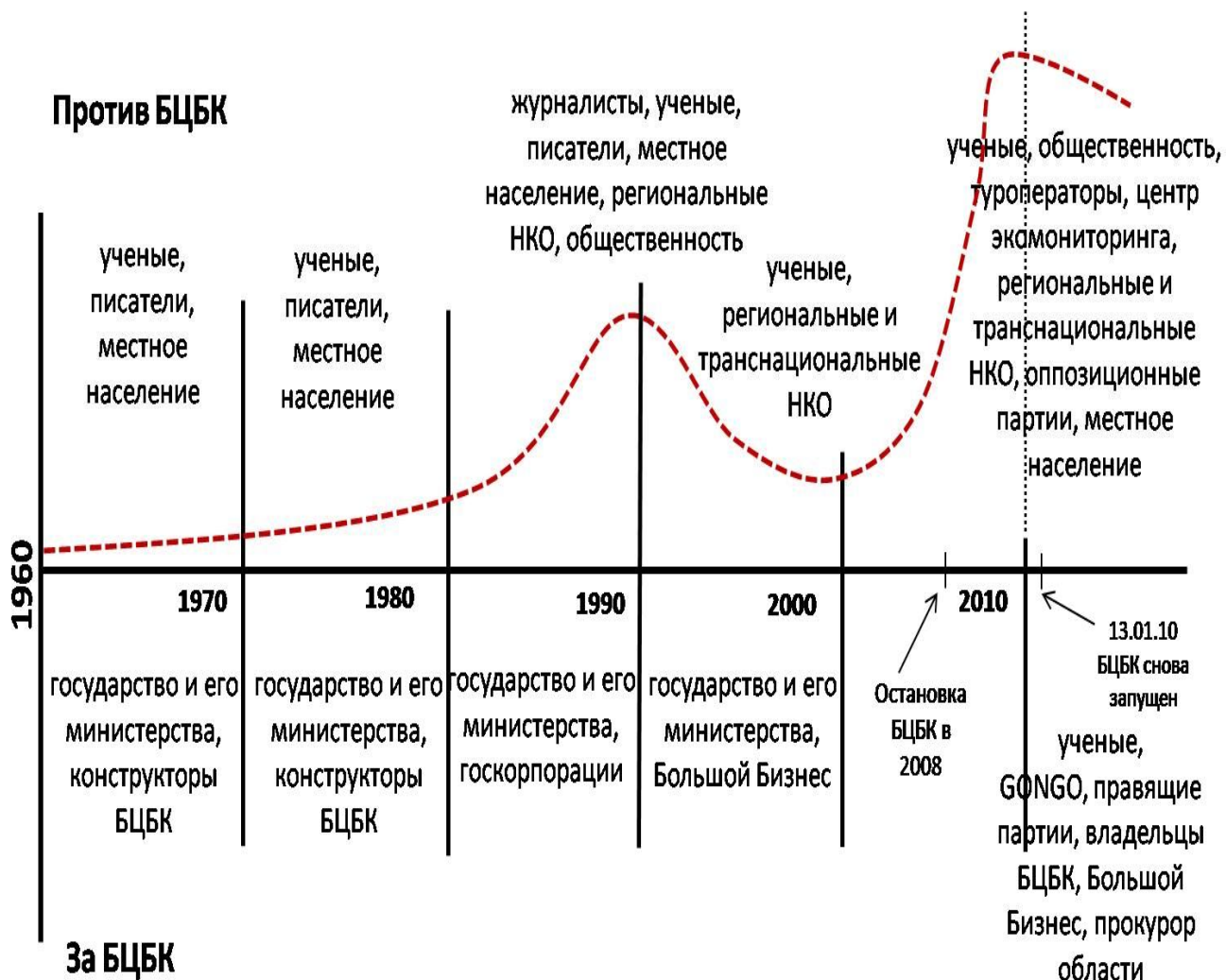

Схема 19. Сторонники и противники работы БЦБК на протяжении 1960-2010 гг.

4. Структура локального знания

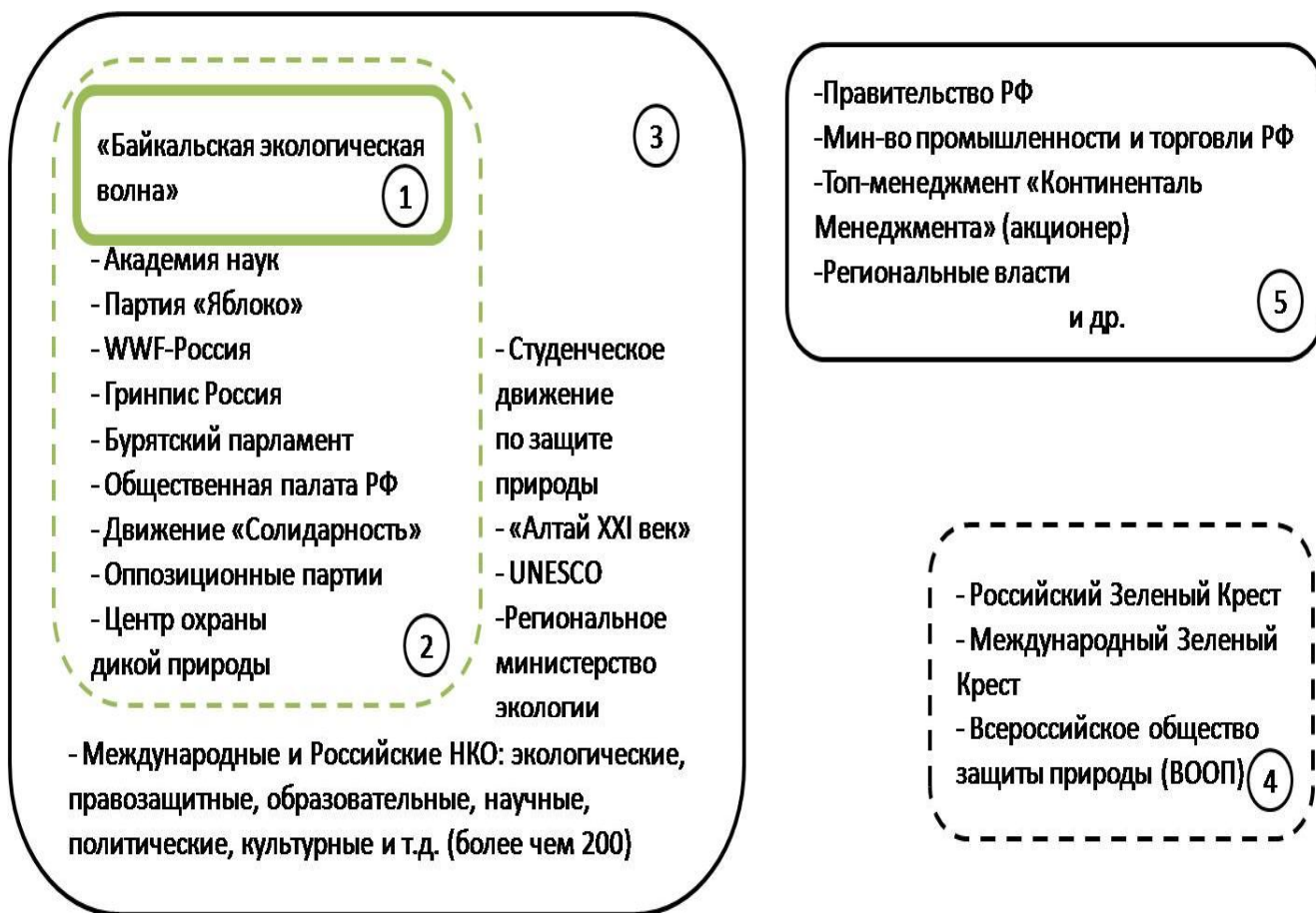
Повторим также, что это знание имеет сложную структуру. Его ядро составляют знания-традиции, то есть знания, кристаллизовавшиеся у данного социального субъекта в ходе многолетних повседневных практик. Другими словами, это экологическое (экосистемное) знание в точном смысле этого слова, то есть знание о правилах, приемах и инструментах неистощительного природопользования. Затем идет «слой» знаний о приемах и способах выживания в изменяемой конкретной ситуации «места». И наконец – «слой» знаний о вызовах, возможностях и ограничениях, поступающих извне, то есть знание о тех силах, которые

местное сообщество контролировать не в состоянии (то, что называется структурой политических возможностей).

Если посмотреть на вызовы, которые бросают местному населению современные природопользователи и, в частности, лесозаготовители и нефтяники, то выявляются следующие этапы накопления социального капитала: сначала – только реакция, то есть обращение за помощью к внешним силам. Затем начинается первичная рефлексия – осмысление среды своего непосредственного обитания в терминах «мое–чужое», «важно–неважно», формирование у этих жителей некоторой ментальной карты местообитания и ситуации в целом. Для этого уже необходимо общение с профессионалами (независимыми экспертами, экоактивистами). Потом начинается период «расскажите, научите», то есть «местные» осознают наличие некоторой экологической проблемы, но им не хватает нужной информации или образцов социального действия.

Следующий, очень важный этап формирования социального капитала – это структурирование местными жителями проблемной ситуации, чтобы понять: откуда риск, каков его масштаб, какие ресурсы нужны, чтобы с ним справиться и т.п. То есть накопление капитала дает импульс к формированию сети. Далее, идет этап выявления потребностей этих жителей в практическом знании о коридоре возможностей социального действия, в том числе – об участии в принятии решений. За ним закономерно следует следующий этап: что я/мы можем сделать практически здесь и сейчас, а что можно осуществить, лишь объединяясь или сотрудничая с политическими партиями и социальными движениями, то есть включаясь в различные сети. И, наконец, идет фаза овладения стратегическим мышлением, то есть знанием о том, как сделать жизнь местной социобиотехнической системы «устойчивой» в длительной перспективе. То есть «возвращение» к мысли о нормальном, «сохранительном» образе жизни, но уже в современном – динамическом – его понимании.

Конечно, конкретная структура и содержание подобных сетей сильно зависят от местообитания человека, способа добывания им средств к существованию. Если он «живет лесом», то термин «привычный», «нормальный» являются синонимами понятия «экосистемный». Если же речь идет о горожанине или работнике ресурсной отрасли, то синонимом «привычности» становятся мобильность, социальная и территориальная. Однако ключевая проблема состоит в том, чтобы человек, даже часто перемещаясь с места на место, из слоя в слой, чувствовал себя комфортно, ощущая поддержку сетей, в которые он включен.

Условные обозначения

1. Лидеры (ядро) защитников о. Байкал (экоНКО «Байкальская экологическая волна» («БЭВ»))
2. Союзники «БЭВ»
3. Сторонники и сочувствующие «БЭВ»
4. Общественные организации, занимающие нейтральную позицию
5. Противники «БЭВ» (т.е. выступающие за продолжение работы БЦБК)

Схема 20. Расстановка сил вокруг конфликта по поводу повторного открытия БЦБК в 2010 г.

5. Просветители и посредники

В данном параграфе речь пойдет о тех ролях, которые сегодня уже реально играют экоНПО в выявлении, артикуляции и трансляции «наверх» локального знания. То есть, что и как идет «в сеть».

Во-первых, это *просветительская деятельность*, субъектами которой являются местное население, включая местную администрацию и представителей малого бизнеса. Если угодно, это экологический ликбез, абсолютно необходимый не только потому, что экологическая ситуация на местах быстро меняется, но и потому, что взаимоотношения человека и природы в течение многих столетий были «вписаны» в традицию, повседневный жизненный уклад. Такое просвещение, как правило, содержит адвокативный момент, то есть разъяснение местному населению его прав и свобод в отношении среды его непосредственного обитания. ЭкоНПО помогают местному населению *осознать* свои экологические права.

Постепенно просвещение все более совмещается с информированием, причем информированием проблемным, касающимся их местообитания, заставляющим людей думать: с кем они идут дальше – с временщиками или же со своей семьей, с местным сообществом. «Постановку проблем для взрослого населения, – говорит активист из Благовещенска, – мы даем иногда в очень жестком ключе: с кем ты, со своими детьми, с их будущим, с нами, или ты против нас, против своих детей, против их будущего?».

Во-вторых, это *изучение местного общественного мнения*, уровня обеспокоенности местных жителей, их точки зрения на иерархию локальных экологических проблем. Это делается различными методами, включая массовые опросы, работу с экспертами, изучение дневников и других человеческих документов. Конечно, это мнение зависит от контингента опрошенных. Например, в урбанизированной Новосибирской области преобладают эстетические и рекреационные представления о лесе, тогда как в лесных поселках – скорее как о всеобъемлющей системе жизнеобеспечения. Отдельный вид работы – это привлечение местных специалистов в качестве независимых экспертов, по ряду вопросов, например, по нелегальным рубкам леса, браконьерству, причем, оценки профессиональных экспертов и местных жителей, как правило, совпадают. В ходе всех этих действий мнение местных жителей не только выявляется, но и формируется, мобилизуется и возвращается его носителям уже в структурированном виде. Соответственно, их социальный капитал возрастает.

В-третьих, это *поисковая деятельность*, направленная на выявление потенциальных носителей локального знания, и активистов, способных его артикулировать и/или защищать публично. Как правило, ими выступают городская и сельская интеллигенция, учителя, промысловики (охотники, рыболовы) и местные старожилы, сохранившие в памяти приемы традиционного природопользования. Весьма ценную информацию могут предоставить врачи. Охотно идут на неформальный контакт бывшие

работники городской и областной прокуратуры, местных администраций. Дети и школьники, участвуя в выставках рисунков на природоохранные темы, также дают важную эмоциональную информацию о состоянии среды их непосредственного обитания. Все это «фиксируется» в сетях в виде сайтов, форумов, блогов и других форм электронной коммуникации.

Конечно, как во всяком деле, здесь есть специфика. Например, местного врача о состоянии здоровья населения может опрашивать только врач, потому что вне общения профессионалов правильно поставить диагноз невозможно. Вообще врачи на местах представляют собой мощный потенциал, неиспользованный академической наукой. По ряду загрязнений местные активисты собирают огромный материал, но сами не могут его интерпретировать. В подобных случаях активисты прибегают к помощи независимых экспертов.

Локальное знание не только «извлекается», мобилизуется активистами, но как только в нем обнаруживается потребность, идет «самотеком» в уже существующие сети. Как утверждают местные журналисты, когда готовится материал в ключе «замечательные места нашего края», то с мест идет просто поток интересной информации, люди пишут о любви к своему месту, к земле, о том, как лучше ее сохранять, использовать. Так потенциальный социальный капитал становится актуальным.

В ходе поисковой деятельности изменилась установка активистов по отношению к краеведам: сегодня интерес к ним не «этнографический», а именно *экологический*: через них и их респондентов можно добыть информацию о прошлом локальных экосистем, принципах их длительного сосуществования с традиционными формами хозяйствования. Через старожилов находятся люди, действительно заинтересованные в сохранении локальных экосистем. Знаменательно, что краеведение не только возрождается, но и вновь становится союзником экологического движения, как это было в нашей стране сто лет назад. Это способствует возрождению «образа места» у коренных жителей, «образа уклада», то есть соединения утилитарных и культурных представлений о конкретном месте. Все это тоже работает на «гармонизацию» отношений потока внешней информации и местной.

Выявление и артикуляция локального знания, включая «образ места», особенно важны для районов, где предполагается возобновление традиционного природопользования. Есть законы, федеральные и местные, есть люди, которые хотели бы этим заниматься, но нет механизмов реализации экологического права. Есть желающие жить и работать в соответствии с традициями, но они не могут преодолеть бюрократические рогатки. Задача экоНПО – искать подходы к решению этой проблемы.

Прежде всего, создав сети, собирать наличную информацию, анализировать федеральное и региональное законодательство, ситуацию в конкретной области, готовить (правовое и экономическое) обоснование для создания в ней территорий для традиционного природопользования. Как сказал экоактивист из Горной Шории, *«мы использовали архивы, то есть дневники и публикации ученых, которые начали исследовать Сибирь еще в 17–18 веках, где содержится информация о шорцах, их расселении и традициях. Собрали также информацию об их нынешней хозяйственной деятельности. Провели опрос среди старожил, которые еще помнили, чем занимались они или их предки. И что самое важное, мы выясняли, в каких именно местах велось то или иное природопользование, поскольку шорцы селились локально, родами, и каждый род имел свою территорию (для охоты, рыбной ловли, скотоводства или др.)»*. Другими словами, экоактивисты работали как научные работники, краеведы и активные хранители традиций коренных народов с целью сохранения традиционного режима природопользования и уклада в целом.

В-четвертых, это *обучающая деятельность* – различные формы тренинга, имеющие своей целью структурирование мышления местных жителей в ключе повседневной практики, знания-действия: что они могут сами, и в чем они могут только участвовать, кто их потенциальные противники, как правильно реагировать на возникающие проблемы, планировать свои действия, находить для них ресурсы, строить сети взаимной поддержки и т.д. Например, как сказал один активист, *«бороться с лесными браконьерами вы можете силами собственных охотников, а бороться против прокладки нефтепровода – только участвуя в массовых акциях зеленых»*. Так, местные сети соединяются с социальными и политическими.

Обучающая деятельность также включает обучение способам разрешения конфликтов между местным (коренным) и городским населением, часть которого, обеднев, выживает за счет варварского ограбления природы. Местному населению нужен образец, эталон социального действия, а еще лучше – несколько его вариантов, чтобы они сами выбрали наиболее подходящий. Активисты обучают также лидеров местных инициативных групп навыкам написания заявок на (малые) гранты, то есть учат ставить задачи, планировать свою деятельность, рассчитывать потребные ресурсы. Все это структурирует, рационализирует мышление местного населения – как в отношении восприятия угроз среде своего обитания, так и в плане организации своих действий. Фактически, это привитие местным активистам мягкого «менеджерского» способа мышления. Мягкого, потому что оно сращено с этико-эстетическим отношением к среде своего обитания. Другим результатом является более

четкая самоидентификация местных жителей в социально-правовом пространстве.

В-пятых, это *коммуникативная деятельность*, формирование площадки для диалога между сторонами, вовлеченными в экологический конфликт. Это – уже чисто сетевая и очень важная форма деятельности зеленых, так как в современных условиях деятельность международных экологических организаций и ресурсодобывающих корпораций действительно идет «поверх» локальных социальных общностей. Поэтому на местах возникает феномен отторжения чужаков. Причем, эта негативная установка воспроизводится не только властными структурами, но и местным населением.

Отсюда разработка конкретных (модельных) проектов с участием населения или, как минимум, открытость, прозрачность этой работы, гласность как необходимое условие для налаживания взаимопонимания между экоНПО и населением. Как сказал активист из Республики Коми, *«мы – организация, которая помогает людям сесть и задуматься: что является долговременной проблемой их жизни. Не то, что сейчас им не хватает куска хлеба, и нужно его найти, а как сделать так, чтобы этот кусок хлеба появлялся на столе регулярно»*. Только в диалоге население осознает что, даже *«если “виноватый” будет найден, проблема от этого не исчезнет – мы так и останемся бедными»*. Поэтому очень часто местная администрация, а бывает что и государственные организации по управлению природными ресурсами в регионах, фактически находясь на стороне жителей, тем не менее, просят эоактивистов *«выступить с инициативой»*, то есть *«поднять вопрос, войти в контакт с населением, а они поддержат»*. Иными словами, правильно организованная коммуникация порождает доверие, затем интерес и участие, а в иных случаях – и самоорганизацию социальных сетей.

Как и ранее, поисковую и коммуникативную функции часто выполняют журналисты. Особо важен язык их общения с читателем (зрителем). Моно-дисциплинарного языка недостаточно. Как сказал один активист, *«если ты хочешь “зацепить” темой читателя, нельзя говорить с ним на каком-то одном (дисциплинарном) языке, потому что реальность многогранна. Использование синкретического архаического языка подчас очень плодотворно для пропаганды, журналистики: местность, прошлое, природа, культура, география, экология»*. Вместе с тем, нужна конкретность, апелляция к знакомым образам.

На местах, тем более при крайней разреженности населения в восточных районах России, социальные сети еще редки, и поэтому дефицит общения очень велик. Зеленые не только собирают местную интеллигенцию (учителей, врачей, краеведов, активистов из среды малочисленных

народов), но и информируют их об экологической ситуации в регионе. Другая, не менее важная сторона этой деятельности – ретрансляция информации из глобальных источников (Интернет, ресурсы международных сетевых экологических организаций) на места, в глубинку. Включение каждой сельской школы во всемирную паутину как элемент реализации Национального образовательного проекта – огромный ресурс аккумуляции и мобилизации локального знания. Третья – ретрансляция активистами методов структурирования локального знания из района в район. Наконец, в ходе этой работы активисты обучаются производству локального знания сами.

В-шестых, это их *интерпретативная функция сетей*. Важный момент на пути достижения гармонии потока и места это – не только создание площадки для диалога, но и налаживание взаимопонимания, то есть умение переводить (научное) экологическое знание на язык местных проблем, и – обратно, доводить локальные ноу-хау, обеспокоенность местного населения до политиков в понятном им формате. Как сказал один лидер, *«я – тот проводник, который осуществляет эту взаимную передачу информации»*. Эту же функцию выполняют и журналисты.

В-седьмых, это *мотивирующее* воздействие. Лидеры эконоНПО стараются показать местному населению (и научить практически), как сделать, чтобы оно жило лучше. Или объяснить, почему оно живет хуже других, находящихся в сходных с ним условиях. То есть показывают им возможности самостоятельности в существующем коридоре их экономических и социальных возможностей. Здесь в качестве ноу-хау выступает «актуальный архив», то есть мотивирование участия населения положительными примерами про-экологического действия из новейшей истории места, области, края.

В-восьмых, параллельно идет *психотерапевтическое* воздействие сети, направленное на преодоление страха местных жителей перед ответственностью за собственные инициативы в сфере охраны природы. Как сказал один активист, *«Когда люди начинают что-то узнавать и понимать стоящую перед ними проблему, они начинают бояться. Очень сильно боятся денег, но еще более боятся брать на себя ответственность»*. Другой источник страха: сращивание в ряде случаев местной власти и криминальных структур (наемники со стороны стоят дешевле), в результате чего местное население остается без работы и без доступа к дарам природы, которые хищнически уничтожаются. Но, пожалуй, главный из них, это нарастающая ситуация неопределенности, информационного вакуума. Поэтому население чаще всего выступает против любых перемен, потому что не понимает, что им угрожает на этот раз, и каковы масштабы возможных последствий.

Сегодня психотерапевтическое воздействие сети складывается из нескольких элементов: информирования о возможных переменах в их жизни, правового просвещения, создания горячих линий («зеленый телефон»), налаживания коммуникации и взаимной поддержки как между активистами и местным населением, так и между его отдельными группами, формирования каналов экологической коммуникации между местными жителями и местной (или региональной) администрацией. В идеале – достижение согласия между ними по поводу решения местных экологических проблем.

В-девятых, это *адвокативная* деятельность в чистом виде, когда активисты экологических общественных организаций выступают ходатаями по поводу экологических проблем (угроз, рисков) местного населения. Это могут быть запросы в местные представительные и административные органы, выступления в прессе или по телевидению, участие в проведении общественных экологических экспертиз, оспаривание государственных (ведомственных) экологических экспертиз и т.д. Наиболее распространенная форма – это помощь местному населению в привлечении независимых экспертов («тех, кому доверяешь») для оценки потенциальных возможностей своего местообитания прежде, чем произойдет резкий слом его жизненного уклада. *«Прежде чем, они “отдадутся” кому-либо, – говорит активист из «Байкальской волны», – они должны быть способны оценить, чем они располагают».* Замечу, что доверие здесь должно быть обоюдным – как со стороны активистов, так и населения.

Например, в Восточной Сибири, смысл «адвокативной практики» региональных эконоНПО заключается в помощи местным сообществам в борьбе против угрозы со стороны развивающегося нефтегазового транзита и соответствующих транспортных коридоров. ЭконоНПО помогают этим сообществам оценить угрозу, выявить наличные ресурсы (противостояния, выбора альтернативного пути развития) и сформулировать возможные альтернативы своего дальнейшего существования на базе использования местных возможностей (скажем, рекреационных и других ресурсов). В критических ситуациях природоохранная деятельность сливается с правозащитной.

Наконец, в-десятых, это *мобилизующая* деятельность сетей, то есть непосредственное вовлечение через них населения в различные формы про-экологической деятельности, начиная от писем и запросов во властные структуры и вплоть до его участия в разработке планов охраны природы в районах. А также посредством создания в малых городах, поселках и деревнях инициативных групп, вовлечения населения в деятельность региональных и международных эконоНПО, в том числе в конкретные

проекты. Естественно, без обучения жителей этим действиям и их структурированию здесь не обойтись.

Замечу, что не только малые коренные народы, но и сельское население и даже часть дачников, освоивших пустующие земли, является носителем методов неистощительного природопользования. Однако аборигены себя в экологическом плане почти никак не проявляют, живя по формуле «очень трудно, но можно еще терпеть». Аборигены организованы гораздо лучше, чем русское население, хотя бы потому, что права малых (коренных) народов достаточно детально прописаны в федеральном законодательстве. Поэтому также нужны формы про-экологической деятельности, ориентированные именно на русское население.

Особо надо отметить вовлечение местного населения в общественный мониторинг, то есть установление постоянного контакта с региональной общественной экологической организацией уже на (полу)профессиональной основе. Что опять же способствует структурированию и рационализации сетей, доступных местным жителям.

Я бы не хотел, чтобы читатель сделал вывод о пассивности местного населения. Оно очень разное. Есть люди действительно инертные, полностью погруженные в решение сиюминутных проблем выживания и не верящие в возможность перемен к лучшему. Есть люди, которые волею обстоятельств или по слабости характера, ставшие «лишними». Но есть также люди, думающие и действующие, озабоченные состоянием среды своего обитания, самостоятельные в принятии решений. Это могут быть учащиеся старших классов, их учителя, краеведы, охотники, бизнесмены, часть местных чиновников. Но всем им нужна помощь и поддержка, о формах которых шла речь выше.

6. Заключение

Изучение процессов производства и трансляции локального знания только начинается. За годы советской власти местное население было отучено от права высказывать свое мнение. Экономическая и социальная ситуация, сложившаяся за годы реформ, также не способствовала процессам его выявления и интерпретации. Это население выживало за счет эксплуатации природы, но не имело никаких стимулов к осмыслению такого образа жизни. Большая наука в кризисе, из старого поколения блестящих популяризаторов экологического знания остались единицы. В результате сложился критический разрыв между уровнем мышления и действия ученых, общественных экологических организаций и местного населения. Экоактивисты посредством строительства социальных сетей стараются преодолеть пассивность последнего, разрушить стереотипы патерналистского сознания, привить местному населению навыки

интенсивного и рационального мышления. В отдельных случаях местные жители дают далеко не тривиальные ответы на вопросы большой науки. Если обобщить, то выстраивается такая последовательность действий местных акторов: защита «места» от внешних посягательств, разграничение (территорий, ресурсов) на «свое–чужое», «нужное–ненужное», далее – через обучение публичной артикуляции этого знания к поиску средств защиты местных сообществ и окружающей ее природы.

Я не переоцениваю значения локального знания. В современных условиях оно чаще всего утилитарно, то есть выражает то, что полезно для местного сообщества «здесь и сейчас». Тем не менее, этот утилитаризм имеет, как правило, более глубокий временной горизонт: сохранение равновесия между местным населением и средой его обитания для следующих поколений. Кроме того, наличие местных культурных образцов неистощительного природопользования – основа для сохранения биоразнообразия. Локальное знание – источник для формирования этих образцов. Задача общественных организаций – поддерживать и углублять это стремление к сохранению равновесия человека и места, предлагать стратегию и тактику для его реализации. С другой стороны, польза, полезность – наиболее убедительный аргумент и площадка для диалога профессионалов и населения. Одной из важных предпосылок для достижения их взаимопонимания является раннее экологическое воспитание и образование, что является делом уже не общественников, а соответствующих социальных институтов, включая местные СМИ.

Гармония – это горизонт, который по мере приближения к нему постоянно отодвигается. Но диалог и язык, на котором он ведется между учеными, местными экспертами и населением, их взаимное доверие, осознание всеми его участниками важности сохранения культурного и природного разнообразия *места*, разработка социальных технологий для его сохранения и рачительного использования – все это необходимые шаги в данном направлении.

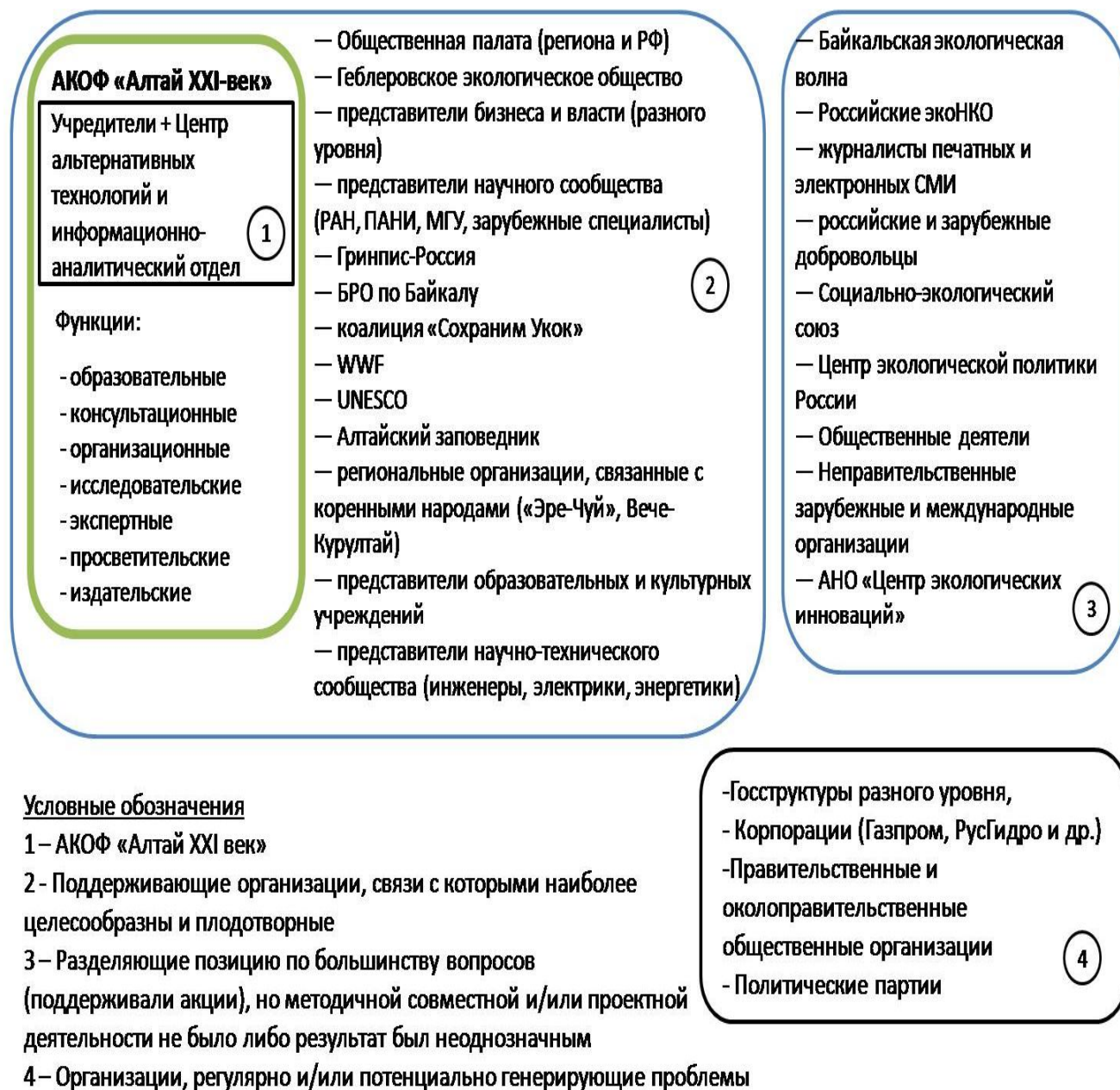

Схема 21. Структура Алтайского краевого общественного фонда «Алтай XXI-век» (2000-е гг.) (Автор О.З. Енгоян)

Глава 6. Межличностные сети российских эоактивистов

1. Введение

Для понимания путей и средств достижения стабильности социобиотехнических систем изучение межличностных сетей активистов актуально по двум причинам. С одной стороны, эти связи всегда были характерны для экологического движения советского периода. С другой, личные инициативы, опирающиеся на межличностные сети, были и до сих пор остаются «несущей конструкцией» всего репертуара публичных действий российских природоохранников.

Сегодня эти сети выполняют, по меньшей мере, две важные функции экологического движения. Они являются одним из важнейших инструментов интеграции природоохранного движения. Вместе с тем, межличностные сети критически важны для воспроизводства и поддержания жизнеспособности самого ЭД и эоНКО. Именно межличностные и семейные связи лежат в основе создания эо-сообществ и эо-коммун в разных регионах России. Наконец, анализ этих сетей и связей помогает понять процессы нынешних трансформаций российского ЭД в целом.

Глава написана на материалах ряда case-studies, проведенных в различных регионах России. Предметом изучения явились типы структур межперсональных связей (networks), детерминированные рядом обстоятельств, как, например, масштабом социально-экологического конфликта (федеральный, межрегиональный, внутрирегиональный), степенью его опасности для населения и природы, а также расстановкой сил вокруг конфликта. Исследования проводились в 1997-2010 гг. методом глубинных полуструктурированных интервью. Были использованы также материалы центральной и зеленой прессы, документы официальной переписки, а также петиции, заявления, пресс-релизы и другие материалы, продуцированные в ходе и после кампаний протеста. Дополнительно были

изучены программы 50 неформальных экологических сообществ, а также различные человеческие документы, включая личную переписку российских эооактивистов.

2. Сетевой социальный актер и первичная эоо-структура

Для анализа межперсональных сетей необходимы некоторые теоретические инструменты. Таковыми являются концепции «первичной эоо-структуры» (далее, эоо-структура) и «индивидуального ресурсного поля», предложенные в конце 1980-х годов автором данной книги (Яницкий, 1984; Yanitsky, 1984), а также введенное им понятие «сетевой социальный актер».

Требования, предъявляемые современным, быстро изменяющимся обществом к социальному актору, делают необходимым наличие некоторого «устройства», повышающего его ресурсный потенциал и возможности социального действия. Эоо-структура как раз и является таким мультипликатором воспроизводственных и деятельностных потенциалов социального актора. Подобное умножение названных потенциалов осуществляется посредством концентрации универсального и глобального в местном и индивидуальном, «макро» – в «микро».

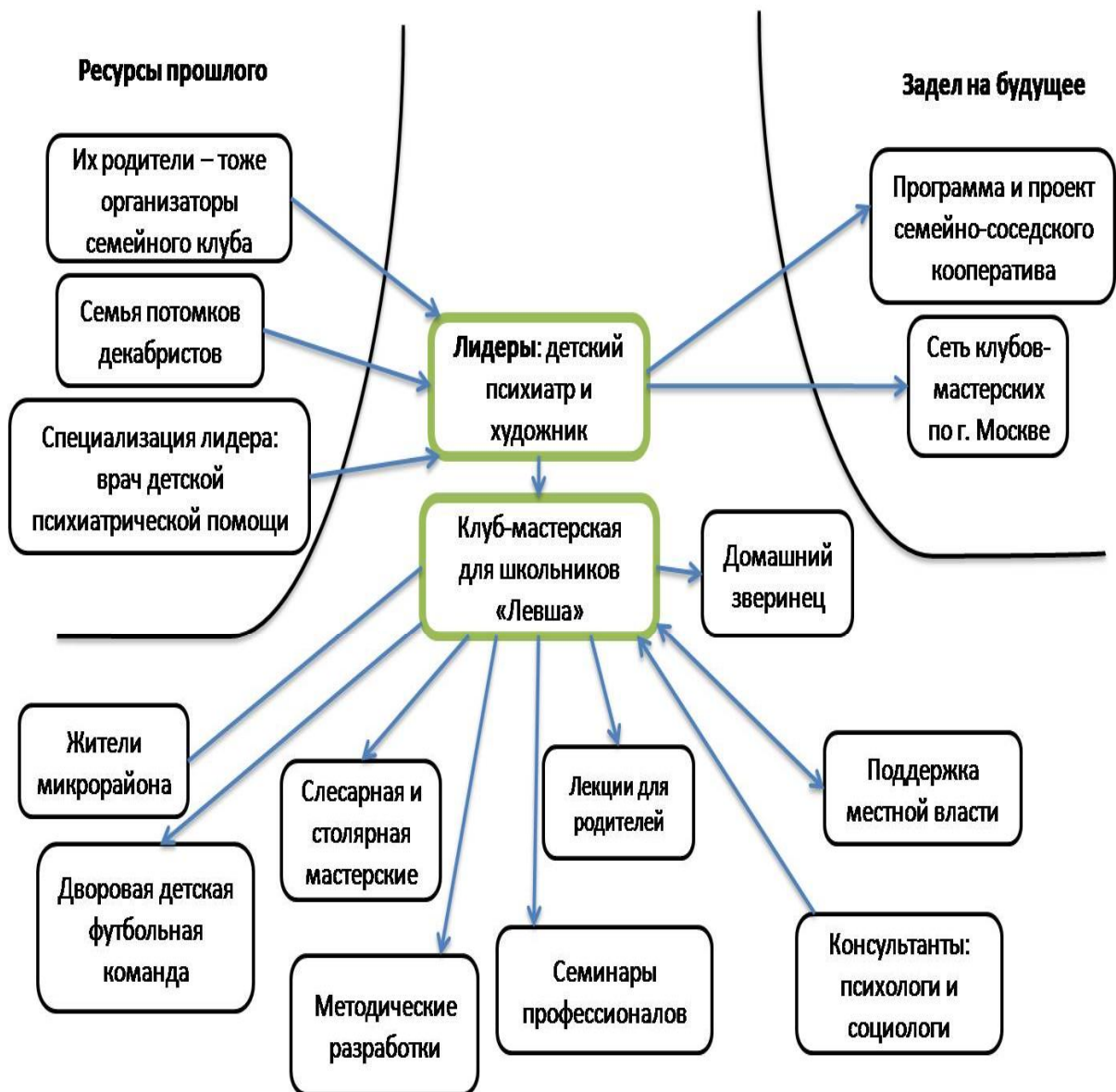

Схема 22. Настоящее и будущее семейно-соседского клуба «Левша» (Москва, 1989 г.)

На стадии начальной (простой) модернизации городская (территориальная) концентрация – населения, учреждений культуры и сервиса – рассматривалась социологами как базовый инструмент для подобной мультипликации социальных движений. Однако, с одной стороны, даже культурно насыщенное и социально хорошо организованное пространство города не могло быть полностью использовано его членами. С другой, в ходе модернизации, в особенности при переходе к ее высокой стадии, развитые межперсональные информационные сети индивидов и

малых групп стали мощным мультипликатором увеличения их воспроизводственных и деятельностных возможностей.

По сути, возник некоторый специфический социальный субъект – *«сетевой социальный актор»*. В ходе своей деятельности он формирует первичную эко-структуру – механизм, обеспечивающий этому актору одновременно постоянное и интенсивное накопление жизненных ресурсов и защиту от избыточного давления «внешней» социальной среды. Иными словами, поддержание некоторой нормы процесса его жизнедеятельности.

Понятие «сетевого актора» можно трактовать в нескольких смыслах. Конечно, всякое социальное и, в частности, экологическое движение можно считать сетевым актором, поскольку его организации и члены соединены коммуникационными сетями. Однако при ближайшем рассмотрении социальное движение ни во времени, ни в пространстве не является постоянным и тем более монолитным телом. Даже в случае массовых кампаний (протеста или др.), далеко не все члены движения объединены межличностными сетями. Строго говоря, движение – это теоретический конструкт. Иные социологи полагают, что движение это – совокупность его организаций. Но в действительности и они сплошь и рядом существуют лишь на бумаге. С моей точки зрения, «постоянно действующими» носителями идеологии движения, хранителями его идентичности, накопителями его ресурсного и тактического потенциала, являются его *ядра* – *малые сообщества его постоянных и наиболее активных членов, которые я и назвал «базовыми» сетевыми социальными акторами*. Такой актор всегда есть активное, деятельное начало, тогда как первичная эко-структура – это его инструмент, депозитарий и мастерская.

Под нормой жизненного процесса такого социального актора здесь понимается его способность воспроизводить свои физические и интеллектуальные потенции и осуществлять социальные действия без чрезмерного напряжения сил. Напомним, что речь идет о процессах, присущих именно активистам экологических движений, а не о простой «адаптации» населения к изменяющемуся контексту.

Под стереотипом жизненного процесса мы понимаем структуры повседневной активности актора, позволяющие реализовать названную выше норму. Подобно процессу материального производства, проходящему определенные фазы, процесс воспроизводства эоактивиста тоже имеет свои специфические фазы, реализующиеся в структурах ресурсных и коммуникативных связей.

Эмпирически, данный стереотип есть устойчивый (ежедневный, недельный и др.) цикл повторяющихся взаимодействий, присущий различным членам рассматриваемого малого сообщества. Как будет показано ниже, он весьма специфичен для современных российских

условий. Механизм «включения – обособления», то есть чередования контактов с социетальными структурами и дистанцирования от них (Абульханова-Славская, 1980: 79), есть главная отличительная черта данного механизма.

Наконец, под жизненным ресурсом сетевого социального актора здесь имеется в виду совокупность ресурсов, необходимых для поддержания социальной активности его членов. Данное сообщество постоянно расходует свою эмоциональную и психическую энергию и поэтому должно систематически восполнять потери своих ресурсов. Можно провести определенную аналогию между рассматриваемыми процессами на микрогрупповом уровне и уровне социальных движений, поскольку во всех случаях речь фактически идет о постепенном формировании структуры некоторой «индустрии» воспроизводства социальных акторов (Zald and McCarthy, 1987).

Спектр ресурсов и, следовательно, структуры сетей чрезвычайно разнообразны: одни ресурсы должны добываться и потребляться ежедневно, другие – накапливаются годами и могут расходоваться в течение всей жизни. Для эо-активистов такие ресурсы, как научное знание, оперативная информация, политические ноу-хау, имеют особое значение. Однако эффективность их аккумуляции и использования, равно как и весь социально-воспроизводственный процесс, в значительной степени зависит от организационных форм этого воспроизводства. Именно поэтому структура ресурсных и информационных сетей имеет столь большое значение (Yanitsky, 1996, 1997).

Таким образом, *первичная эо-структура может быть определена как форма организации жизненного процесса социального актора, позволяющая ему максимизировать свой совокупный социальный капитал и достигать своих целей не выходя за рамки нормы жизненного процесса.*

Схема 23. Типы контактов эоактивиста с прошлым, настоящим и будущим в совокупности образующие его первичную эо-структуру

Основными функциями эо-структуры являются опосредование интеракций между обществом и индивидом (активистом) с целью интенсификации воспроизводства его социального капитала (в частности, посредством сосредоточения глобального в локальном) и накопление ресурсов, необходимых эоактивистам для их включения в коллективные социальные действия. По отношению к отдельному активисту эо-

структура выполняет одновременно социализирующие, воспроизводственные и защитные функции.

Функции эо-структуры могут быть рассмотрены под разными углами. С позиций социальной философии, эо-структура есть *инструмент превращения универсального в локальное и индивидуальное*, то есть инструмент, помогающий активистам «снять» сложность и изменчивость окружающего его мира. С позиций экономической науки, эо-структура есть *механизм и контейнер накопления ресурсов, необходимых для поддержания здоровья и воспроизводства человека-труженика*, а в рассматриваемом мною случае – политически и социально активного индивида (т.е. накопление и освоение ноу-хау публичного действия). С точки зрения социологии, эо-структура есть *организационная форма активности социального актора*, посредством которой он параллельно адаптируется к изменяющемуся контексту и стремится изменить его в нужном для себя направлении. Если стереотип жизненного процесса такого актора определить как систему устойчивых (повторяющихся) форм его социального действия, то эо-структура может быть названа их «мастерской». В рамках социальной психологии, рассматриваемая структура есть механизм, обеспечивающий *психологическую защиту и эмоциональный комфорт* для своих членов, периодически вовлекаемых в публичную деятельность и находящихся под постоянным давлением отчужденного (враждебного) контекста. Вместе с тем, возникающие в ходе коллективных действий межличностные контакты и конфликты являются стимулом для расширения сферы потребностей социального существования (Дилигенский, 1976) такого актора.

В культурном плане, рассматриваемая структура есть создаваемый ее членами «*групповой*» мир культуры, с общими ценностными ориентациями и жизненными стандартами. Постоянно включаясь в ходе своей публичной активности в различные субкультуры общества, эоактивисты постепенно формируют собственное пространство культуры и его идентификационное ядро. Подчеркнем, что эоактивисты строят этот индивидуализированный мир культуры одновременно исходя из их непосредственных межкультурных интеракций и из некоторого «отстраненного» видения динамики глобальной экологической ситуации как бы из будущего – глазами своих детей или будущего поколения.

Все эти разные стороны функционирования эо-структуры сфокусированы на интересах конкретного «*сетевого актора*». Поэтому и структура его взаимодействий с внешним миром построена по многофункциональному критерию. По сути, эо-структура есть некоторый коллективный «дом», где данный актор, его межличностные сети и системы материального обеспечения представляют неразделимое целое.

Дадим теперь краткую характеристику нашей концепции индивидуального ресурсного поля. Согласно ей, контекст деятельности всякого социального актора может быть представлен в виде континуума ресурсов. На одном полюсе расположены его «внутренние» ресурсы, то есть находящиеся в его полном распоряжении, или те, которые могут быть мобилизованы им быстро и с минимальными усилиями. На другом полюсе находятся «ресурсы-условия», для мобилизации которых нужно затратить усилия (т.е. израсходовать «внутренние» ресурсы), сравнимые с ожидаемым результатом (Яницкий, 1984: 41-44). Контекст деятельности некоторого актора может быть представлен в виде системы катализаторов и блокаторов, которые, соответственно, способствуют его активности или сдерживают ее. Именно поэтому межперсональные связи данного актора и функции его эко-структуры зависят от конкретной конфигурации доступного ему ресурсного поля, которое, в свою очередь, детерминируется структурой политических возможностей данного социального актора (Kriesi, 1993).

Наконец, очень бегло – об операционализации некоторых необходимых понятий. Норма жизненного процесса этого актора может быть измерена числом и разнообразием постоянно возобновляемых контактов, необходимых ему для самоподдержания и реализации планируемых социальных действий. Стереотип жизненного процесса, как уже отмечалось, может быть представлен через типичные устойчивые (пространственно-временные) паттерны связей этого актора. В свою очередь, их абрис и границы определяются критерием «ресурсного баланса», под которым мы понимаем динамическое равновесие между требуемыми ресурсами и усилиями, необходимыми для их приобретения.

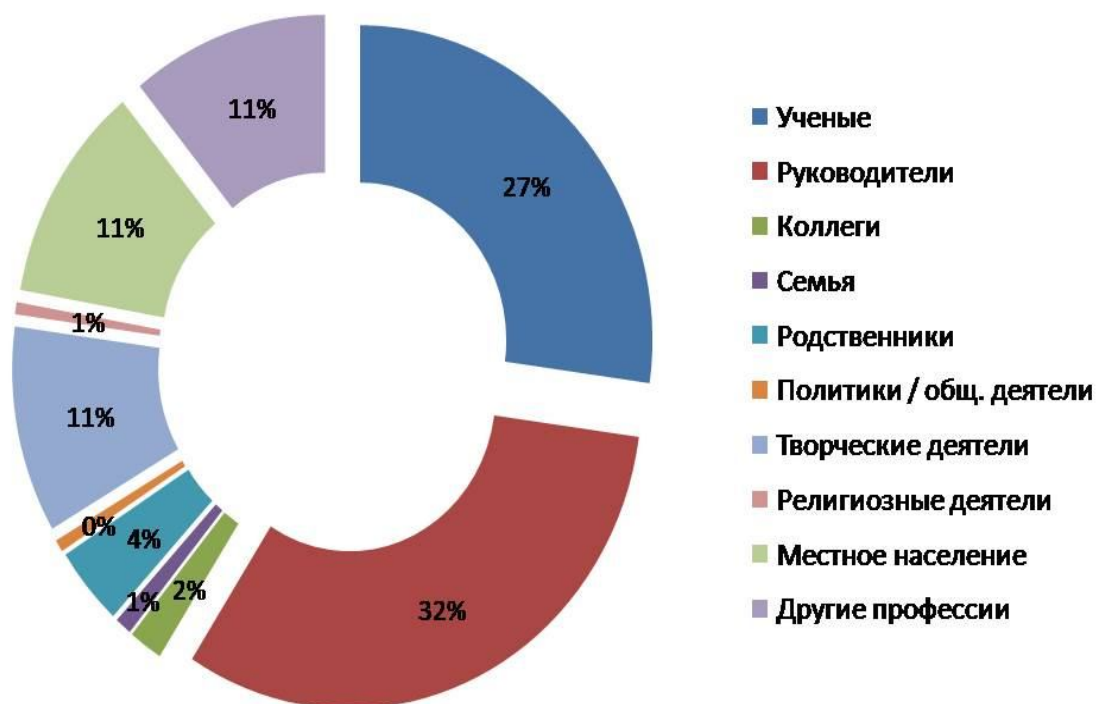

Схема 24. Частота общения Ф.Р. Штильмарка с разными типами социальных субъектов за период 1957-1979 гг.

Сост. по книге: Ф.Р. Штильмарк Отчет о прожитом (записки эколога-охотоведа). М.: ЛОГАТА, 2006.

3. Нормальная и мобилизационная фазы их функционирования

В соответствии с изложенной выше теорией, функционирование «сетевого актора» имеет два основных состояния: нормальное и мобилизационное.

Исследование показало, что лидеры российских эооНПО регулярно поддерживают постоянный контакт с не менее чем 10 различными организациями, с 3-5 личными знакомствами в каждой из них. Это означает, что для поддержания нормы жизненного процесса каждый лидер нуждается одновременно в 30-50 постоянных ресурсных и информационных связях. Как правило, *группа лидеров и их помощников, представляющая из себя ядро такого сетевого актора, насчитывает 5-8 человек*. Поэтому можно считать, что 200-300 постоянных связей составляют *коммуникационный каркас* его нормального функционирования.

Разнообразие этих коммуникаций – тоже важный показатель. В нормальной ситуации члены рассматриваемого сообщества поддерживают, прежде всего, контакты со своими единомышленниками внутри своей собственной эоНКО или «зонтичной» организации. Далее, они общаются с хорошо знакомыми им учеными и экспертами, то есть с теми, кто сотрудничает с ними уже долгое время и одновременно зависит от них в ресурсном плане. Активисты также поддерживают контакты с публичными политиками, особенно с теми, кто является их агентами влияния во властных структурах. Следует также упомянуть систематические контакты эоактивистов с членами родственных экологических и благотворительных организаций, а также с прессой и телевидением.

Особо упомянем контакты в организациях, обеспечивающих зеленых ресурсами, как для повседневного существования эоНКО, так и для разработки проектов и организации массовых кампаний. Есть еще один вид связей, который сразу даже не удалось распознать. Речь идет о представительских контактах, внешне совершенно бесполезных (к примеру, присутствие эоактивистов на многочисленных конференциях), с единственной целью – лишний раз напомнить о себе нужным людям или дать интервью и, тем самым, поддержать свой имидж и престиж. Во всех перечисленных случаях личные связи обычно «встроены» в деловые. В общем и целом, это разнообразие интеракций членов рассматриваемого сообщества определяет число функций, которые должна выполнять первичная эо-структура. В нормальных условиях баланс между публичностью и приватностью (контактами в узком кругу), как правило, соблюдается.

Масштаб повседневных межличностных интеракций рассматриваемого актора также разнообразен. Есть контакты в «узком кругу», осуществляемые с минимальными усилиями (круг единомышленников и симпатизирующих), контакты «средней дальности» (политики, масс-медиа) и дистанционные. В последнем случае речь идет об интеракциях, нацеленных на поиск финансовых ресурсов.

Можно заключить, что базовые (основополагающие) «сетевые акторы» российского природоохранного движения в известной степени являются аналогом «узкого круга» в сфере бюрократической эополитики. Однако первые представляют собой гораздо более тесно интегрированное целое. В частности, сеть его внешних и внутренних интеракций гораздо более стабильна и потому резистентна по отношению к воздействиям быстро меняющегося контекста. Это – действительно микро-сообщество (или большая семья), связанное внутри чрезвычайно прочными и в то же время гибкими, многофункциональными связями. В терминах сетевого анализа, базовые «сетевые акторы» представляет собой клику (Knoke, 1990),

но клику многоцелевую, обеспечивающую практически все разнообразие потребностей ее членов.

Наконец, личное общение, совместная природоохранная работа рассматриваются эо-активистами как «лучшая школа жизни», которая до известной степени даже заменяет высшую школу вообще: *«Я не имею университетского образования вообще, это было мое сознательное решение. Может быть, сегодня, спустя десять лет, когда я смогла освоить огромное количество научной информации и обрести навыки профессионального журналиста, редактора и организатора нескольких массовых кампаний, я сделаю этот шаг...»* (А.Г., активист и журналист, Москва, 1997). Другие респонденты рассматривают широкое личное общение как школу подготовки полупрофессионалов широкого профиля, которые сегодня, по их мнению, столь необходимы экологическому движению.

Теперь – об отличительных признаках мобилизационного состояния «сетевого актора». Прежде всего, мобилизация и мобилизованность – отличительные черты коммунистической идеологии и советского образа жизни. «Переходный» период, обремененный социальными рисками и экологическими катастрофами, также постоянно продуцирует мобилизационный контекст. Далее, за исключением короткого периода демократического подъема (1989–91 гг.), ЭД никогда не было в почете ни у населения, ни, тем более, у власть предержащих. Поэтому состояние мобилизационной готовности и ощущение повышенной опасности всегда были присущи российским зеленым, что не могло не сказаться на формировании их первичных сетей и эо-структур. Чтобы выжить и сохранить себя и ячейку, эо-лидеры вынуждены были жить и действовать в мобилизационном ритме.

Вот почему представляется необходимым ввести различие между *рутинной и целевой* мобилизацией. Первая была и есть привычным способом существования российских и других эоактивистов в условиях политически и социально отчужденного контекста, тогда как вторая представляет собой состояние мобилизации всех возможных ресурсов, имеющихся в распоряжении данного сетевого актора для того, чтобы одновременно решить какую-то конкретную экологическую проблему и сохранить себя как сообщество.

Далее, названные формы мобилизации основываются на разных критериях ресурсного баланса. Рутинная форма основывается на относительном балансе между накоплением и расходом ресурсов, тогда как при целевой очевиден сдвиг в сторону расходования аккумулированных ресурсов. Мои респонденты подчеркивали, что по завершении очередной кампании протеста или длительного противостояния

с властями (судебная тяжба, продвижение своих предложений к очередному экологическому закону), после кратковременной эйфории они ощущали себя буквально выжатыми.

Условные обозначения

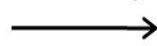
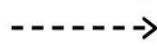
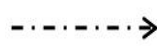

- межличностные официальные контакты
- индивидуальное или коллективное членство
- контакты с бывшими членами ДОП
- постоянные контакты
- намечаемые (желательные) контакты

Схема 25. Типы межличностных связей лидера экоНКО (конец 1990-х гг.)

В частности, целевая мобилизация означает: (1) концентрацию всех аккумулированных в эко-структуре ресурсов в руках лидера экоНКО; (2) тотальную мобилизацию всего постоянного персонала данной организации

– все ее члены должны отложить в сторону текущие дела и сосредоточиться на решении поставленной лидером задачи; и (3) мобилизацию всех своих сторонников и симпатизирующих, а также мобилизацию «глубинных ресурсов», то есть таких, которые в обычной ситуации не используются.

В случае целевой мобилизации кликообразная структура рассматриваемого сетевого сообщества трансформируется в краткосрочную иерархию, а лидер НКО становится ее командиром. Соответственно, кликообразная структура межличностных сетей превращается в одностороннюю, центрированную на лидере. В зависимости от конкретной задачи это микро-сообщество сосредоточивает свои усилия на добывании информации или на подготовке публичных заявлений, организации массовой кампании и т. д. Поскольку время в условиях целевой мобилизации является ключевым ресурсом, контакты становятся краткими, интенсивными и чисто деловыми – «тусовочный» характер повседневного уклада жизни сообщества российских эоактивистов исчезает, оно превращается в «команду».

Хотя целевая мобилизация всегда сопровождается самоэксплуатацией активистов, она вовсе не противоречит духу российского ЭД: *«Основой наших многолетних личных контактов является дух студенческого природоохранного движения семидесятых и восьмидесятых годов. Это был дух молодых спасателей, готовых защищать природу любой ценой»* (В.Б., активист, 1997). Периодически повторяясь, такая мобилизация поддерживает дух солидарности, способствуя внутри- и межгрупповому сплочению, которое сегодня систематически подрывается замыканием отдельных «команд» на выполнение проектов по грантам. Более того, при такой мобилизации экспрессивные и инструментальные стороны межличностной коммуникации совпадают: *«С одной стороны, мы должны были самоопределиться и защищаться, чувствовать себя в своей собственной дружеской среде. С другой, мы всегда ощущали себя главным противником экологической бюрократии»* (Д.А., координатор экологической программы, Москва, 1997).

Жизненный стереотип рассматриваемого микро-сообщества в случае целевой мобилизации также меняется. Пространственная структура повседневных связей ее членов трансформируется в двух направлениях. С одной стороны, как отмечалось, она завязывается на лидера. С другой стороны, пространство личных контактов последнего резко расширяется, так как мобилизуемые им «глубинные ресурсы», как правило, сосредоточены в весьма отдаленных от места нахождения эоНКО точках мира. Вот почему, в частности, сеть электронных коммуникаций этих НКО столь хорошо развита.

4. Структура межперсональных сетей в отчужденном контексте

В ходе российских реформ, обремененных системным кризисом и периодическими выбросами «энергии распада», контекст деятельности российских хранителей природы становился все более враждебным. Контекст деятельности этих хранителей может быть квалифицирован как полностью враждебный, если установка всех акторов, включая местное население, по отношению к ним и их действиям является негативной. Постоянное ощущение, что они живут и действуют во враждебном контексте, редко покидает российских эо-активистов. В подобном контексте, особенно на периферии, межперсональные сети имеют первостепенное значение: *«Мы постоянно ощущаем давление, постоянно озабочены поиском союзников, и мы можем обрести их только посредством личных контактов – они самые быстрые и эффективные»* (Д.Р., активист, Петрозаводск, 1997).

Новый лозунг «Спасутся спасатели!», выдвинутый лидерами ЭД в 1993-94 гг., засвидетельствовал, что межличностные сети зеленых начали изменяться. Механизм «включения – обособления» рассматриваемых микро-сообществ эволюционировал в сторону *максимизации своих защитных функций и, тем самым, минимизировал свою подверженность риску*. Иными словами, этот механизм должен был обеспечить членов сообщества жизненно важными ресурсами и одновременно служить защитной оболочкой от рискогенного контекста.

Теоретически, был только один способ избежать его разрушающего воздействия: «уйти» из него, включившись в структуру международных экологических организаций и их сетей. Как показали исследования, российские эоНКО пошли именно по этому пути. По сравнению с 1991 годом, в 1997 году межличностные контакты их лидеров с западными коллегами возросли почти в 10 раз! Подтверждением тому явилось изменение ресурсных сетей. По моим оценкам, в 1998 году около 75% финансовых ресурсов для российских эоНКО поступало с Запада.

Конкретными способами достижения названных выше целей были: (1) членство в одной или нескольких транснациональных экологических организациях; (2) наличие постоянного источника ресурсов за рубежом; (3) максимальное дистанцирование от политических баталий внутри России, поэтому; (4) неучастие (до последнего времени) в политических партиях и движениях; и (5) ограничение своей деятельности решением профессиональных задач (преимущественно природоохранного плана). В целом это была *тактика самоограничения* и «переключения» связей на профессиональные и потому более безопасные.

Семейные и профессиональные связи российских зеленых не только стали все более перекрываться, но практически стали общей сетью. Это

вполне объяснимо, поскольку, если профессиональная деятельность активистов НПО обеспечивает и защищает их, то она одновременно обеспечивает и защищает их жен, детей и близких друзей. Закон «династии» был и остается распространенным среди экологов. Это также понятно, ведь в условиях отчужденного и насыщенного рисками контекста воспроизводственные процессы могут осуществляться только в среде взаимопомощи, понимания и полного доверия. Одновременно такая «расширенная» семья способна защитить себя от нежелательных пришельцев со стороны – мнения жен и друзей служат надежным фильтром против такого проникновения. Наконец, семейное разделение труда хорошо развито в этой социальной среде. Например, муж работает в государственном природоохранном учреждении, а жена – лидер общественной экологической организации. В конечном счете, несколько таких семей-сообществ создавали нечто вроде корпорации. Два источника ресурсов – зарубежные фонды и региональные администрации – становятся центрами притяжения подобных корпоративных формирований.

Эмиссия энергии распада оказала на первичную эко-структуру двойное воздействие. С одной стороны, растущий поток профессионалов (ученых, студентов), потерявших работу и привычную социальную среду, создавая дополнительное давление на «сетевых акторов», заставил сделать их свои эко-структуры еще более закрытыми. С другой стороны, в ряде случаев эоактивисты охотно используют «бросовый», с точки зрения современного капитализма, научный и человеческий капитал для укрепления своих первичных эко-структур, поскольку он – готовый ресурс.

Схема 26. Типы межличностных связей лидера зонтичной эоНКО в случае государственной экологической экспертизы проекта газо-конденсатного депозитария на полуострове Ямал (1989 г.)

5. Межличностные контакты и экологическая политика

Анализ, основанный на изложенных выше концепциях, дал следующие результаты. Начнем с того, что межличностные связи являются стимулом к возникновению и поддержанию связей между природоохранными организациями. Во-первых, неформальные контакты традиционны для российских зеленых, большинство которых вышло из

студенческих дружин охраны природы 1970-80-х гг. Во-вторых, конкретное «поведение» большинства эоНКО в значительной степени повторяет поведение лидеров этих организаций. В-третьих, причудливая комбинация авторитарного лидерства и дружеских связей характерны не только для экологического, но и других демократических движений «переходного» периода. В-четвертых, личные, часто скрытые контакты российских эоактивистов есть их излюбленный политический инструмент для реализации их давнего лозунга «У природы везде должны быть свои люди». И конечно, как всегда, межличностные контакты дают гораздо более быстрый и весомый результат, нежели межорганизационные.

Посмотрим на эволюцию этих контактов на двух примерах: государственной экспертизы проекта разработки газоконденсатного месторождения на полуострове Ямал (1988-89 гг.) и конфликта вокруг плана подъема уровня Чебоксарского водохранилища (1997).

Во времена проведения названной экспертизы четко очерченных «сетевых акторов» (в указанном нами смысле) еще не было. Участники экспертизы представляли собой некоторое *сообщество единомышленников*, сформировавшееся при появлении государственного заказа (экспертиза проводилась недавно созданным тогда Министерством охраны природы РФ). Поэтому данный заказ послужил стимулом к формированию такого сообщества именно на основе межличностных связей в различных министерствах и общественных организациях. Членов сообщества объединяло общее чувство экологической солидарности, озабоченности людей, заинтересованных в охране природы. Отсюда профессиональное разнообразие этого сообщества и партнерские взаимоотношения его членов (в состав экспертной комиссии входили ученые – теоретики и практики), общественные деятели, преподаватели, активисты экологического движения, работники заповедников и заказников. Были установлены двусторонние контакты между учеными и практиками, чиновниками и волонтерами, членами новых и старых государственных и общественных организаций, работниками центра и представителями периферии. Дух взаимного уважения и доверия отличал общение молодых активистов и профессионалов преклонного возраста, поскольку их объединяли общие ценности и общий язык.

В целом для периода формирования экологической политики в СССР в конце 1980-х гг. для лидеров экологического движения были характерны следующие типы межличностных интеракций: (1) кооперация между единомышленниками – учеными и эо-активистами; (2) тесное взаимодействие со СМИ; (3) конкурентно-кооперативные интеракции с чиновниками упомянутого министерства; (4) антагонистические связи с ведомством, которое разрабатывало план газоконденсатного

месторождения; (5) тесные контакты с лидерами местных гражданских инициатив.

Десять лет спустя картина была уже иной. Сообщество российских эо-активистов *трансформировалось в четко очерченную сеть эо-структур («мастерских»)*, каждая – с явно выраженным ядром. Контакты тех, кто в них входил, были дифференцированы в соответствии с рассмотренными выше критериями «включения – обособления» и «баланса ресурсов». Мобилизация ресурсов стала базовой функцией для всякого «сетевого актора». Поэтому его члены целеустремленно и настойчиво формировали сети межличностных связей, необходимых для обеспечения своих эоНКО информационными и другими ресурсами. Так, в случае конфликта вокруг Чебоксарского водохранилища подобные связи устанавливались с Департаментом охраны природы областной администрации, Международным социально-экологическим союзом, биологическим факультетом Нижегородского университета, с Дружиной охраны природы того же университета и экологическим центром «Дронт», главной зонтичной организацией Нижегородских зеленых.

Ядро экологических общественных организаций состояло из нескольких лидеров, тесно связанных между собой общими ценностями, участием в общих кампаниях, а главное – своими корнями в природоохранном студенческом движении (своего рода аналог «an old school tie», принципа, распространенного в Англии). Это ядро занимало влиятельные позиции в основных сферах формирования региональной экополитики, таких, как упомянутый Департамент, региональный Комитет охраны природы (орган Госкомприроды), а также в таких крупнейших российских эоНКО, как Социально-экологический союз и Центр охраны дикой природы.

6. Контакты формальные и неформальные

Как показало исследование, число неформальных (личных) контактов в четыре раза превышало количество тех, которые были установлены эоактивистами от имени своих организаций. Что было вполне логичным, поскольку, кроме всего прочего риск обмана, получения ложных сведений или утечки критически важной информации здесь был минимален. Неформальные контакты присущи подобным кланово-корпоративным сообществам: они взаимовыгодны, следовательно, совокупный социальный капитал эо-структуры не снижается.

Рассмотрим теперь межперсональные сети с ресурсной точки зрения. Связи с зелеными и другими НКО наши респонденты отмечали в два раза чаще, чем с государственными. Иными словами, для эоактивистов родственные и даже «нейтральные» общественные организации

представляли предпочитаемый источник мобилизации релевантных ресурсов. Кроме того, поскольку информация есть один из ключевых ресурсов хранителей природы, они интенсивно используют *тактику инфильтрации* (в государственные учреждения), причем стратегически важная для них информация добывается исключительно по личным каналам. Наконец, информация, полученная по официальным каналам, часто абсолютно нерелевантна, то есть ее нельзя «конвертировать» для использования в коллективном социальном действии. Напротив, информация, аккумулированная в базах данных российских эоНКО, равно как и в руках их зарубежных партнеров, гораздо более детализирована, релевантна по структуре, в общем – практически готова к немедленному употреблению.

Ресурсы-для-себя и ресурсы-для-организации подчас трудно разделить – во многих случаях это просто невозможно было сделать. Некоторое преобладание личностного накопления ресурсов объясняется тем, что моими респондентами были главным образом лидеры эоНКО, которые обязаны знать больше и видеть дальше. Кроме того, сам факт их лидерства требовал интенсивного накопления ими информационных и других ресурсов. В целом, вооруженный компьютером (с модемом) активист есть сегодня наилучший контейнер необходимой для социального действия информации. Конечно, в одних случаях это так, тогда как в других «сетевая» аккумуляция информации является более эффективной. Главное, что внутри эо-структуры эти потоки легко переключаются и комбинируются.

Наконец, если мы посмотрим на структуру сетей «треугольника», во многом определяющего характер принимаемых эополитических решений (региональная администрация, научное сообщество и эоНКО), то получим следующую картину: число интеракций между членами различных эоНКО в два с половиной раза больше, чем с персоналом региональной администрации, и в четыре раза выше, чем с учеными. Это опять же объяснимо: в первом случае мы имеем дело со связями взаимной поддержки и обмена взаимовыгодными ресурсами, тогда как в двух последующих случаях это интеракции конфликтного или конкурентного типа, требующие затраты собственных ресурсов социальных акторов.

7. Ядро или элита?

В этом параграфе я рассмотрю сети, связанные с внутренней политикой эоНКО, то есть с политикой его ядра по отношению к остальному движению.

Внешне российское экологическое движение представляет собой слабо структурированное образование, состоящее из эоНКО и других

независимых ячеек. В действительности, внутри этой аморфной структуры всегда есть некоторый «главный» актер. Это *бюрократическое ядро* (с хорошо оснащенной эко-структурой), которое занимает по всем параметрам привилегированную позицию по отношению ко всему движению. Под привилегиями здесь имеется в виду политические, информационные и финансовые ресурсы, которые концентрируются в руках лидеров-бюрократов, занимающих стратегические высоты в российском экологическом движении.

Чтобы проявить это ядро, обратимся к анализу перекрестного членства лидеров экоНКО в сети организаций, которые в совокупности представляют собой, на наш взгляд, нечто вроде «индустрии социального движения» (Zald and McCarthy, 1987). Перекрестное членство позволяет этим лидерам контролировать ресурсные потоки и вырабатывать общую экополитическую стратегию.

Рассматривая лидеров движения в качестве единиц анализа и используя такие источники, как списки членов директората движений, общественных, экспертных и консультативных советов при финансовых, издательских и других организациях, списки советников при частных и общественных фондах и т.п. (всего было изучено более 100 таких единиц), мы попытались определить круг лиц, составляющих, по нашему мнению, элиту природоохранного движения в России конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Результаты получились следующие. В течение многих лет пять человек занимают наивысшую ступень, являясь членами более 80% организаций из их общего списка; 10 человек являются членами около 50% и 15 – около 25% организаций того же списка. Этот «*внутренний круг*» ЭД обладал доминирующими или, по крайней мере, очень влиятельными позициями в основных сегментах его «индустрии» – фандрайзинге и распределении ресурсов, связях с влиятельными персонами во властных структурах и СМИ, а также в рекрутировании постоянного персонала экоНКО. Это ядро состоит из высокообразованных (главным образом биологов) активистов, преимущественно мужчин (35-45 лет), обладающих большим опытом руководства общественными организациями, ранее входившими в состав молодежного экологического движения СССР/России.

Одновременно этот «внутренний круг» являет собой авангард современного экологического движения, во всяком случае его главного – природоохранного – крыла. Этот круг определяет его внешнюю и внутреннюю политику, в частности потому, что его члены в три раза чаще, чем рядовые активисты, являются (постоянно или временно) одновременно чиновниками в государственных (федеральных или региональных)

организациях. Это ядро не обязательно имеет одного лидера и не слишком заметно для рядовых членов движения. Показательно, что даже те, кто покинул ядро, почти никогда не выпадают из списка дюжины ведущих неформальных эоополитиков.

8. Заключение

Сети межличностной коммуникации и ресурсного обмена играют сегодня ключевую роль в сохранении и развитии эоНКО и движения в целом. В ходе их межличностного обмена, равно как и взаимодействия с социальным и политическим контекстом, постепенно сформировалась новая форма коллективной жизни и социального действия – «сетевой социальный актор», опорной ячейкой которого является первичная эо-структура.

Эта форма организации коллективной жизни позволяет членам эоНКО и экологического движения одновременно наиболее эффективно накапливать и рационально использовать их социальный капитал, организовывать коллективные действия, направленные на улучшение экологической ситуации, а также защищаться от избыточного давления социальной среды. Возникновение и развитие «сетевых социальных акторов» и их несущих структур стало возможным лишь благодаря использованию современных информационных технологий.

Мотивационной основой для формирования этих специфических социальных субъектов и их опорных структур явились, с одной стороны, личностные устремления активистов к интересной, социально насыщенной и вместе с тем относительно обеспеченной жизни, а с другой – растущее отторжение российскими эоактивистами целей и ценностей строящегося в России капиталистического общества. В итоге, эти активисты создали свой, достаточно обособленный мир жизни, опирающийся на межперсональные сети транснационального масштаба.

Поскольку в условиях отчужденного контекста этот коллективный актор не только живет и действует в условиях перманентной мобилизации, но и периодически вынужден предпринимать экстра-усилия для достижения своих целей и самосохранения, нами было введено различие между его обычным и целевым мобилизационным состояниями. Первое в названных условиях стало практически нормой жизненного процесса российских эоактивистов, тогда как второе означает тотальную мобилизацию всех ресурсов, имеющихся у них в наличии.

Соотношение между первичной эо-структурой как формой организации жизни межперсонального сообщества зеленых, эоНКО и движением в целом достаточно подвижно. В одних случаях «границы» эо-структуры (или их группы) и эоНКО практически совпадают, в других – названные структуры представляют собой неформальные «клубы»

нескольких эоНКО, в третьих – одна такая структура является элитарным ядром движения в целом, в четвертых – подобные структуры, глубоко проникая в ткань государственных организаций, выполняют роль некоторого «моста» между ними и движением.

Последнее особенно важно, поскольку в условиях неблагоприятного политического контекста и низкой озабоченности общества экологическими проблемами межличностные сети российских зеленых и их несущие структуры остаются одним из немногих каналов политического влияния. Неформальные связи зеленых во властных структурах строятся на доверии и взаимопонимании и, как правило, не сопровождаются утечкой информации и других ресурсов. К сожалению, этот процесс личностной инфильтрации российских зеленых во властные структуры всегда содержит риск поглощением первых вторыми.

Наконец, именно посредством межперсональных связей и поддерживающих эо-структур элита экологического движения осуществляет свою внутреннюю политику. Эти элитарные сообщества играют решающую роль в определении стратегии и тактики движения, в формировании его исполнительных органов и рекрутировании их постоянного персонала. Однако нередки случаи, когда эти элитарные сообщества вырождаются в «аппаратные» структуры, работающие лишь на самосохранение.

Глава 7. Мобилизационный потенциал природоохранных сетей в условиях экокатастрофы*

1. Постановка вопроса

Экокатастрофы, если их понимать достаточно широко, как постепенное или внезапное, но в обоих случаях разрушительное воздействие природных катаклизмов или техногенных аварий на человека и среду его обитания - явление, распространенное в новейшей истории (Perrow, 1984). Чем больше человек своей деятельностью превращает естественную среду в социобиотехническую систему, тем больше сил и ресурсов требуется на ее поддержание, профилактику, что однако не гарантирует человека от аварий и катастроф. Однако история знает также катастрофы другого рода, затягивавшиеся на десятки лет, как это было, например, в XVI-XVII веках на Руси, когда голод и холод сначала демобилизовали население, а потом началось «смутное время» крестьянских восстаний и бунтов (Ключевский, 1988: 5-102; Яницкий Н.Ф., 1915).

Как писал об этом периоде русской истории В.О. Ключевский, «Тревоги смутного времени разрушительно подействовали на политическую выправку этого общества; ...все общественные состояния немолчно жалуются на свои бедствия, на свое обеднение, разорение, на злоупотребления властей..., о чем прежде терпеливо молчали. Недовольство становится и до конца века останется господствующей нотой в настроении народных масс. Из бурь Смутного времени народ вышел гораздо более впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде, утратил ту политическую выносливость, какой удивлялись в нем иноземные наблюдатели XVI века, будучи уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства... XVII век был в нашей истории веком народных мятежей» (Ключевский, 1988, Т. 3: 84). Еще одно

* Глава написана при поддержке РГНФ, грант № 11-03-00267а

принципиальное соображение: «Рекреационный процесс (здесь – процесс обновления, восстановления – О.Ян.) не тождественен ни “возрождению”, ни торжествующему “движению” вперед. К тому же он протекает поэтапно; не случайно после Смуты страна долго содрогалась от внутренних и внешних неурядиц, бунтов, войн, за которыми последовало крепостничество». «Рекреационный процесс получает преобладание тогда, когда “человек толпы” соглашается на роль существа, ведомого государством...» (Булдаков, 2007: 103, 104). Понятно, что речь идет о «рекреации вертикальной», которая увеличивает потенциальную опасность возникновения кризисов и катастроф.

Как было сказано выше, российское общество пребывает сегодня в состоянии всеобщего (всеохватывающего) риска. Его наиболее существенными характеристиками являются:

- производство рисков, в том числе экологических, становится выгодным; то есть, чем меньше индивиды и группы интереса подчиняются природоохранным законам, тем большую прибыль они получают;
- в конечном счете, российское общество разделяется на риск-производителей и риск-потребителей. Однако неконтролируемое производство экологических рисков порождает эффект «бумеранга»: экологических аварий и катастроф становится все больше, а их масштаб возрастает;
- границы России как социума становятся все более прозрачными. Они проницаемы для потребительской идеологии, чуждой российской культуре западной массовой культуры, равно как и для трафика наркотиков, контрабандного товара и оружия; границы российского социума столь же проницаемы для вывоза капитала и расхищения национального богатства;
- в течение последних 20 лет вследствие перехода от плановой экономики к «рыночной» социально-функциональная структура российского социума подвержена перманентной реструктуризации. Целые отрасли промышленного и социального производства вместе с их инфраструктурой ушли в небытие, огромные территории и оставшиеся на них люди оказались исключенными из общественного процесса. Понятие «вмещающего ландшафта» более не релевантно нынешней ситуации в российском социуме. Россия превращается в пространство неконтролируемых транснациональных потоков;
- процессы социального распада и выделения негативной социальной энергии (терроризм, преступность, этнические конфликты, локальные войны, потоки вынужденных переселенцев, рост числа алкоголиков, наркоманов и других носителей социальных болезней; эмиграция носителей интеллектуального капитала и т.д.) продолжаются;

- несущая способность социобиотехнических систем многократно превышена: все большие территории являются по существу непригодными для жизни, а среда обитания из поглотителя рисков превращается в их производителя;

- продолжается и деградация технических систем, созданных еще в советское время. Порожденные ими природные и техногенные катастрофы следуют одна за другой;

- всеохватывающая коррупция подавляет деятельность государственных и гражданских структур охраны природы, а продолжающееся укрепление властной вертикали разрушает экоНКО и другие формы самоорганизации гражданского общества, занятые охраной природы и восстановлением пораженных природных экосистем.

Все эти риски, рассеянные по «общественному телу» и одновременно пронизывающие его, периодически «прорываются» действительными экологическими и социальными катастрофами (Цепилова, 2002; Яницкий, 2003, 2004а, 2008; Yanitsky, 2000, 2010). Совокупность названных факторов в отношении экомобилизации имеет двоякое значение. С одной стороны, их давление на человека, его психику и возможности общественного участия, ограничивает его про-экологическую активность. С другой, сами катастрофы, если они не носят тотального характера, мобилизуют население и организации на помощь пострадавшим и защиту природы.

Катастрофы редко бывают чисто природного характера, хотя гипотеза русского ученого А.Л. Чижевского (1897–1964) о влиянии солнечной радиации на поведение животных и людей и шире – на человеческую историю, отнюдь не опровергнута (Чижевский, 1976: 8).

Сегодня засухи, наводнения и ураганы все чаще являются близкими или более отдаленными последствиями действий, спланированных человеком, как например, уничтожение Аральского моря или затопление миллионов гектар лесов и пойменных земель для строительства каскада гидростанций на Волге и Ангаре. В результате этих масштабных нарушений природных экосистем изменяется практически все: численность и характер населения, формы его занятости, состав флоры и фауны, гидрогеологический режим и, конечно, сам климат в регионе. Скорость течения Волги уменьшилась в 50 раз! Принципиально важно то, что это были также политически сконструированные экокатастрофы, потребовавшие мобилизации огромных людских и материальных ресурсов. Вред этих планов сегодня очевиден, но до сих пор никто не может подсчитать кредит-дебет «великихстроек коммунизма», то есть соотношения единовременно вложенных ресурсов и полученного долговременного позитивного и негативного эффекта с учетом расходов на

поддержание гидротехнических и иных сооружений в рабочем состоянии. То же было со строительством Ассуанской плотины на Ниле, которая, дав поначалу взрывной положительный экономический и социальный эффект, с годами съела не только его, но теперь ежегодно требует дополнительных вложений на мелиорацию и поддержание нищающего населения.

В одних случаях, как это было во время строительства каскада электростанций на Волге, эта рукотворная катастрофа разрушила сотни малых городов и деревень, лишив их жителей средств к существованию и привычного уклада жизни. Насильно согнанные с насиженных мест, переселенцы никогда уже не могли восстановить свой человеческий и социальный потенциал, а часть их них просто становилась людьми «перекати-поле» или «лишними людьми». В лучшем случае они становились просто рабочими руками, которых всегда не хватало в СССР, и поэтому их вербовали на освоение целины, на БАМ и другие «великие стройки коммунизма». В других местах, как на Арале, шло медленное умирание, распад хозяйств и опустынивание огромных территорий. Официальные СМИ молчат о том, что нынешнее силовое «внедрение» капитализма привело к гигантской ломке экосистем: одни территории, ранее культивированные, ныне зарастают и дичают, другие подвержены опустыниванию, ветровой и водной эрозии.

Так или иначе, если государство само является источником катастрофы, оно обязано реагировать, отвечать на нее. Но возможности мобилизация сил для ликвидации ее последствий после распада СССР сокращались. В постсоветские времена государственные службы наблюдения, оповещения и помощи природе и пострадавшему населению слабели и разрушались. В любом случае, экокатастрофа требует мобилизации людских и материальных ресурсов, и вопрос заключается в том, как они организованы и чем снабжены. Сегодня силы и средства для оказания помощи пострадавшим сконцентрированы практически в одном ведомстве: Министерстве по чрезвычайным ситуациям. Но, как оказалось, ни для реабилитации людей, ни для реабилитации природных экосистем этого недостаточно.

Схема 27. Активность экоНКО на разных этапах экологической катастрофы

2. Мобилизационный потенциал гражданского общества

Под мобилизационным потенциалом гражданского общества, включая его природоохранные структуры и сети, я имею в виду его способность собрать силы и средства для своевременного предупреждения экокатастрофы и помощи пострадавшим от нее в максимально короткие сроки. Как отмечалось выше, эти сроки диктуются не только наличием социальных и материальных ресурсов, но прежде всего характером самой катастрофы, ее (часто непредсказуемым) развитием и расширением зоны поражения.

В относительно спокойные периоды этот потенциал гражданского общества находится в состоянии «потенции к мобилизации», а иногда и вовсе отсутствует (находится как бы в спящем состоянии). Весь период советской власти можно назвать мобилизационным в том смысле, что любой человек подвергался постоянному скрытому и явному принуждению, поскольку он не был свободен распоряжаться самим собой, своим временем и ресурсами. Так или иначе, я полагал целесообразным ввести различие между *обычным* (рутинным) и *целевым* мобилизационным состоянием. Готовность вообще и готовность к действию в специфических условиях места и времени при наличии ограниченных ресурсов – не одно и то же. Первое в нынешних условиях уже стало нормой жизненного процесса, тогда как второе предполагает тотальную мобилизацию всех имеющихся в наличии ресурсов.

Мобилизационный потенциал добровольцев и общественных организаций в период экологических и техногенных катастроф зависит от степени демократичности общества, развитости его гражданских институтов. Чем демократичнее общество, тем выше, как правило, потенциал безвозмездной помощи, которая может быть направлена пострадавшим рядовым гражданам, их сообществам и на восстановление привычной среды обитания. Об этом свидетельствует история России XX века: в ее первые два десятилетия (предреволюционное и послереволюционное) существовали сотни добровольческих и благотворительных организаций (Степанский, 1980, 1982; Мардарь, 2008, 2008а, 2009), с успехом помогавших государственным службам спасения и реабилитации.

Чаще всего российское общество имело дело с локальными экокатастрофами, которые требовали мобилизации ресурсов в ограниченном географическом ареале (последствия извержения вулкана, пожара, урагана, местного недорода зерновых культур). Однако были и такие, которые требовали мобилизации сил и ресурсов, как государства, так и общества. В конце XIX—начале XX вв. голод и эпидемии захватывали огромные районы, где требовалась мобилизация также и международной помощи. Возникали такие международные организации, как МежРабПомРусь, Нансеновские сообщества и т.д. Данная глава ограничена анализом современных примеров мобилизации сил и ресурсов гражданского общества для решения локальных и/или региональных задач с применением современных информационных технологий. Как отмечалось, эти экокатастрофы и мобилизация гражданских сил для их ликвидации рассматриваются как «репетиция» катастроф будущего, связанных с аномальными климатическими явлениями и продолжающимся распадом природоохранных структур, созданных еще в советское время.

3. Некоторые вопросы теории

Катастрофа – это внезапное и резкое обычно угрожающее жизни изменение среды обитания. То есть катастрофа – это актуализация средового риска, средовой риск в действии. Несмотря на существующие сегодня средства предупреждения о возможности катастрофы, резкие изменения состояния среды обитания в ходе ее развертывания бывают столь значительными, что могут потребовать мобилизации сил и средств для спасения природных и социальных сообществ, а также многого того, что в обычной жизни кажется людям несущественным, особенно если они находятся далеко за пределами района поражения.

Экокатастрофа – *социальное явление*. С одной стороны, потому, что конструктивная мощь человечества настолько возросла, что Биосфера начинает терять свою устойчивость (sustainability). С другой, потому что зоны повышенного риска (АЭС и ГЭС, предприятия, добывающие природные ресурсы, склады вооружений и боеприпасов, предприятия химической и атомной промышленности и т.д.) все расширяются, люди привыкают к соседству с ними или вынуждены с ним мириться ради хлеба насущного и не обращают внимания на предупреждения о грозящей опасности, на необходимость четкого соблюдения норм технической безопасности и т.д. Катастрофа, если не приняты превентивные меры, – *непредсказуемое* явление со столь же *непредсказуемыми* последствиями. Как уже неоднократно отмечалось, торфяники вокруг Москвы горели почти каждый год, но потребовалось сочетание нескольких погодных, технологических и социальных условий, чтобы они из «домашнего риска», вроде злой собаки на цепи, превратились в стихийное бедствие, требующее *срочной мобилизации* сил и ресурсов. То есть в каждом человеческом сообществе формируется *порог восприятия*, за пределами которого потенциальный риск начинает восприниматься как реальная угроза для жизни всего живого. Иными словами, экокатастрофа – явление также и *культурное*. Во многих регионах страны такие катастрофы воспринимаются как «Божья кара», как «наказание за грехи наши». Не только в глухой провинции, но и в столице отслуживаются молебны за ниспослание дождя и т.п. обряды. Наконец, есть множество зон уже состоявшихся катастроф (Чернобыль, Маяк, Саяно-Шушенская ГЭС), о возникновении которых ученые и активисты предупреждали, но к которым власти и бизнес практически не готовились, и теперь речь идет лишь о более или менее длительном периоде реабилитации населения и среды их обитания.

«Изменения <в окружающей среде> могут быть медленными и предсказуемыми до тех пор, пока позитивная обратная связь и некоторая критическая точка (tipping point) не сойдутся. Тогда изменения станут быстрыми, необратимыми и возможно разрушительными...<Поэтому>

проблема не столько в самой природе, сколько в характере среды, которая создается взаимодействием человеческой деятельности и природной динамики» (Murphy, 2010: 3). Почему люди часто оказываются не готовыми к катастрофе и мобилизации? Мэрфи это объясняет таким образом: «Реальная проблема состоит в том, что люди не хотят признавать, что они живут постоянно в условиях опасности и должны предпринимать что-то, чтобы защитить себя... Предиспозиция к нормальности и нежелание воспринимать опасную ненормальность, которая окружает наш комфортабельный образ жизни, характерна не только для простых людей, но и для экспертов и организаций» (Murphy, 2010: 163). Еще одно важное соображение: интенсивность, охват и продолжительность катастрофы являются критическими факторами в отношении возможности смягчения (mitigation) ее вреда и последствий. Однако, как выяснилось, не предупреждения ученых и соответствующих служб мониторинга, а *ожидания лиц, принимающих решения*, явились критическими элементами для избежания, смягчения или, напротив, разрастания последствий катастрофы» (Murphy, 2010: 168 – выделено мною, О.Ян.).

Следует отличать экокатастрофу от рискогенной среды обитания (среды повышенной опасности), к которой люди привыкли и умеют избегать подстерегающих их опасностей. Самый распространенный пример, это стационарный подледный лов рыбы или ее лов по льду весной, когда он уже тонок, и есть опасность оказаться на оторвавшейся льдине в открытом море. В подобных случаях люди сознательно идут на риск, полагаясь на случай, что «прибыток» перевешивает возможную опасность. Экокатастрофа также отличается от ситуации превышения несущей способности экосистемы, когда она из поглотителя рисков, произведенных человеком, превращается в их накопителя и распространителя, а главное, что эти риски, *мигрируя в среде*, изменяются, химически трансформируются, многократно увеличивая свою вредоносную силу. Это, пожалуй, самый опасный вид экокатастрофы, поскольку ни убойная сила некоторого нового, например, химического соединения, ни место и время его выхода на поверхность и распространения на обширные территории очень трудно определить. Это – *рассеянная катастрофа*. Так, лесные пожары в Брянской области, леса которых до сих пор хранят следы заражения радионуклеидами, порожденного Чернобыльской катастрофой, при наличии сильного ветра могут значительно расширить зону радиоактивного поражения.

Теоретически, когда катастрофа все же случается, человек мысленно выстраивает ряд «фреймов», то есть общую картину критической ситуации (главный фрейм), почему и какими средствами надо осуществлять мобилизацию сил и ресурсов (мобилизационный фрейм) и систему

организационных мер по минимизации имущественного ущерба и/или оказанию помощи пострадавшим (логистический фрейм). Проблема в том, что эти фреймы имеют смысл и действенны лишь тогда, когда характер и масштаб катастрофы поддается «вычислению». Но аномальная жара и переменчивый сильный ветер летом 2010 г. во множестве регионов страны опрокинули все расчеты спасателей и местной власти.

Теперь – о *типах* мобилизационных состояний человека и сообщества. Их я выделяю четыре. Первый – это мобилизационное состояние человека и гражданина как *социальная норма*, более того, как необходимая предпосылка для развития человека и накопления его социального и культурного потенциала. То же относится и к гражданскому сообществу (группе, общественному движению), в которое он входит. Если нет внутренней мобилизации, концентрации, сосредоточенности на некоторой проблеме, то нет и социально значимого результата, то есть инновации и модернизации. В просторечии это именуется сосредоточенностью и целеустремленностью. Когда Ч. Дарвина спросили, как он смог добиться столь выдающихся успехов, он ответил: «Я обладал способностью очень долго думать об одном предмете». Собственно говоря, на такой нормальной социальной мобилизации держится вся творческая деятельность человечества.

Второй тип – это *мобилизующее знание*, то есть знание, что ты или сообщество находятся в зоне повышенного риска. Этот риск может быть природный или социальный, когда предстоит столкновение (идеологическое или непосредственное) с потенциальным противником. То есть это *личная* и *групповая* мобилизация интеллектуальных сил и средств и их нацеленность на решение возможного конфликта или предотвращение катастрофы. Здесь тоже есть специфика. Одни ресурсы можно мобилизовать легко, почти автоматически (например, заглянув в собственный компьютер), другие можно получить тоже быстро, но *в обмен на ресурсы другого* человека или организации (Della Porta and Diani, 2006). Третьи можно только купить или достать, то есть, затратив средства и время (напомню, что здесь время катастрофы – критический фактор). Так или иначе, чем теснее индивид связан сетями с другими себе подобными, тем быстрее и с меньшими затратами эти барьеры преодолеваются. Еще один важный индивидуальный ресурс – это обращение к знаниям и опыту прошлого, то есть к опыту старшего поколения (экспертов, экоактивистов и местного населения). Наши исследования показали, что в данном конкретном случае (тушение лесных пожаров) эти знания (двадцати- и даже пятидесятилетней давности) ничуть не устарели, они были просто отброшены и забыты, превращены в «отходы» самим ходом развития современного капитализма в России. Позволю себе методическое замечание в адрес социологов, которые будут

изучать грядущие катастрофы: никогда не следует опрашивать на месте официальных лиц, задействованных в ликвидации катастрофы, – они никогда не скажут правды или всего, что знают: страх потерять место и должностные инструкции им этого не позволяют (что и подтвердила катастрофа в Японии). Чтобы выяснить, как все было на самом деле, разговаривайте с уволенными, отставниками, в общем – с чиновниками, уже выброшенными из властных структур.

Третий тип – это *готовность к мобилизации*, когда уже не только отдельный индивид, но и его сообщество, знает, что экокатастрофа весьма вероятна, надвигается. Здесь уже происходит частичная или полная мобилизация *доступных* ресурсов, актуализируются информационные связи и запасники ресурсов. Я называю это *групповой* мобилизацией или солидарной готовностью к действию. Специфика здесь та же: люди готовятся к стандартному сценарию развития событий, а последние могут повернуться непредсказуемым образом. Но главное здесь *неизбежный конфликт* между уровнями властных структур. Мерфи приводит прекрасный пример конфликта между муниципальным и региональным чиновниками по поводу борьбы с ледяным штормом (очень похожим на наши ледяные дожди) и его последствиями. Каждый чиновник отстаивал правильность своих действий в экстремальной ситуации, руководствуясь должностными инструкциями и знанием ситуации «сверху» и «снизу». В то время как глава автономного района Монреаль настаивал, что он должен держать все рычаги управления борьбы со стихией в своих руках, главы муниципальных образований, входящих в этот автономный район, отводили его главе роль лишь общего координатора спасательной операции, настаивая на праве муниципалитетов действовать по обстановке. «У них свои проблемы, у нас – свои» (Murphy, 2010: 210-29). И это было действительно так, потому что каждый уровень местной власти имел свои каналы информации и быстрого доступа к ресурсам, нужным для спасательных работ: у одних под боком были военная и пожарная части, у других нет. Подобный конфликт типичен и для наших условий, например, для ситуации в поселках городского типа на юге Московской области.

Наконец, четвертый тип – это *мобилизационное действие* уже как таковое, когда катастрофа уже свершилась (или идет), и требуется весь комплекс усилий, о которых речь шла выше. Но отличие этой, последней стадии в том, что мобилизоваться могут не только люди, непосредственно затронутые катастрофой, но и все, кто ею затронут *морально*, кто мотивирован к добровольному участию в ликвидации катастроф самим фактом их существования. То есть ареал мобилизации сил и ресурсов благодаря интернету резко расширяется. Естественно, что подобная мобилизация происходит, прежде всего, в *виртуальном пространстве*. Что

ни в коей мере не исключает солидарных действий местных активистов и «виртуально мобилизованных» акторов.

Здесь есть одна интересная закономерность. Не все мобилизованные суть экоактивисты, но все участники ликвидации катастрофы на время становятся таковыми. Потому что сам характер действий по ликвидации заставляет их быть в той или иной степени подчиненными воле лидера (организатора), отдавать время и ресурсы на общее дело, быть междисциплинарными и «многорукими», то есть выполнять множество самых разных обязанностей. И как показали исследования, этот *опыт «экосистемного действия»* никуда не исчезает, не уходит, а напротив, применяется уже в совсем других социальных и политических ситуациях.

4. Структура сетей в условиях мобилизации

Как уже было сказано, мобилизация сил и ресурсов для борьбы с катастрофой, неизбежно порождает активизацию сложившихся сетей и формирование новых, зависящих от места, времени и масштаба экокатастрофы. Если распад как деструктивный процесс представляет собой превращение социальных ресурсов гражданского общества в «отходы», то мобилизация ведет к повышению уровня организованности коллективного социального актора, который впоследствии может послужить восстановлению несущей способности экосистем. Мы отмечали также, что структура сетей гражданского общества зависит от коридора политических возможностей, создаваемого властными структурами и международным контекстом.

Но есть и обратная связь: в случае успешной мобилизации гражданских организаций и их сторонников они сами расширяют, раздвигают структуру их политических возможностей. Можно выделить шесть таких ступеней расширения:

- доступ экоактивистов к публичной арене, то есть их доступ к институциональным сетям политического участия (общественные экспертиза и слушания, судебные процессы);
- участие в формировании «повестки дня» ликвидации последствий экокатастрофы, включая возможность доступа лидеров и экспертов экологического движения и экоНКО к процессам пересмотра федерального законодательства;
- респонсивность властных структур, когда они соглашаются обсуждать предложения экологических и других гражданских организаций;
- результативность тех же структур, то есть внесение в природоохранное законодательство изменений, предложенных экологическими организациями;

- «воздействие», то есть когда изменения, внесенные в природоохранное и иное законодательство по инициативе экологических организаций, начинают реализовываться на практике через систему подзаконных актов и должностных инструкций; увеличение числа специалистов в области охраны природы, их переобучение и т.п.;

- «партнерство», когда государственные и гражданские организации начинают действовать совместно. Применительно к «рутинному» процессу принятия экологических решений мною были выявлены такие его фазы: нормальная, селекции, мобилизации, собственно принятия решения и его реализации (Яницкий, 2002: 238–44), поэтому здесь я не буду на них останавливаться.

Чем характерна сетевая структура «нормальной» фазы природоохранного действия и чем «мобилизационная»? В современных российских условиях эти две структуры практически публично не пересекаются вследствие не только идеологических предпочтений власть предержащих и оппонирующих им гражданских организаций, но и потому, что структурно они построены по разным принципам: вертикальному и горизонтальному, отраслевому и бассейновому, указаниям «сверху» и самоорганизации «снизу». Различен и характер функционирования этих сетей. Поэтому, если в условиях «нормальной» фазы они и пересекаются, то – «антагонистически», как два противоположно направленных потока, когда, например, государство и его силовые структуры блокируют доступ зеленых к публичной арене и, прежде всего, к СМИ. Российские СМИ не мобилизуют и не учат рефлексии. Напротив, они отвлекают и наркотизируют. В результате, за полвека своего существования российские экологисты создали свой, достаточно обособленный мир, опирающийся на межперсональные сети доверия и взаимопомощи. В этой обособленности есть свои плюсы и минусы, но то, что экоактивисты и экологически обеспокоенные граждане свою сеть сохранили и развили, это – факт. Теперь, видимо, наступает этап их использования для принятия про-экологических политических решений.

Что же происходит, когда экологическая катастрофа уже случилась? Во-первых, внутри всего множества экологических групп и объединений формируются *виртуальные ядра мобилизации*, то есть ее виртуальные коллективные лидеры. Причем важно, что такие ядра, как это было в случае со строительством Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), а позже в случае аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, могут возникать и вне экологического движения. По поводу БЦБК озаботились, прежде всего, ученые СО АН СССР, а по поводу аварии на ГЭС – это было интернет-сообщество праворульных автомобилистов. В рассмотренных выше случаях (пожары, наводнения) экоНКО играли тоже не первую скрипку. Скорее,

лидерами становились рядовые граждане как специалисты (*expert-citizens*), то есть непосредственно затронутые катастрофой. Здесь на первое место вышли именно сочувствующие и неравнодушные люди вообще, такие, как Доктор Лиза (сегодня она уже руководитель благотворительного общества), организовавшая сеть первой помощи погорельцам и пострадавшим. Но не только. Например, ученые, которые действуют по принципу «следуй за актором», собирают и мобилизуют локальное знание с тем, чтобы помощь, идущая «сверху», была адресной, точечной. «В этом случае профессионал действует как программист, как человек, способный мобилизовать ресурсы, как консультант – и все это делается для организации процессов обучения и исследования, которые позже смогут вести сами жители» (Fisher, 2003: 184). Наконец, это были сами пострадавшие жители, которые лучше других знали, какие связи и ресурсы нужно сохранить во что бы то ни стало.

Во-вторых, эти виртуальные ядра мобилизации стали одновременно *мостом* между активистами-добровольцами и пострадавшими с целью обмена срочной жизненно важной информацией. Возникла виртуальная «скорая помощь». В отличие от обычной, «наземной», она отзывалась практически мгновенно на любой крик о помощи. В-третьих, эта сеть приобрела двойную *горизонтально-вертикальную* структуру с обратной связью: она собирала информацию с мест и транслировала ее «наверх», то есть в ядро, а оно, перерабатывая ее, – снова распространяла эту информацию горизонтально по всем тем адресам, где требовалась срочная помощь. Тем самым, в-четвертых, эта сеть постоянно расширялась, как за счет интернета, так и «сарафанного» радио. Его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, поскольку оно одновременно играло роль и канала информации, и среды ее интерпретации в соответствии с местной культурой и конкретными условиями катастрофы.

В-пятых, эти ядра неотложной помощи стали выполнять функцию *посредника* между очагом катастрофы и всем миром, что естественно резко увеличило ареал возможностей мобилизации самой разной помощи пострадавшим. В-шестых, эта мобилизационная сеть создала эффект мультипликации, породив на местах новые ядра помощи пострадавшим, как в уже известных, так и новых очагах катастрофы (известно, например, что опыт сайта Доктора Лизы был использован в Сибири и на Дальнем Востоке, а позже – при акциях протеста в Москве). Не менее существенно, что при помощи сетей научные знания трансформировались в политически мобилизующий ресурс. Здесь позитивную роль сыграли социологи и политологи, сотрудничавшие с экоНКО (Халий, 2000, 2004; Яницкий, 2004).

В-седьмых, эта сеть *экстренной помощи* резко отсекала все виды болтунов и других посторонних, хотевших нажать политический капитал на несчастья людей. Это очень важный момент мобилизации, когда сразу

становится видно: «кто есть кто». То есть мобилизация в условиях экокатастрофы четко проявила расстановку сил, о которой говорилось выше. В-восьмых, когда оказалось, что МЧС и другие государственные службы, ограниченные должностными инструкциями, не всегда были способны оказать действенную помощь пострадавшим людям и природе (известны случаи, когда МЧСники, оборонив, то есть окопав какое-то село, сидели без дела, не обращая внимания на горевший рядом лес). В-девятых, экоактивисты и местные профессионалы (лесники и др.) выступили в роли *неформальных лидеров* ликвидации экокатастрофы, обучая служилых людей, что надо и чего нельзя делать в данной ситуации.

В-десятых, хотя реабилитационный после катастрофы период ложится в основном на плечи государственных организаций (лечебных учреждений, коммунальных и социальных служб), очевидно, что без помощи сетей гражданского общества все же не обойтись. Прежде всего, останется и даже обострится проблема характера и распределения помощи пострадавшим. С одной стороны, проблемы и болезни у погорельцев только начнут проявляться (врачи утверждают, что минимальный срок реабилитации – год, максимальный – неизвестен, как и неизвестен объем ресурсов, требуемый для этого). С другой, унифицированные государственные стандарты медицинской и социальной помощи не всегда согласуются с местными условиями. Чрезвычайно острой станет проблема реабилитации, если практически вся медицинская помощь станет платной. Известный нам опыт реабилитации «ликвидаторов» Чернобыльской катастрофы говорит о том, что посредством закрытых должностных инструкций и просто «телефонного права» пострадавшие не получали нужной медицинской помощи или ждали ее годами.

Так или иначе, *конфликты* возникнут, и эти низовые ядра (grassroots), особенно если к тому времени они смогут приобрести статус экоНКО, будут служить в качестве третейского суда (не забудем, что в малых провинциальных городах и деревнях все знают друг друга). Далее, в ходе процессов реабилитации (а они – разные по срокам и требуемым ресурсам) возникнут *новые проблемы* (переселения, обмена или продажи жилья, помещения немощных и престарелых в дома призрения, межевания, закупки скота, птицы, хозяйственного инвентаря). Вполне возможно, что эти и подобные им проблемы обустройства породят *новую волну мобилизации*. Такая встряска, которую испытали жители охваченных пожарами районов, возможно, породит требования населения иметь *больше* права голоса для решения именно этих проблем.

Существует также идея решения всех проблем малых населенных мест России путем создания 20 гигантских городских агломераций, в которых можно будет сосредоточить почти все трудоспособное население

страны. Создание «городских агломераций-миллионников направлено против малых и средних городов. Это позволит власти свободно уйти из зон, которые ей невыгодно поддерживать» (Силласте, 2010: 3). Если этот проект будет реализован и к нему прибавится другой подобный, но уже чисто социальный проект: массового переселения пенсионеров из Москвы в дешевые жилища в отдаленных от столицы областях (Булдаков, 2010: 16), то это будет катастрофа, куда более масштабная, чем пожары и ледяные дожди.

В-одиннадцатых, рискну предположить, что чем дальше, тем более настойчиво в решении проблем локальных и региональных экокатастроф будут вмешиваться и играть все большую роль *международные* НПО. Причины тут разные: кризисные районы уже давно «накрыты» сетью этих организаций и фондов, и нет оснований считать, что они откажутся от своего присутствия в них в дальнейшем. Глобализация и, следовательно, трансграничный перенос загрязнителей лишь придаст легальность этому присутствию. В приграничных районах такие организации могут возникнуть по причине нежелания иметь потенциально опасного соседства (вспомним недавнюю катастрофу на реке Амур, созданную сбросами ядовитых веществ в его приток Аргунь со стороны Китая). Так что уже налаженные во время летних катастроф 2010 г. трансграничные связи совсем не исчезнут, тем более что опыт участия гражданских организаций в такого рода делах, несомненно, будет полезным и для других ситуаций. Наконец, это понятное желание наших западных коллег в отношении выработки общих стандартов спасательской и реабилитационной деятельности. Наконец, в-двенадцатых, некоторая «мобилизация» произойдет и в государственных учреждениях, во всяком случае, экологические организации будут на этом настаивать (см, например, Мардарь, 2007).

5. Выводы

Истощенная и многократно «переделанная» природа предъявила счет России. Ее будущее зависит от достижения «национального экологического согласия». Это – трудный, но необходимый политический и культурный поворот. Экологический консенсус, про-экологическая государственная политика и легальная возможность самоорганизации населения – вот три базовых условия, при которых возможна массовая мобилизация сил гражданского общества на борьбу с экологическими рисками и катастрофами. Теперь – об условиях, касающихся непосредственно экологического движения как главного актора экомобилизации. Во-первых, оно должно обладать способностью к мобилизации, то есть собирать и концентрировать усилия людей и организаций для борьбы с

экокатастрофой. Сегодня многие российские «ядра» экологического движения перестали быть инициаторами и организаторами такой мобилизации. Они превратились в НКО/НПО, то есть фактически перешли в категорию *офисных служб*, участвующих в мобилизационных процессах лишь косвенно (экологическое просвещение, обучение бизнеса работе по международным экологическим стандартам, разработка проектов и программ для правительства, экспертиза и т.д.) или участвующих в процессах мобилизации только на персональной основе.

Далее, экологическое движение должно действовать *публично* (прежде всего, через СМИ и интернет), чтобы его призыв к мобилизации был услышан, увиден и имел *общественный резонанс*. Особое значение здесь имеет доступ к государственным телеканалам. Исходя из той же логики, процесс мобилизации должен иметь общий и мобилизационный фреймы и их носителя – индивидуального или группового лидера. Затем, мобилизация – это индивидуальное или массовое действие, осуществляемое за пределами рабочего времени или теми, у кого рабочий день не нормирован. Как показал опыт «цветных революций», для государства и общества крайне невыгодно, чтобы для достижения своих целей все или большая часть населения не только выходила на массовые демонстрации, но и месяцами жила на улице. Такое противостояние представляет собой гигантское распыление индивидуального и совокупного социального капитала, личных средств и времени. Подчеркну, что мобилизация – это не единовременный акт, а воспроизводимый во времени *процесс* индивидуальных и коллективных действий, опирающийся на виртуальные сети активистов и их единомышленников и сочувствующих.

Рассмотренная мною сеть – это не технология, не информационная сеть, а прежде всего *объединение людей* морального долга и гражданской ответственности, обеспокоенных состоянием среды обитания. Если катастрофа ликвидирована, некоторая конкретная сеть может перейти в латентное состояние. Как полагают гражданские эксперты, «Участие тысяч активистов, добровольцев и благотворителей в преодолении “пожарного кризиса”, с одной стороны, продемонстрировало высокий уровень гражданской самоорганизации, *но*, с другой стороны, это был опыт *мобилизационной* самоорганизации. Текущая защита прав и общественных интересов не может осуществляться в мобилизационном режиме. Мобилизационный опыт, связанный с противодействием природной катастрофе, *малополезен в деятельности по продвижению и защите фундаментальных общественных интересов* в сферах гражданского политического влияния, экологии, местного самоуправления, гуманизации общественных отношений и т.д.» (Аверкиев и др., 2010: 28). С этим утверждением трудно полностью согласиться, потому что речь идет о

разных мобилизациях. Цитированные выше гражданские эксперты имеют в виду мобилизацию катастрофическую, но есть еще и *мобилизация как состояние*, внутренне присущее экологическим и другим гражданским организациям, находящимся в перманентном конфликте с властью предержащими.

Но при возникновении другой критической ситуации в ином месте это состояние может актуализироваться снова, привлекая активистов старых и новых, равнодушных и обеспокоенных. Так или иначе, *социальная память* о совместных действиях в целях охраны среды своего непосредственного обитания *сохраняется* в гражданском обществе, точнее, в его социальной памяти надолго, иногда на протяжении жизни целого поколения. Это видно сейчас, когда действия активистов и рядовых граждан весьма напоминают действия людей времен перестройки. Это видно и по тому, как люди старшего поколения отстаивают идеалы своей молодости, тем самым сохраняя свою идентичность. Но это вовсе не означает, что в случае новой катастрофы будут мобилизованы одни и те же люди именно потому, что эта социальная память виртуальна, и на ее основе может возникнуть совсем другая сеть природоохранного активизма во главе с другими лидерами и волонтерами.

Рассмотренная нами мобилизация – эмерджентный феномен, потому что способность к самоорганизации и самомобилизации – отличительные черты гражданского общества. Посредством виртуальных сетей эта память накапливается, структурируется. Конечно, как я отмечал ранее, сам тип воспроизводства природоохранных сетей в условиях России – чаще всего реактивный, то есть инициируемый извне, и одновременно саморганизующийся, самосохранительный, воспроизводящий себя в отчужденной среде (Яницкий, 2002: 105-23). Эта его двойственность влияет на характер и интенсивность мобилизационных процессов. Но это уже задача конкретного ситуационного анализа. Однако в любом случае нужна консолидация и мобилизация всех патриотических сил и интеллектуальных ресурсов общества для разработки первоочередных мер по социально-экологической модернизации России. Мер, которые бы обеспечивали одновременное достижение нескольких целей: устойчивое, то есть экосистемное и одновременно поступательное развитие российского общества, наращивание его экономической мощи и социальной привлекательности при минимальных рисках и необратимых потерях для экосистем.

Заключение. О качественной модели сети охраны природы

Итак, сеть охраны природы – это «двойная» структура, состоящая из виртуальных и «земных» организаций (узлов) и соединяющих их сетей коммуникации. Теоретически, модель этой сети должна отвечать следующим требованиям:

(1) она должна покрывать все Землю, включая околоземное пространство, связывая отраслевые и территориальные, государственные и гражданские организации, независимо от их ведомственной или иной принадлежности;

(2) основным принципом построения такой модели должно быть ее соответствие процессам социально-экологического метаболизма на локальном, бассейновом и глобальном уровнях. То есть эта модель должна подчиняться *принципу изоморфизма* социально-экологического метаболизма, происходящего в среде обитания в результате человеческой деятельности, и социально-структурной организации сетей;

(3) сеть охраны природы должна опираться на текущие и прогностические данные относительно движения вещества, энергии, капиталов, людских масс (миграционные процессы), потоков информации;

(4) государственные и гражданские аналитические структуры этой сети должны уметь социально интерпретировать эти метаболические процессы, как теоретически, так и практически;

(5) для такой интерпретации необходима подготовка персонала сетей, владеющего навыками междисциплинарной и межсекторальной коммуникации;

(6) эта модель должна обеспечивать постоянный обмен знаниями и опытом (ноу-хау) между научными учреждениями и специалистами, занятыми каждодневной охраной природы; между комплексом производств, трансформирующих природу, и анализом социально-экологических

последствий их деятельности; между учреждениями образования и культуры, с одной стороны, и практикой охраны природы, с другой;

(7) специфика социального капитала, накапливаемого в ходе обозначенных выше процессов, заключается в постоянном наращивании знания, а также – комплекса навыков (социальных технологий) перевода накапливаемого знания о процессах социально-экологического метаболизма в различные формы общественных практик: законотворчество, разработку нормативов и инструкций, обучение персонала, занятого непосредственно охраной природы, в практику образовательной и воспитательной работы среди населения и т.д.;

(8) накопление этого специфического капитала может быть построено по принципу крауд-сорсинга (crowd-sourcing), что потребует создания мощных надгосударственных аналитических центров (опыт такой практики уже давно накапливался в ходе проведения международного геофизического года и других видов мониторинга глобального масштаба);

(9) этот прикладной аспект социально-экологического капитала ни в коей мере не умаляет значимости этого капитала для формирования в обществе общих этических принципов охраны природы. В современной ситуации нарушения баланса биосферы и расхищения природных ресурсов (увеличение объема токсичных отходов, ресурсные войны) эта этическая функция сетей представляется мне наиболее важной. Нельзя решать частные задачи охраны природы, не изменяя постепенно принципы рыночной экономики и связанные с нею потребительские стереотипы образа жизни;

(10) поэтому создание всеохватывающей сети охраны природы является не столько «отраслевой», сколько общеполитической задачей гражданского общества;

(11) его агенты должны действовать, то есть развивать существующие и создавать новые сети, не дожидаясь, когда наступят всеобщий мир и благоденствие.

Теоретически, у модели сети охраны природы есть два основных режима функционирования. При «нормальном» (не мобилизационном) режиме функционирования эта модель должна отвечать указанным выше требованиям. При возникновении природных аномалий и/или техногенных катастроф сетевая модель охраны природы начинает функционировать в *мобилизационном режиме*. Этот режим имеет три фазы (и три временных периода): предкатастрофное состояние, собственно процесс катастрофы и посткатастрофное состояние, то есть период реабилитации.

Принципиальное методологическое отличие «нормального» случая от «катастрофического» состоит в том, что в первом случае целью является приращение общественного богатства (в форме повышения качества жизни,

роста человеческого и социального капитала и т.п.), тогда как во втором – сбережение оставшегося имущества, реабилитация нарушенных природных экосистем и восстановление здоровья и сохранение жизни оставшихся в живых.

Вот основные принципы действия сетей на первой фазе мобилизационного режима: (1) раннее предупреждение властей, населения и соответствующих служб экстренного реагирования о надвигающейся катастрофе, ее масштабе, предполагаемом районе поражения, масштабе людских и материальных потерь и т. д.; (2) приведение в готовность врачебно-санитарных служб, служб химической и радиационной защиты и связанных с ними некоммерческих и волонтерских организаций; (3) подготовка инфраструктуры для временного пребывания людей, пострадавших от катастрофы; (4) наличие общего и специфических алгоритмов действий спасательных и иных служб, с целью минимизации ущерба природе и людям.

Специфический алгоритм – это принципы взаимодействия агентов охраны природы, детерминируемые спецификой катастрофы и характером зоны ее поражающего действия. В таком случае, действия спасателей и волонтеров подчиняются не только служебным инструкциям и используют накопленный опыт, но зависят от «поведения» рискогенного объекта (торнадо, тайфуна, землетрясения, наводнения, техногенной аварии и т.п.). Именно он на некоторый период времени *определяет социальный порядок* в зоне катастрофы и метаболических процессов, за нею следующих. На этой фазе главный момент социального капитала – это аккумуляция ресурсов, необходимых для борьбы с катастрофой.

Вторая фаза – это непосредственное течение катастрофы. Она может происходить практически мгновенно или развиваться по Π -образной или волнообразной кривой. Главный социальный капитал этой фазы – это наличие алгоритмов слаженной работы всех мобилизованных сил, государственных и особенно гражданских. Последние чрезвычайно важны, так как, зная местные условия и ресурсы, они могут быстро и эффективно выявлять критические точки (очаги вновь возникающих пожаров, затоплений, наличие раненых) и действовать самостоятельно или совместно с силами гражданской обороны.

Третья, посткатастрофная фаза – наиболее сложная. Во-первых, требуется знание социально-экологического метаболизма, вызванного катастрофой, который может развиваться в течение нескольких лет и даже десятилетий. Во-вторых, наше общество, устроенное по ведомственному принципу, для оказания помощи поврежденному субъекту (местное сообщество, экосистема) «разбирает» его на части, за реабилитацию которых отвечает конкретное ведомство или служба. Тем самым общество

игнорирует тот факт, что пострадавший объект ранее был и, следовательно, должен сохраниться в будущем целостным, системным. В-третьих, по той же причине цели ведомства (или бизнес-структуры) и пострадавшего социального субъекта (сообщества) являются разными. Первые стремятся что-то восстановить с выгодой для себя и быстрее отчитаться с тем, чтобы получить прибыль и/или бонус престижа. Пострадавший же субъект (люди и их сообщества) стремится восстановить свой прежний уклад жизни или максимально приблизиться к нему. Что требует гораздо большего времени и материальных, людских и информационных ресурсов, чем строительство стандартных домиков в чистом поле или реабилитация по принципу «снос – переселение». В-четвертых, в силу указанных выше причин данная фаза – самая конфликтная, тем более что «помощь», например, пострадавшему лесу, начинается с дальнейшего его уничтожения, потому что для подхода тяжелой техники, необходимой для разборки завалов после пожара или торнадо, приходится рубить новые просеки «по живому» и т.п. То есть цена прошлых недоработок (ошибок, халатности) резко возрастает.

Пока процессы глобализации и интеграции сетей охраны природы, равно как и накопления в них социального капитала, сильно отстают от нарастающей глобализации экономических и политических процессов. Однако если мир как структурно-функциональная система становится глобальным, то и сети охраны природы, виртуальные и «земные», также должны приобрести глобальный характер. А накапливаемый в них социальный капитал должен стать основой прогноза динамики мир-системы и вытекающих из него практических мер, ограничивающих эту динамику или изменяющих вектор ее развития.

Литература

Абульханова-Славская К.А. 1980. *Деятельность и психология личности*. Москва: Наука.

Аверкиев И., Бедерсон В., Першакова Е. 2010. Люди на пожарах. Общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года: гражданские смыслы и результаты // Сайт *Пермской гражданской палаты*. URL: [http:// www.pgpalata.ru/actual/0023](http://www.pgpalata.ru/actual/0023) (дата обращения: 09.06.2012).

Бауман З. 2004. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Перев. с англ. М.: Издательство «Весь Мир».

Брудный А.А., Кавтарадзе Д.Н. 1981. «Экополис». *Введение и проблемы*. Препринт. Пущино.

Булдаков В.П. 2007. *Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления*. М.: РОССПЭН.

Вернадский В.И. 1995. *Публицистические статьи*. М.: Наука.

Дилигенский Г.Г. 1976. Проблемы теории человеческих потребностей. *Вопросы философии*. 9: 34-45.

Захаров В.М., (ред.) 1999. *Приоритеты национальной экологической политики. Резюме*. М.: Центр экологической политики России.

Иванов А.В. 2011. *Помнишь, как это было... (сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ)*. М.: ДОП МГУ.

Иллич И. 2006. *Освобождение от школ*. М.: Просвещение.

История Гринпис // Официальный сайт Гринпис Россия. 9 ноября 2009 г. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/about/history/> (дата обращения: 09.06.2012).

Каргалова М.В. (ред.). 2011. *Социальная Европа в XXI веке*. М.: Издательство «Весь Мир».

Ключеский В.О. 1988. *Сочинения в 9-ти томах*. Т. 3. М.: Мысль.

Кофанова Е.Н., Кротов Н.И. 1992. *Экологические организации на территории бывшего СССР*. Справочник. М.: Издательство «РАУ-Пресс».

Краснова Е. 2001. Я – дружинница. Что стоит за этим признанием? *Охрана дикой природы*. 1 (20): 16–18.

Кузьмина А.А. 1998. Риск-рефлексия в идеологии российского экологического движения, в сб. *Россия: риски и опасности «переходного» общества*. Под ред. О.Н.Яницкого. М.: Институт социологии РАН: 192–214.

Кузьмина А.А. 1999. Экологическое действие как форма риск-рефлексивности. *Социологические исследования*. 1999. 6: 60–65.

Къеза Дж. 2006. *Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния* М.: Эксмо.

Мардарь И.Б. 2007. Взаимодействие некоммерческих общественных организаций и социальных институтов города (на примере г. Новочеркасска).: 146-151, в сб.: *Природа и общество: Сибирь – судьба России* / Отв. ред. Э.С. Кульпин. М.: ИАЦ – Энергия.

Мардарь И.Б. 2008. Виртуальное пространство гражданского общества. *Досье на цензуру*. 29: 52-59.

Мардарь И.Б. 2008. Гражданские инициативы как коммуникаторы между властью и обществом, с. 44-47. В сб.: *Российская социология в публичном пространстве страны и мира*. М.: ГУВШЭ.

Мардарь И.Б. 2008а. Проблемы трансформации социального активизма в России (на примере крупного города).: 31-39. В сб.: *Модернизация России: научные и образовательные проблемы* / под ред. О.Н. Яницкого. М.: ИС РАН.

Мардарь И.Б. 2009. Виртуальная экология гражданского общества. *Социологические исследования*. 7: 52-59.

Мардарь И.Б. 2009а. Зарождение и становление структур гражданского общества в г. Новочеркасске на рубеже XX века.: 214-230. В сб.: *Социологические этюды: сборник статей аспирантов*. Вып. 2 / под ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН.

Михельс Р. 1990. Социология политической партии в условиях демократии. *Диалог*. 1990. №№ 5, 9; 1991. № 4.

Ослон А.А. и др. 2006. *Россия сетевая. Атлас Интернета*. Фонд «Общественное мнение» - М.: Издательство «Европа».

Птичников А.В., Третьякова С.В., Шматкова Н.М. 2011. (ред.) *Добровольная лесная сертификация: учеб. пос. для вузов* / Всемирный фонд дикой природы (WWF России). М.

Реймерс Н.Ф. и Штильмарк Ф.Р. 1978. *Особо охраняемые природные территории*. М.: Мысль.

Рейнгольд Г. 2006. *Умная толпа: новая социальная революция*. М.: ФАИР-ПРЕСС.

Ремчуков К. 2011. Особое мнение. *Радио Эхо Москвы*, 16 мая.

Рич Э. и Уивер К. 2003. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов. *Pro et Contra*. 8 (2): 64–89.

Россия сетевая. Атлас интернета. 2007. Фонд «Общественное мнение». М.: Изд-во Европа.

Сайт: Greenpeace International URL: <http://www.greenpeace.org/international/en/> (дата обращения 09.06.2012)

Сайт: Гринпис Россия URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/> (дата обращения 09.06.2012)

Сайт: Лесной форум Гринпис Россия URL: <http://www.forestforum.ru/> (дата обращения 09.06.2012)

Силласте Г. 2010. Городские гетто. Половину населения России планируют загнать в агломерации ради вступления в ВТО. *Аргументы недели*. 16 декабря: 3.

Скарс Р. 2002. *Эковоины. Радикальное движение в защиту природы*. Киев: Нобл-пресс.

Соболев Н.А., ред. 2003. *Критерии и методы формирования экологической сети*. М.: Изд-во ЦОДП.

Соболев Н.А. 2003. От природного каркаса к экологическому. *Охрана дикой природы*. № 4 (25). С. 16–19.

Соболев Н.А., Руссо Б.Ю. 1999. Стартовые позиции экологической сети Северной Евразии: рабочая гипотеза. *Охрана живой природы* 1(9): 22–41.

Степанский А.Д. 1980. *Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.* М.

Степанский А.Д. 1982. *Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.* М.

Стрежнева М. 2003. В сетях управления. *Pro et Contra*. 8 (2): 50–63.

Тарасов А. 2012. Куда течет Ангара. *Новая Газета*. 02.05: 2–3.

Усачева О.А. Экологический активизм в постсоветской России и западном мире: сравнительный анализ // *Социологические исследования*. 2011. № 3. С. 23–31.

Устав некоммерческого партнерства «Национальная рабочая группа по добровольной лесной сертификации» 2011. М.

Халий И.А. 2000. *Общественность регионов на страже окружающей среды*. М.: Мильеконтант Оост-Европа.

Халий И.А. 2004. *Участие: социальная экология регионов России*. Альманах, выпуск 13.

Чалая Т.В., Юхина И.Н. Золотов Ю.В. 2009. *Проект «Возродим наш лес». Опыт вовлечения школьников Рязанской области в работу по сохранению и восстановлению лесов*. М.: 28–30.

Чижевский А.Л. 1976. *Земное эхо солнечных бурь*. Изд. 2-е. М.: Мысль.

Шварц Е.А. 1998. Экологические сети в Северной Евразии: шанс для биоразнообразия или новый обман? *Охрана живой природы*. 1(9): 3-21.

Шварц Е.А. 2004. Бизнес «зеленеет» быстрее государства. *Ведомости-форум*. Октябрь: 34–35.

Яблоков А.В., сост. 2004. *Зеленое движение и гражданское общество: документы 2000–2004 гг.* М.: Товарищество научных изданий КМК.

Яблоков А.В., Дудникова А.Г., Черный Э.И., Меньщиков В.Ф., Васильева М.И., Веселов А.К., Разбаш О.А., Мищенко В.Л., Петрова Е.А. 2004. *Зеленое движение и гражданское общество: Нарушение экологических прав граждан России*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Ядов. В.А. 2006. *Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций*. СПб: Интерсоцис.

Яницкий Н.Ф. 1915. *Экономический кризис в Новгородской области ХУІ века*. Киев: Типогр. Импер. Ун-та Св. Владимира. – Репринтное издание [сост. О.Н. Яницкий]. М.: TAUS. 2007.

Яницкий О.Н. 1985. «Экополис»: желаемое и достигнутое. *Социологические исследования* 1: 65-76.

Яницкий О.Н. 1986. Человеческий фактор и социально-воспроизводственные процессы. *Рабочий класс и современный мир*. 4 (94): 33-48.

Яницкий О.Н. 1992. Развитие экологических движений на Западе и Востоке Европы. *Социологические исследования*. 1.: 32-39.

Яницкий О.Н. 1997. Модернизация в России в свете концепции «общества риска». *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии*. Под ред. Т.И. Заславской. М.: Интерцентр, 37-48.

Яницкий О.Н. 2002. *Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)*. Новосибирск: Сибирский Хронограф.

Яницкий О.Н. 2004. Диалоги науки и общества. *Общественные науки и современность*. № 6.: 86–96.

Яницкий О.Н. 2005. Россия как экосистема. *Социологические исследования*. № 7.: 84–94.

Яницкий О.Н. 2007. *Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики*. М.: Наука.

Яницкий О.Н. 2009. Экосоциология как перспектива, в сб.: *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Вып. 8. под. ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН: 37-56.

Яницкий О.Н. 2010. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места. *Мир России*. (19)3: 3–22.

Abelson D.E. 1996. From Policy Research to Political Advocacy: the Changing Role of Think Tanks in American Politics. *Canadian Review of American Studies*. No 25: 93–126.

Baldassarri, D., Diani, M. 2007. The Integrative Power of Civic Networks. *American Journal of Sociology*. 113 (3): 735–80.

Beck U. 1992. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE.

Burstein, P., Einwohner, R.L., and Hollander, J.A. 1995. The Success of Political Movements: A Bargaining Perspective, in: Jenkins J. C. and Klandermans B., eds. *The Politics of Social Protest*, Minneapolis, MN/London: University of Minnesota Press/UCL.: 275–291.

Corburn J. 2003. Bringing Local Knowledge into Environmental Decision Making. Improving Urban Planning for Communities at Risk. *Journal of Planning Education and Research*. 22 (3): 420—433.

Deelstra T. and O.Yanitsky, eds. 1991. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. M.: Mezhdunarudnye Otnosheniya.

Della Porta D. and M. Diani. 2006. *Social Movements*. 2nd.ed. Malden, Mass: Blackwell.

Diani M. and McAdam D. 2003. *Social Movements and Networks. Relational Approaches to Collective Action*. Oxford: Oxford University Press.

Fisher F. 2003. *Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge*. Durham: Duke University Press.

Fisher-Kowalski M. 1997. Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star, in: Redklift M. and G. Woodgate, eds. *The International Handbook of Environmental Sociology*. Northampton, MA: Edward Elgar: 119-137.

Fisher-Kowalski M. and H. Haberl. 2007. *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use*. Vienna: Klagenfurt University.

Gamson W. 1990. *The Strategy of Social Protest*. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company.

Hannigan J.A. 1995. *Environmental Sociology: A Social Constructivist Perspective*. London and N.Y.: Routledge.

Hanninen, S. 1991. Pollution, Power and Participation in Finland, pp. 225-44, in: Deelstra T. and O.Yanitsky, eds. 1991. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. M.: Mezhdunarudnye Otnosheniya.

Henry L. 2010. *Red to Green. Environmental Activism in Post-Soviet Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Irwin A. 2001. *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity.

Irwin A. and Wynne B., eds. 1996. *Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kempton W., Boster J.S. and Hartley A.J. 1995. *Environmental Values in American Culture*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Knoke D. 1990. *Political Networks. The Structural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kriesi H. 1993. The Political Opportunity Structure of New Social Movements. Its Impact on Their Mobilization. *The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives* / Ed. by J.C. Jenkins and B. Klandermans. Minneapolis: University of Minnesota Press: 167-198.

Latour B. 1998. From the World of Science to the World of Research? *Science*. 280: 208—209.

Massa, I. and Tynkkunen, V.-P. 2001. *The Struggle for Russian Environmental Policy*. Helsinki: Aleksanteri Institute.

Murphy R. 2010. *Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change*. Montreal: McGill-Queen's University Press.

Nygren A. 1999. Local Knowledge in the Environment-Development Discourse: From Dichotomies to Situated Knowledges. *Critique of Anthropology*. 19 (3.): 267—288.

Passy F. 2003. Social Networks Matter. But How? in: M. Diani and D. McAdam (eds.), *Social Movements and Networks*. Oxford/New York: Oxford University Press: 21-48.

Perrow Ch. 1984. *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. N.Y.: Basic Books.

Rootes C.A. 1997. Environmental movements and Green parties in western and eastern Europe, in M. Redclift & G. Woodgate, eds, *International Handbook of Environmental Sociology*, Cheltenham and Northampton MA: Edward Elgar.: 319–47.

Shick A. 1991 Informed Legislation, Policy Research Versus Ordinary Knowledge, in: W. Robinson, C. Wellborn, eds. *Knowledge, Power and Congress*. Wash., D.C.: Congressional Quarterly.

Waters M. 1995. *Globalization*. Lnd.& N.Y.: Routledge.

Woodhouse E. 2011. Conceptualizing Disasters as Extreme Versions of Everyday Life, pp. 61-74, in Dowty, R. and Allen, B. (eds). *Dynamics of Disasters. Lessons on Risk, Response and Recovery*. London: Earthscan.

Yanitsky O. 1984. Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City, in: *Cities and Ecology. The International Expert Meeting*, Suzdal, the USSR, September 24-30, 1984. Moscow: Nauka Publishing House: 54-57.

Yanitsky O. 1996. Environmental Movement in a Hostile Context: the Case of Russia. Paper presented at *the «Second International Conference on Social Movements»*, Vitoria, Spain, October 6-10, 20 pp.

Yanitsky O. 1997. Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society. Paper presented at *the International Conference «Sociological Theory and Environment»*, Woudschoten, the Netherlands, March 20-23, 21 pp.

Yanitsky O. 2001. Environmental Policy in Russia, pp.27-48, in: Massa, I. and Tynkkunen, V.-P. 2001. *The Struggle for Russian Environmental Policy*. Helsinki: Aleksanteri Institute.

Zald M. and J. D. McCarthy. 1987. *Social Movements in an Organizational Society. Collected Essays*. New Brunswick and Oxford: Transactions Books.

Список схем

1. Интерактивная модель взаимодействия общества и природы
2. Схематическая презентация отношений между участниками социально-экологического процесса
3. Основные организационные ячейки участия властных структур и городской общественности в охране природы в СССР (середина 1980-х гг.).
4. Пространственная презентация расстановки социальных сил по экологическим проблемам в период «демократизации и гласности» в СССР (1989-91 гг.)
5. Расстановка сил и схема сетей в конфликте по поводу строительства Даугавпилсской ГЭС (1986-87 гг.)
6. Пространственная презентация расстановки социальных сил по проблемам экологии после распада СССР (1994 г.)
7. Организационно-коммуникационная структура студенческой Дружины охраны природы (1987 г.)
8. Этапы развития идеи «Экополиса» (1970-80-е гг.)
9. Организационно-коммуникационная структура Социально-экологического союза (СоЭСа)
10. Структура и функциональные связи ДОП Казанского химико-технологического института (1983 г.)
11. Динамика связей ДОП Казанского химико-технологического института с начала 1970-х гг. по настоящее время
12. Межорганизационные отношения в случае конфликта вокруг вырубки старовозрастных (бореальных) лесов в Республике Карелия (1977 г.)
13. Организационная структура Международного лесного попечительского совета (International Forest Stewardship Council)
14. Организационная структура Лесного попечительского совета России (2012 г.)
15. Структура сетей Гринпис-Россия
16. Организация работ Гринпис-Россия по проекту «Возродим наш лес» в Рязанской области (2009 г.)
17. Сети экоНКО и других гражданских про-экологических организаций в Нижегородской области (1995 г.)
18. Структура экоНКО «ДронТ» (2012 г.)

19. Сторонники и противники работы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) на протяжении 1960-2010 гг.
20. Расстановка сил вокруг конфликта по поводу повторного открытия БЦБК в 2010 г.
21. Структура АКОФ «Алтай XXI век» (2000-е гг.)
22. Настоящее и будущее семейно-соседского клуба «Левша» (Москва, 1989 г.)
23. Типы контактов эоактивиста с прошлым, настоящим и будущим, образующие в совокупности его первичную эо-структуру
24. Частота общения Ф.Р. Штильмарка за 1957-79 гг. с различными типами социальных субъектов
25. Типы межличностных связей лидера эоНКО (конец 1990-х гг.)
26. Типы межличностных связей лидера зонтичной эоНКО в случае государственной экологической экспертизы проекта газоконденсатного месторождения на полуострове Ямал (1989 г.)
27. Активность эоНКО на разных этапах экологической катастрофы

Список сокращений

АКОФ – Алтайский краевой общественный фонд
 АЭС – атомная электростанция
 БАМ – Байкало-Амурская магистраль
 БРО по Байкалу – Бурятское региональное объединение по Байкалу
 БЭВ – Байкальская экологическая волна
 БЦБК – Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат
 ВВП – валовой внутренний продукт
 ВВФ – Всемирный фонд охраны дикой природы в России
 ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
 ВООП – Всероссийское общество охраны природы
 ВТО – Всемирная торговая организация (World Trade Organization)
 ГИС – геоинформационная система
 ГЭС – гидроэлектростанция
 ДОП – Дружина охраны природы
 ДЛС – Добровольная лесная сертификация
 ЕС – Европейский Союз
 ИКТ – информационно-коммуникационные технологии
 КГБ – Комитет государственной безопасности
 КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
 КХТИ – Казанский химико-технологический институт
 ЛДК – лесопильно-деревообрабатывающий комбинат
 ЛПС – Лесной попечительский совет
 МГУ – Московский Государственный Университет
 МежРабПом – Общество Международной рабочей помощи
 МОИП – Московское общество испытателей природы
 МЧС – министерство по чрезвычайным ситуациям
 НИИ – научно-исследовательские институты
 НКО – некоммерческие организации
 НПО – неправительственные организации
 НТТМ – организация научно-технического творчества молодежи
 ОАО – открытое акционерное общество
 ООН – Организация Объединённых Наций
 ООПТ – Особо охраняемые природные территории
 ОСД – организации социального движения

ПАНИ – Петровская академия наук и искусств
 ПДВ – предельно допустимые выбросы
 ПДК – предельно допустимая концентрация
 РФ – Российская Федерация
 СМИ – средства массовой информации
 СМО – организационное ядро социального движения
 СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
 МСоЭС – Международный Социально-экологический союз
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 США – Соединённые Штаты Америки
 СоЭС – Социально-экологический Союз
 экоНПО – экологическая неправительственная организация
 ТНК – транснациональная компания (корпорация)
 ФСБ – Федеральная служба безопасности
 БЦБК – Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат
 ЭД – экологическое движение
 ASI - Accreditation Services International (Международная компания по услугам в сфере аккредитации)
 Earth First! – (Земля прежде всего!) — радикальная организация по защите окружающей среды
 EBRD – (European Bank for Reconstruction and Development) – Европейский банк реконструкции и развития
 ISAR – Организация по сбору и распределению информации по кооперации гражданских инициатив Евразии
 ISEAL - Международный альянс по социальной и экологической аккредитации и экомаркировке
 ISO - Международная организация по сертификации
 IT – Internet (Information) Technology – Интернет (информационные) технологии
 FoE EWNI – Friends of the Earth (England, Wales & N Ireland's) – НПО «Друзья Природы»
 FSC (Forest Stewardship Council) – Лесной попечительский совет
 PEFC (Pan European Forest Council) – Система Паневропейской лесной сертификации (сегодня – Программа поддержки лесной сертификации)
 WB – (World Bank Group) – Всемирный Банк
 WSSN - Международная сеть по сертификации и стандартам — орган Всемирной торговой организации
 WWF – (World Wide Fund) – Всемирный фонд охраны дикой природы
 WWF-IKEA – (World Wide Fund-Ingvar Kamprad Elmtaryd Agunnaryd) – Всемирный фонд охраны дикой природы - Торговая сеть по продаже мебели, Нидерладская компания со шведскими корнями

Основные публикации (книги) О.Н. Яницкого по социально-экологической проблематике

- Яницкий О.Н. 1975. *Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии*. М.: Наука.
- Яницкий О.Н. 1984. *Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции*. М.: Наука.
- Яницкий О.Н. 1991. *Социальные движения. Сто интервью с лидерами*. М.: Московский рабочий.
- Яницкий, О.Н. 1996. *Экологическое движение в России. Критический анализ*. М.: Институт социологии РАН.
- Яницкий О.Н. 2002. *Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)*. Новосибирск: Сибирский Хронограф.
- Яницкий О.Н. 2002. *Семейная хроника. 1852–2002*. М.: Издательство LVS. (издание 2-е, дополненное вышло в 2012).
- Яницкий О.Н. 2003. *Социология риска*. М.: Издательство LVS.
- Яницкий О.Н. 2007. *Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики*. М.: Наука.
- Яницкий О.Н. 2008. *Экологическое мышление эпохи “великого передела”*. М.: РОССПЭН.
- Яницкий О.Н. 2009. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. – М., ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1408> (дата обращения: 09.06.2012)
- Яницкий О.Н. 2011. *Экомодернизация России: теория, практика, перспектива*. М.: Институт социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2113> (дата обращения: 09.06.2012)
- Yanitsky O. 1993. *Russian Environmentalism: Leading Figures, Facts, Opinions*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publishing House.
- Yanitsky O. 2000. *Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis*. Helsinki: Kikimora Publications.
- Yanitsky O., ed. 2008. *Modernization in Russia: Challenges to Research and Education*. Institute of Sociology: Moscow.
- Yanitsky O. 2010. *Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader*. Moscow: Taus.
- Yanitsky O. and Deelstra T., eds. 1991. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. М.: Mezhdunarudnye Otnosheniya.

Научное издание

Яницкий Олег Николаевич

**Природоохранные сети России и их социальный капитал
(гносеологические и теоретические проблемы)**

Корректор Ю. А. Рудковская

Компьютерная верстка О. А. Усачева

Усл. печ. л. 12,2

Институт Социологии РАН

117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, каб. 524

Тел.: 8(499)128-86-76, E-mail: yanitsky@isras.ru

Опубликовано на Официальном сайте Института социологии РАН
15.07.2012.

URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>